

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Зими́на Евге́ния Серге́евна

**Внешняя политика польских Ягеллонов в конце XV – начале
XVI столетия. Отношения с Москвой**

Специальность — 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Гусарова Татьяна Павловна

Москва – 2024

Содержание

Введение	4
Историография	10
Обзор источников.....	21
Глава 1. Внешняя политика Польши в 70-е годы XV столетия	32
1. Польско-Литовское государство и Московское княжество в конце XV века ..	32
2. Крым: между Москвой, Польшей, Большой Ордой и Портой.....	39
3. Польша и Молдавия	47
Глава 2. Становление союза Москва—Крым—Молдавия.....	56
1. Союз Ивана III с Менгли Гиреем и Стефаном Молдавским	57
2. 1480 год. Поход хана Ахмата на Москву.....	76
3. Заговор литовских князей.....	82
Глава 3. Казимир IV в 1480–1492 гг. Начало открытого противостояния с Москвой.....	86
1. Деятельность антиягеллоновской коалиции в период с 1480 по 1484 год	87
2. Внешняя политика Казимира Ягеллона в 1480–1484 гг.	94
3. Внешнеполитические события с 1484 по 1492 год.....	97
4. 1490: Борьба за венгерское наследство	103
5. Московский вопрос в 1484–1492 гг.	106
Глава 4. Братья Ягеллоны после смерти Казимира IV. Выработка совместной политики на международной арене.....	110
1. Общая характеристика времени.....	110
2. Объединение Ягеллонов. Совместная работа.....	111
3. Съезд в Левоче в 1494 году.....	114
4. Молдавский вопрос	116
5. Польско-венгерская попытка создания антитурецкой коалиции и контакты с Римом	120
6. Ягеллоно-габсбургское противостояние.....	124
Глава 5. Конфликты Литвы с Москвой при Александре Ягеллоне	132
1. Конфликт 1492 – 1494 гг.	132
2. Брак Александра Ягеллона и Елены Ивановны	136

3. Война 1500 года. Начало конфликта.....	138
4. Ход боевых действий	141
Глава 6. Первое венгерское посольство и попытка Ягеллонов примирить Литву и Москву	145
1. Ход посольства	146
2. Польское и литовское посольство в Москву 1501 года	152
Глава 7. Развитие боевых действий и международной обстановки после первого венгерского посольства.....	158
1. Боевые действия и новые коалиции	158
2. Избрание Александра польским королем. Конфликт с Владиславом II	161
3. Война на два фронта	165
Глава 8. Второе венгерское посольство Владислава II Ягеллона в Москву 1502 года	169
1. Участники посольства	171
2. Подготовка посольства	176
3. Ход посольства	180
Глава 9. Дипломатическое урегулирование конфликта 1500–1503 гг.....	187
1. Участники польско-литовской дипломатической миссии	187
2. Ход посольства	191
3. Результаты посольства	196
4. Иван III и Ягеллоны после войны 1500–1503 гг.....	198
Заключение.....	201
Библиография	210
Приложение 1	221
1. Liber legationum, I. fol. 46r – 52r.....	221
2. Liber legationum, I. fol. 61a – 61r.....	241
3. Liber legationum, I. fol. 125a – 134r.....	243
Приложение 2	281

Введение

Конец XV и начало XVI века — время зарождения новой системы международных отношений и дипломатической службы. В ведущих западноевропейских державах постепенно складываются государственные институты, задачей которых являлось осуществление дипломатии государства. Не были исключением из общей тенденции и такие государства, которые, на первый взгляд, находились вдалеке от центров большой международной политики, Польша и Россия.

На изменение структуры международных отношений в конце XV века оказал влияние целый ряд факторов. Разложение феодализма, начало эпохи Великих географических открытий, зарождение капитализма, развитие идей гуманизма — все это наложило отпечаток на развитие мировых связей. В начале XVI столетия военные столкновения между отдельными странами стали трансформироваться в общеевропейские конфликты, где одна группа государств противостояла другой. Такого явления в международных отношениях ранее мы не могли наблюдать. Сильные центры формировали союзы, состоящие из более мелких и слабых сателлитов. Борьба на международной арене становится не только полем сражения за новые территории и ресурсы, но и за привлечение на свою сторону как можно большего числа союзников. Ни Польша, ни Москва не были оторваны от этих общемировых тенденций. На протяжении второй половины XV столетия оба государства вели активную дипломатическую работу по созданию подобных союзов, которые помогли бы эффективнее достигать цели и нейтрализовать противника.

Тема нашей работы — «Внешняя политика польских Ягеллонов в конце XV – начале XVI столетия. Отношения с Москвой». Хронологические рамки работы обусловлены тем фактом, что именно в это период польско-литовская династия Ягеллонов достигает значительного могущества, когда и Польша, и

Великое княжество Литовское¹, и Чехия, и Венгрия оказались под властью династии Ягеллонов. На восточных границах этих обширных территорий постепенно обретает силу Русское государство. Освободившись от многовекового ига и проводя курс на централизацию государства вокруг Московского княжества, Иван III неминуемо столкнулся с интересами польско-литовской династии. Эффективность проводимой Краковом и Москвой внешней политики является одним из центральных вопросов данного исследования. Внешнеполитические мероприятия, осуществляемые Казимиром IV, совместная деятельность представителей династии Ягеллонов, координация действий Польши, Чехии, Венгрии, попытки организовать новый общеевропейский Крестовый поход против османов и специфика дипломатической службы на рубеже XV и XVI столетия — это те темы, без которых невозможно комплексно проанализировать международные отношения в данном регионе в этот период.

Таким образом, **актуальность темы диссертационной работы** обусловлена значимостью центральноевропейского региона. До настоящего времени отсутствует специальное исследование династической политики Ягеллонов в отношении Великого княжества Московского в конце XV – начале XVI вв. В этот период складываются основные противоречия, которые стали реальностью международных отношений в этом регионе на долгие столетия вперед. Детальный анализ проблем первых дипломатических контактов Польско-Литовского государства с Русью времен Ивана III позволяет комплексно оценить истоки русско-польских конфликтов XVI и XVII столетий.

Объектом исследования являются международные отношения в Центральной и Восточной Европе в конце XV – начале XVI столетия. **Предметом исследования** стала внешняя политика династии Ягеллонов и отношения с Великим княжеством Московским в указанный период.

Основная **цель** заключается в изучении роли внешней политики Ягеллонов в формировании и развитии дипломатических отношений с Великим

¹ Великое княжество Литовское — также ВКЛ.

княжеством Московским в конце XV – начале XVI века. Для реализации исследовательского замысла потребовалось **решить следующие задачи:**

- выяснить причины формирования конфликта между государствами подвластными династии Ягеллонов и Великим княжеством Московским в конце XV – начале XVI столетия;
- проследить основные этапы развития дипломатических отношений между Польшей, Великим княжеством Литовским и Московским государством;
- изучить контекст и содержание международных отношений в Центральной и Восточной Европе в конце XV – начале XVI столетия;
- проанализировать ключевые внешнеполитические проблемы, которые существовали в Центральной и Восточной Европе в указанный период;
- рассмотреть становление противоборствующих внешнеполитических союзов, которые были сформированы Ягеллонами и Великим княжеством Московским для продвижения своих интересов;
- охарактеризовать эффективность проводимого Ягеллонами внешнеполитического курса, в контексте взаимоотношений с Великим княжеством Московским;
- изучить итоги внешней политики Ягеллонов в конце XV – начале XVI века.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период 1470–1506 гг. Нижняя граница исследования определяется активизацией внешней политики Великого княжества Московского, основой которой был курс на централизацию государства и избавление от длительного татаро-монгольского ига. Это привело к конфронтации с Польшей и Великим княжеством Литовским, так как усиление на востоке представляло угрозу для их земель. В 1492 году возникают предпосылки для «династической

дипломатии» Ягеллонов, когда после смерти Казимира IV два его сына Ян Ольбрахт и Александр занимают польский трон и престол Великого княжества Литовского. Их старший брат, король Чехии Владислав II, в этот год утверждает свою власть над Венгрией. Таким образом, в Центральной Европе в 1492 году складывается ситуация, когда короны Венгрии, Чехии, Польши и Великого княжества Литовского держат в руках представители польско-литовской династии Ягеллонов. Широкая полоса территории, отделяющая Западную Европу от Восточной, оказывается под их контролем.

Конечной датой исследования является 1506 г., когда с политической сцены сходят основные «творцы» русско-польско-литовского конфликта второй половины XV – начала XVI века. В 1505 году умирает Иван III, а уже в 1506 году ушел из жизни молодой и казалось бы полный жизни польский король Александр Ягеллон. С его кончиной начинается иная эпоха в ягеллоно-русских отношениях, где Великое княжество Московское уже не боролась за выживание, а выступала как полноправный соперник Польско-Литовскому государству. Если Иван III начинал это противостояние, находясь в зависимом положении от татар, не имея союзников, преодолевая последствия смуты и раздробленности, то Василий III «царствовал» без оглядки на татарское иго и международную изолированность. Ягеллоны в свою очередь в конце XV века являлись безоговорочными гегемонами в регионе и не испытывали серьезных опасений по поводу своих соседей с Востока. Однако за 30 с небольшим лет ситуация изменилась, в Кракове упустили из виду усиление Московского государства, после которого она превратилась в реальную угрозу для Польши и Великого княжества Литовского.

Научная новизна диссертации определяется следующими факторами. Во-первых, в научный оборот вводятся ранее неизвестные архивным материалы, которые позволяют более детально проанализировать особенность первых дипломатических отношений между Польшей и Великим княжеством Московским.

Во-вторых, несмотря на то, что международные отношения конца XV – начала XVI столетия изучены относительно неплохо, тем не менее до сих пор

нет специальной работы, которая освещала бы отношения Ягеллонов с Русским государством. Кроме этого в работе подробно анализируется османский фактор в развитии московско-крымских отношений.

В-третьих, в ходе настоящего исследования автор впервые в историографии ставит вопрос об эффективности династической политики Ягеллонов, как старого и традиционного метода ведения дипломатии, в противовес концепции создания военных союзов, которой придерживался Иван III и которая в большей степени характерна для раннего Нового времени.

В-четвертых, автором впервые исследуется и подвергается сравнительному анализу особенность ведения дипломатической службы в Польше и Великом княжестве Московском в конце XV – начале XVI столетия.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке курсов по истории международных отношений в высших учебных заведениях, истории Польши, истории России и истории дипломатии. Изучение опыта развития международных отношений может быть использовано государственными органами РФ для разработки и оптимизации внешнеполитического курса.

Методология исследования базируется на классических принципах научной объективности, историзма и системности. Принцип объективности помогает историку максимально избегать ангажированных оценок и симпатий, сравнивать сведения, полученные из источников разного происхождения и типа с их трактовками в литературе. Принцип историзма позволяет ученому анализировать источники с учетом исторического контекста и выделять основные тенденции в развитии международных отношений. Принцип системности дает возможность рассмотреть эволюцию дипломатических отношений на протяжении длительного периода.

В диссертационном исследовании используется проблемно-хронологический подход, согласно которому развитие внешней политики Ягеллонов по отношению к Московскому государству рассматривается исходя из ее ключевых проблем (обеспечение безопасности, суверенитета и

наращивания мощи государства) и на всем протяжении изучаемого периода. Это позволяет увидеть развитие дипломатических отношений и фиксировать ключевые вехи в ее эволюции.

В диссертации используются общепризнанные методы познания: анализ и синтез, классификация. Они позволяют упорядочивать и систематизировать факты, их трактовки, объяснять причинно-следственные связи. Особенно важен сравнительный анализ, который дает возможность сопоставлять сведения из различных источников, выявлять противоречия в оценках событий и делать вывод из полученных данных.

В диссертации применяется метод системного анализа, согласно которому такое сложное явление как международные отношения, изучается в качестве целостной системы, для которой характерны внутренняя логика развития и стремление к стабильности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Внешняя политика Ягеллонов в конце XV – начале XVI века и ее московское направление является неотъемлемой частью системы международных отношений того периода.

2. Эффективность проводимой внешней политики в отношениях между Польшей и Великим княжеством Московским заключалась в умении построить прочные военные союзы, которые способствовали ослаблению противника.

3. Сложившаяся в 1492 году совместная династическая дипломатия Ягеллонов не была успешной в виду своей внутренней разобщенности и отсутствия общей концентрации и централизации сил.

4. Фактор религиозного соперничества в регионе является актуальной действительностью русско-польских отношений конца XV – начала XVI века.

5. Отсутствие должного внимания к московскому направлению внешней политики в конце XV – начале XVI столетия способствовало ослаблению позиций Ягеллонов в регионе.

Степень достоверности и апробации результатов исследования. Его достоверность обусловлена привлечением широкого круга источников, критическим осмыслением материала, содержащегося в первоисточниках и научной литературе по теме диссертации. Результаты диссертационной работы получили отражение в пяти научных публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в журналах, которые входят в перечень изданий, рекомендованных Ученым советом МГУ для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2, и в журналах, индексируемых в базе данных RSCI.

Источниковую базу исследования составил обширный материал источников, как опубликованных, так и ранее не известных. Если говорить о типе источников, то в первую очередь — это материалы посольских книг, где хранятся не только сведения о различных дипломатических миссиях, но также собраны инструкции послам и зачастую тайная переписка с осведомителями, что помогает исследователю более комплексно проанализировать тот или иной сюжет происходивший на международной арене.

Историография

Отечественная историография

Изучением внешней политики династии Ягеллонов занимались многие исследователи. Неоценимый вклад внесли польские историки, однако, тема привлекала авторов и из других стран. Внешняя политика польских Ягеллонов в XV – XVI столетии затронута в ряде общих работ, посвященных международно-политической тематике. Несмотря на это, комплексного исследования внешнеполитической линии, проводимой династией в этот период, до сих пор нет. Все работы, посвященные польско-литовской внешней политике, можно условно разделить на два больших раздела. Первый — публикация архивных материалов и источников. И второй — непосредственное историческое исследование, основанное на опубликованных и архивных материалах.

Если говорить о «московском направлении» дипломатической деятельности Ягеллонов, большой вклад в разработку внесли представители отечественной исторической школы. Первые публикации источников по дипломатии Польши и Великого Княжества Литовского XV и XVI вв. появились еще в XVIII столетии², что стимулировало развитие дореволюционной историографии. Из работ, заслуживающих особого внимания, стоит упомянуть монографию Г. Карпова³, посвященную борьбе Польши и Москвы на рубеже XV и XVI столетия. Будучи публикатором 35-го тома Русского императорского исторического общества⁴, где представлены документы дипломатических отношений Русского государства с Польшей, автор опирается в своем исследовании на широчайший круг источников и описывает все перипетии дипломатической игры между двумя странами.

Еще один труд дореволюционного специалиста по истории папско-русских отношений П.О. Пирлинга⁵ хотелось бы отметить особенно. Хотя в центре внимания автора являются исторические сюжеты связанные с отношениями между Русью и Римом, но исследователь не обделяет своим вниманием и русско-польские связи.

Во всех работах прослеживается определенная общая тенденция, характерная для развития дореволюционной историографии. В обеих работах Россия конца XV века представлена как «жертва», которая окружена вероломными западными врагами. В случае Карпова, неприятель — это Литва, Польша и Ягеллоны; если говорить о Пирлинге, то это — Рим и католичество. Иван III выступает в роли бесхитростного монарха, единственной заботой которого является защита и сохранение государства, ни о каких политических маневрах или, тем более, тайных переговорах московского государя с другими

² Dogiel M. Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, in quo pacta, foedera, tractatus paci etc. Vilnae, 1758. Т. 1; Vilnae, 1764; Т. 4: in quo totius Prussiae res continentur; Vilnae, 1758. Т. 5: in quo ut universae Livoniae, ita speciatim Curliandiae et Semigalliae ducatum res continentur.

³ Сочинение Геннадия Карпова. История борьбы Московского государства с польско-литовским 1462–1508. М., 1867.

⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т.35 (Польша и Литва)

⁵ Пирлинг П.О. Россия и папский престол. Т. 1. М., 1912.

правителями не может быть и речи. Картина международных отношений представляется, несмотря на огромный фактический материал переработанный авторами, несколько однобокой. Историки подробно анализируют внутреннее положение Русского государства, но в исследованиях практически отсутствует анализ действий соперников Московского княжества, проявляется преувеличенный интерес к личности монарха. Внутренние, экономические и социальные факторы, как правило, игнорируются авторами, все процессы подчинены воле и способностям правителя.

Утверждение после революции марксистской идеологии и методологии наложило отпечаток на характер последующих работ. Экономические и социальные факторы, уходящие от внимания авторов предыдущей эпохи, теперь были признаны доминирующими. Во многом это обогатило исследования советских ученых, главным для историка теперь становилось сохранение определенного баланса между экономической историей и всеми остальными факторами. В огромном массиве научных трудов этого периода можно найти множество замечательных работ, которые так или иначе затрагивают проблему дипломатии в Восточной и Центральной Европе конца XV века.

Из классических монографий советского периода стоит упомянуть труд К.В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века»⁶. Автор опирается на солидный материал источников, причем не только отечественных, в работе также использованы документы Венского государственного архива. Историю внешней политики исследователь прослеживает в тесной связи с процессом политического объединения русских земель и складывания великорусской народности. Основной движущей силой всей внешнеполитической деятельности Ивана III Базилевич видит стремление государя объединить все исконно русские земли под своим скипетром. Корень вражды Москвы с Литвой и Польшей в начале XVI века лежит, по мнению автора, именно в желании московского государя

⁶ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М., 1952.

вернуть области, которые ранее принадлежали русским и заселены православным населением. Такой вывод вполне закономерен и логичен, поскольку идея объединения и консолидации русских территорий является основной и концептуальной в данном исследовании. Подобный подход и взгляд автора на дипломатию Ивана III стал со временем доминирующим в отечественной историографии.

Нельзя обойти вниманием работу А.А. Зимина «Россия на рубеже XV – XVI столетий»⁷. Хотя данная монография не посвящена непосредственно дипломатическим отношениям, все же автор дает очень яркую картину внешней политики русского государства эпохи Ивана III и очерчивает общие контуры международных проблем той эпохи. Исследователь попытался преодолеть доминирующую в историографии «завязку» на централизации и искал другие аспекты развития европейской дипломатии. Зимин говорит о наличии в Европе определенных противоборствующих лагерей, Империи с одной стороны и Франции с другой. Упоминает о попытке создания антирусской коалиции перед войной 1500-го года, в которую входили Дания, Ганза, Тевтонский орден, Империя, Рим и Польша. Основным инициатором коалиции автор видит ливонцев, что представляется нам несколько странным, так как Ливонский орден конца XV века не имел никакой самостоятельности и политического веса и, следовательно, не мог претендовать на то, чтобы выступать активным игроком на международной арене. Тем не менее, исследователем была сделана попытка отойти от вопроса объединения и приблизиться к анализу политической расстановки сил в самой Европе.

Говоря об отечественной историографии в сфере внешней политики Руси и дипломатии необходимо упомянуть работы А.Л. Хорошкевич⁸. Автор дает общую картину развития международных отношений XV и XVI столетий, опираясь на большой круг источников. Исследователем найден определенный баланс между характерными особенностями советской историографии (то есть

⁷ Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.

⁸ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. М., 1980.

внимательное отношение к экономическим проблемам, вопросу централизации русского государства) и анализом общей тенденции развития узловых проблем международных отношений того периода.

В 80-е годы XX века в свет вышла коллективная работа, посвященная международным отношениям и, в частности, османской угрозе – «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV – XVI вв»⁹. В этом издании представлены статьи таких отечественных историков, как С.Ф. Орешкова, И.Б. Греков, В.П. Шушарин. Исследование вводит турецкий элемент в контекст международных отношений в зоне влияния польской династии Ягеллонов, тем самым расширяя и углубляя общую проблематику.

Если говорить о локальных исследованиях, то необходимо упомянуть о монографии Л.Е. Семеновой «Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешнеполитической истории)»¹⁰. Автором проводится анализ молдавско-московских отношений, говорится о сложном поиске Стефаном Молдавским союзников в борьбе против осман. Несмотря на то, что монография дает широкую перспективу внешней политики Молдавии, периоду XV – XVI вв. уделено значительное внимание. Возможная помощь против турок со стороны Руси и отсутствие таковой от Польши является основным стимулом для углубления отношений между Сучавой и Москвой, по мнению Семеновой.

Б.Н. Флоря, специалист по развитию русско-польских и польско-габсбургских отношений, выпустил в свет несколько работ, посвященных проблеме дипломатии в Центральной Европе¹¹. Основное внимание историк уделяет периоду конца XVI века, более ранние сюжеты рассматриваются в контексте политики централизации Русского государства, проводимой Иваном III.

⁹ Османская империя и страны центральной, восточной и юго-восточной Европы в XV – XVI вв. М., 1984.

¹⁰ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешнеполитической истории). М., 2006.

¹¹ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. М., 1978; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века. М., 1973.

В целом, развитие ягеллоно-русских отношений в конце XV и начале XVI века предстает в отечественной историографии следующим образом. Основной концепцией развития русской дипломатии эпохи Ивана III продолжает являться идея централизации русских земель, сложившаяся еще в дореволюционный период и разработанная более подробно историками советского периода. Интерес исследователей также привлекает анализ общих тенденций в международных отношениях тех времен и того, как княжество Московское вписывалось в них. До настоящего времени нет работ, посвященных непосредственно теме первых дипломатических связей Ягеллонов и Москвы и того, чем являлась Россия для первых западных послов конца XV века. Международные отношения представлены в общих контурах, нет четкого понимания того, как Москва от внешнеполитической слабости за несколько десятилетий смогла добиться паритета в регионе. Нет глубокого анализа польско-литовской дипломатии, не вскрыты внутренние мотивы ее действий.

Зарубежная историография

Развитие польской научной мысли в изучении вопроса ягеллоно-русских отношений продвигалось иным путем, в каком-то смысле слова, более тернистым. С конца XVIII и до начала XX-го столетия независимого польского государства как такового не существовало, территория страны была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. Все важнейшие документы, к числу которых относились и посольские книги Польского королевства (*Libri Legationum*) были увезены. К счастью для русских исследователей эти документы попали в архивы Российской империи, где часть из них хранится до сих пор. Но польские ученые, которые были заинтересованы в изучение истории дипломатии собственной страны, долгое время не имели прямого доступа к источникам. После обретения независимости польского государства в 20-х годах XX века документы польской канцелярии были возвращены на родину.

Но не только фактор разделенной страны и отсутствия прямого доступа к источникам тормозил развитие польской историографии в вопросе о

становлении дипломатии Ягеллонов в конце XV века и их взаимоотношений с Москвой. Период с 1480 по 1506 год можно назвать «темным» отрезком» в истории Речи Посполитой. Это вызвано малым количеством документов, освещающих это время. В 1927 году польским ученым Фридериком Папе был опубликован корпус дипломатических документов Александра Ягеллона, до этого времени все исследователи пользовались в основном русскими опубликованными материалами. Хотя первые источники по истории дипломатических сношений двух государств были изданы еще в XVIII веке Догилем, на основе польской Коронной метрики (*Libri Legationum*), данная публикация изобиловала неточностями, содержание носило обрывочный характер, о чем подробно написал В.А. Уляницкий в своей работе¹².

Собственно говоря, Ф. Папе явился первооткрывателем изучения истории конца XV и начала XVI века в Польше. Он выпустил три классические монографии, посвященные временам Казимира IV Ягеллона, Яна Ольбрахта и Александра¹³. Эти исследования представлены в жанре биографий, но автором были затронуты такие важные аспекты, как дипломатия и международные отношения. До сих пор эти труды не утратили своей актуальности и, по нашему мнению, являются лучшим, что было написано в Польше по истории страны времен Казимира Ягеллона и его сыновей. Ф. Папе рассматривает русско-польские отношения в связи с развитием совместной дипломатии Ягеллонов, придерживается мнения, что конфликт 1500 – 1503 гг. явился результатом политических просчетов Великого князя Литовского Александра.

К большому сожалению, вплоть до настоящего времени в Польше так и не появилось работ крупного масштаба, посвященных непосредственно временам Яна Ольбрахта и Александра и их дипломатии. Можно назвать монографию К. Петкевича «Великое княжество Литовское под властью

¹² Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV – XVI вв. М., 1887.

¹³ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999; Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 2006.

Александра Ягеллончика»¹⁴, но данное исследование в основном затрагивает внутреннюю политику, дипломатии же почти не касается.

В 60-е годы XX-го столетия вышла в свет коллективная работа, освещающая основные тенденции в развитии польской дипломатии на протяжении трех столетий, с XVI до XVIII века¹⁵. И хотя в монографии нет специальной главы, повествующей о периоде правления Александра Ягеллона, о работе канцелярии и посольской службы, информацию можно почерпнуть из раздела о временах Казимира IV, автором которого является крупный специалист в области истории дипломатии Анджей Вычаньский. Исследователь говорит об основных проблемах польской дипломатии, о зарождении дипломатической службы в Речи Посполитой, о посольских обычаях, структуре канцелярии и т.п. Схожий фактический материал находится в более позднем многотомном издании «Истории польской дипломатии»¹⁶, где есть соответствующий раздел о внешней политике Яна Ольбрахта и Александра.

На протяжении длительного периода после Второй мировой войны развитие польской историографии проходило тот же путь, что и советская историческая мысль. Интерес к судьбам отдельных политических личностей сменился подробным и доскональным изучением экономической и социальной истории. Конечно, в Польше это проявлялось несколько в меньших масштабах, но все же, читая работы польских историков, невольно замечаешь схожие мотивы и обобщения, которые были характерны для советской историографии. Не составляют исключения из общего правила и работы, касающиеся истории конца XV и начала XVI столетия. Рассматривая русско-польские конфликты, исследователи подчеркивают в основном две противоположные тенденции – со стороны России, начало централизации государства, и, со стороны Польши, попытка польского магнатства удержать экономически выгодные районы

¹⁴ Pietkiewicz K. Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995.

¹⁵ Polska służba dyplomatyczna XVI – XVIII wieku. Warszawa, 1966.

¹⁶ Historia dyplomacji polskiej. W., 1980. T. 1.

Западной Украины и Белоруссии. Религиозный фактор или проблема ягеллоно-габсбургского противостояния практически полностью игнорируются.

В 1990-е годы появилось несколько статей, касающихся центральноевропейской дипломатии конца XV века, выпущенных профессором Краковского университета Кшиштофом Бачковским¹⁷. Автор оценивает развитие русско-польских отношений в прямой взаимосвязи с общим ходом развития международных отношений того времени. Национальные интересы польского государства, по мнению автора, были подчинены династическим устремлениям династии Ягеллонов.

Таким образом, если говорить о состоянии темы в польской историографии на настоящий момент, то следует указать, что историей дипломатии этого периода, как правило, занимались историки, которые писали биографии определенных исторических деятелей, либо в контексте политической истории Польши. Со второй половины XX века в польской историографии господствовал марксистский взгляд на развитие истории, это касается и дипломатических отношений между Россией и Польшей, подчеркивался экономический фактор и отодвигались на второй план все остальные. Современные авторы склонны рассматривать русско-польские отношения как борьбу двух соседних государств за выгодные приграничные территории.

Восточноевропейская дипломатия и международные отношения, участниками которых на рубеже XV – XVI столетий были Москва и Краков, затрагивали в своих работах историки и из других стран.

Стоит напомнить, что в этот период на троне Венгрии находился Владислав II Ягеллон. Изучение совместной дипломатии этой династии в венгерской историографии достаточно затруднено. Это связано в первую очередь с тем, что в Венгрии практически полностью отсутствуют сохранившиеся источники по истории дипломатии конца XV – начала XVI века.

¹⁷ Baczkowski K. Walka o Węgry w latach 1490 – 1492. Kraków, 1995; Baczkowski K. Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku. // *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII – XVII wieku, ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. Z. H. Nowak. Toruń, 1992.

Значительный корпус документов был уничтожен в ходе турецкого завоевания 1526 года, что-то до сих пор находится в архивах других стран, часть материалов еще не обработана. Венгерские исследователи использовали архивные материалы Польши, России, Австрии, Турции, чтобы восстановить историю международных отношений своей страны.

Кроме того, так сложилось, что основной интерес венгерских историков был привлечен к изучению истории взаимоотношений Венгерского королевства со странами Западной Европы, направление же русско-венгерских связей осталось практически неисследованным.

Развитие русско-польских отношений не являлось предметом исследования первостепенной важности для немецких историков, и поэтому на большое число работ по этой теме не приходится рассчитывать. Но все же, когда австрийские или немецкие исследователи пишут об истории взаимоотношений Габсбургов с Ягеллонами или Москвой, общий вопрос становления центральноевропейской дипломатии рассматривается довольно подробно. Данный тип работ особенно интересен тем, что проблема международных отношений, как правило, рассматривается системно и комплексно, не сводится к пристальному вниманию к истории внешней политики какого-либо одного государства.

Говоря об австрийской историографии, стоит упомянуть классическую работу Уберсбергера¹⁸, изучавшего австро-русские отношения. Рассматривая дипломатические связи Австрии и России начального периода, автор пишет о том, что Император Священной Римской империи использовал княжество Московское для своей борьбы с Ягеллонами, дабы заблокировать деятельность этой династии и ввязать в конфликт с Москвой и Портой. Именно из этих чисто утилитарных и прагматичных политических соображений завязалась дружба между Максимилианом I и Иваном III.

¹⁸ Übersberger H. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Leipzig—Wien, 1906.

Схожего же мнения придерживается известный австрийский специалист по истории Максимилиана I Габсбурга Висфлекер¹⁹, несмотря на почти столетний период, отделяющий его от Уберсбергера. Висфлекер считает, что русско-польские войны конца XV и начала XVI века были отчасти спровоцированы императором и являлись частью большой политической игры направленной на ослабление позиции Франции, которая состояла в союзе с польско-литовской династией. Максимилиан Габсбург знал о тайном договоре, заключенном между французским королем и Ягеллонами, и пытался нейтрализовать последних с помощью московского государя.

Зарубежная историография посвященная общим вопросам международных отношений представлена довольно широко²⁰. Хрестоматийные работы по истории дипломатии принадлежат перу Маттингли²¹, Хилла²² и Андерсона²³. Эти исследования в меньшей мере затрагивают регион Восточной Европы, но дают много ценной информации для проведения сравнительного анализа развития дипломатической культуры на Западе и Востоке. Общий ход становления международных отношений в конце XV столетия представлен авторами ярко и аргументировано, но внимание исследователей большей частью сконцентрировано на истории Италии и Франции.

¹⁹ Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Wien, 1975. Bd. 2 (1493 – 1500). Wien, 1977. Bd. 3 (1500 – 1508).

²⁰ Nicolson, Harold. The Evolution of Diplomatic Method. 1977; Fletcher, Catherine. Diplomacy in Renaissance Rome, The Rise of the Resident Ambassador. 2015; Dover, Paul, and Scott, Hamish. The Emergence of Diplomacy. London, 2015; Lazzarini, Isabella. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. London, 2015; Adams, Robyn, and Cox, Rosanna. Diplomacy and Culture in Early Modern Europe. London, 2010; Finlay, Robert. Venice Besieged: Politics and Diplomacy in the Italian Wars, 1494–1534. London, 2008.

²¹ Mattingly G. Renaissance diplomacy. London, NY, 1973; Mattingly G. The First Resident Embassies: Medieval Origins of Italian Diplomacy // Speculum, XII. Cambridge, 1937 (Oktober).

²² Hill D. J. A history of diplomacy in the international development of Europe. 3 vols. NY, 1967.

²³ Anderson M. S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450 – 1919. London, 1993.

Обзор источников

Данное исследование построено на обширном материале источников, как опубликованных, так и ранее неизвестных. В нашей работе были привлечены документы Польши, Литвы, Молдавии, Османской империи, Крымского ханства, Венгрии, Рима и Великого княжества Московского. Были проанализированы в первую очередь материалы посольских книг, где хранятся сведения не только о различных дипломатических миссиях, но также собраны инструкции послам и тайная переписка с осведомителями, что помогает исследователю более комплексно понять тот или иной сюжет происходивший на международной арене. Особое внимание было уделено польским и литовским источникам, так как именно там освещена деятельность Ягеллонов.

Двойственная сущность польско-литовского государственного образования породила раздвоение в администрации и делопроизводстве. Дипломатические отношения с восточными соседями, как правило велись через Литву и отражались в литовских посольских документах — Литовской Метрике, написанной на кириллице. Внешняя политика с Западом осуществлялась через Польшу и представлена в латиноязычной Коронной Метрике. На заре становления дипломатической службы многие государства проходили путь формирования рациональных и эффективных институтов государственного управления. На взгляд современного обывателя подобная раздвоенность канцелярии представляется далекой от утилитарности и прикладных задач ведения внешней политики государства, то на момент формирования Речи Посполитой это явилось одним из этапов построения унификации делопроизводства. Но не стоит отрицать очевидное, подобное «расщепление» дипломатической службы не только институционально, но и на уровне языка, отразилось как на функционировании польско-литовской внешней политики, так и на последующем изучении международной деятельности Ягеллонов. Мы попытались преодолеть данную специфику и подойти к изучению внешней политики Польши и Литвы комплексно.

Неопубликованный материал

Мы привлекаем ранее неопубликованные документы. Данные материалы являются частью первой книги Коронной метрики Польского королевства²⁴ (*Libri Legationum*), которая хранится в Архиве Древних Актов (AGAD) в Варшаве.

Вводимые нами в научный оборот архивные источники полностью освещают ход посольства 1503 года в Москву венгерского дипломата Сигизмунда (Жигмонда) Сантая. Транскрибирование было произведено крупным венгерским латинистом Петером Тотом. Нами была сделана сверка транскрибированного материала с оригиналом источника, а также выполнен полный перевод на русский язык (см Приложение 1). Материал содержит письма венгерского короля Владислава II к своему брату Великому князю Литовскому Александру, инструкции, наставления папского легата кардинала Реджио венгерскому послу, письма к Ивану III от римского Папы Александра VI, наконец, приводится полное изложение хода посольской миссии. Все записи выполнены на латинском языке. Эти материалы позволяют проанализировать дипломатическое урегулирование польско-московской войны 1500–1503 года более многогранно. До настоящего времени исследователи как правило использовали материалы русских посольских книг для освещения проводимых переговоров, так как ранее считалось, что в Польской Коронной Метрике содержится полная «калька» с русских записей. Однако мы пришли к выводу, что материал, находящийся в первой книге Коронной Метрике значительно отличается от русской версии и дополнен важными сведениями, в частности тайными инструкциями, что помогает вскрыть «кухню» польско-венгерской дипломатической миссии и ее основные цели. Кроме того, наличие писем от папского легата и активное участие Рима в урегулировании конфликта расширяет понимание заинтересованных сторон, а следовательно и значение польско-московской войны для международных отношений начала XVI столетия.

Сборники документов

²⁴ *Libri Legationum* 1, fol. 46r – 52r, 61a – 61r, 125a – 134r.

Отечественными исследователями была проведена огромная работа. К настоящему моменту подавляющее большинство источников, касающихся внешних сношений древнерусского государства с Польшей, Венгрией и другими государствами, уже опубликовано.

До второй половины XV столетия в нашем распоряжении нет документов, освещающих дипломатические отношения московских государей с иностранными правителями. Первые записи подобного рода появляются в русском государстве начиная с эпохи Ивана III. Тогда возникают первые посольские книги. В начале записи сношений с иностранными государствами были вызваны каким-то важным политическим событием и не были подробными, в отличие от конца правления Ивана III. Г. Карпов дает подробное описание структуры посольских книг той эпохи: «Из дипломатических актов в древнейшие посольские книги сначала заносили: верительные грамоты, посольские речи, ответы на них и договоры; затем нашли нужным записывать указы послам, их донесения о посольствах, дорожные, и мало-помалу дошли до необходимости внесения всевозможных документов, относившихся до иностранных сношений. В первых посольских книгах видим, что большая часть наших дипломатических актов составлялась по пунктам, по статьям; этот способ изложения актов и дал впоследствии книгам дипломатических записей название статейных списков. Собственно, статейным списком из всех дипломатических документов назывался у нас только отчет о посольстве в иностранное государство. Акты первых посольских книг отличаются чрезвычайной краткостью. Но, несмотря на краткость дипломатических актов XV века, язык их уже поражает своей точностью и определенностью»²⁵.

Одним из первых изданий посольских книг было многотомное издание документов, явившееся работой Н.Н. Бантыш-Каменского и выпущенное в конце XIX столетия. Этот сборник носит название «Обзор внешних сношений

²⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 1.

России (по 1800 год)»²⁶. Весь материал разбит на несколько частей, каждая из которых посвящена отношениям России с какой-либо иностранной державой. Все документы расположены в хронологическом порядке и снабжены соответствующими пояснительными комментариями. В собрании не приводятся тексты самих документов, а даются только описи, которые содержат дату посольства, отправителя, имя самого посла, причину посольства и, в некоторых случаях, результаты миссии. Издание дает представление об общей картине международных отношений русского государства, начиная с возникновения самой дипломатической службы при московском правителе.

Одновременно со сборником Бантыш-Каменского, публикуются несколько томов непосредственно дипломатических документов – «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»²⁷. Материалы для этого издания были взяты из Московского главного Архива Министерства иностранных дел. Документы содержат подробные сведения о действиях иностранных послов при русском дворе и русских послов при дворах иностранных, распоряжения о приемах и отпусках послов, переговоры с ними, указы русским послам, их отчеты о действиях при дворах иностранных, и, наконец, сами грамоты, составляющие переписку русского Двора с иностранными державами²⁸. Все материалы разбиты по странам и представлены в хронологическом порядке. В данном сборнике нас в первую очередь интересовали документы, отражающие дипломатические отношения России с Венгрией и Священной Римской империей.

Невозможно обойти вниманием ту огромную работу, которую проделали авторы Сборника русского исторического общества²⁹, где приводятся тексты

²⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1896. Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М.; 1894. Часть 2. Германия и Италия; М., 1897. Часть 3. Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия.

²⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб. 1851. Часть 1. Сношения с государствами европейскими. Том 1. Памятники дипломатических сношений с империей Римской, 1488–1594.

²⁸ Там же. С. 1.

²⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882 Т. 35 (Польша и Литва); СПб., 1888. Т. 41 (Крым).

посольских документов, записанных дьяками московского посольского приказа. Этот сборник продолжает публиковаться и по сей день, и число его томов давно перевалило за пятый десяток. Разумеется, не все его издания были посвящены дипломатии, и нас конкретно интересовали лишь 35-ый и 41-ый тома, где речь идет о связях древней России с Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Крымским ханством. Многие исследователи, как отечественные, так и польские, до сих пор используют преимущественно это издание, как наиболее полное и точное.

Ценный материал, касающийся связей Руси с Молдавией и Валахией, а также Польшей и Турцией, был опубликован в конце XIX века В.А. Уляницким³⁰. Большая часть документов собрана автором в Московском главном Архиве Министерства иностранных дел. Помимо публикации архивных материалов, составитель провел большую работу по сопоставлению найденных им документов с теми, которые были опубликованы ранее. Так, например, он находит некоторые ошибки и неточности, допущенные М. Догелем, в его хрестоматийных публикациях³¹. Уляницкий приводит материал не только из российских архивов, но также из польского Архива Древних Актов. Документы, которые были найдены автором при изучении польской Коронной метрики, он сравнивает с материалами сборника Догеля. Способ подачи материала Уляницким представляется нам очень своеобразным: в виде заголовков к грамотам он дает латинские надписи, находящиеся на обороте подлинных грамот. Эти надписи и датировки не всегда соответствуют истине, но они перешли большей частью в собрание Догеля, а также в рукописный Инвентарь Краковского Архива Кромера и в инвентарь того же Архива,

³⁰ Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV – XVI вв. М., 1887.

³¹ Dogiel M. Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, in quo pacta, foedera, tractatus paci etc. Vilnae, 1758. T. 1; Vilnae, 1764; T. 4: in quo totius Prussiae res continentur; Vilnae, 1758. T. 5: in quo ut universae Livoniae, ita speciatim Curlandiae et Semigalliae ducatum res continentur; Dogiel M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplis authenticis descripti et in lucem editi. Vilnae, 1758.

изданный в Париже Рыкачевским³², этим объясняются неверные цитаты у историков, пользовавшихся не подлинным документами, а их описями. Эти ошибки указаны Уляницким в соответствующих местах³³. Кроме того, автор, приводя документ на латинском языке, некоторые, как ему кажется, важные места переводит на русский язык. Иногда источник приводится не полностью, а даются лишь два или три латинских предложения и некоторые пояснения на русском, сделанные исследователем относительно содержания документа. Сборник Уляницкого знакомит читателя с источниками, некоторые из которых были обнаружены автором впервые.

Литовская Метрика

Внешняя политика Польско-литовского государства отражена в двух собраниях — Коронной и Литовской Метрике. Так как дипломатические отношения с Россией находятся по большей части в последней, необходимо несколько слов сказать о характере данного источника.

Литовская Метрика — это исторически сложившееся название архивных рукописных книг великокняжеской (позднее — общегосударственной) канцелярии ВКЛ XV — XVIII веков. «Литовская Метрика» является также названием конкретного исторически сложившегося архивного фонда №389, ныне хранимого в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Наряду с этим, часть материалов, непосредственно связанных с деятельностью канцелярии Великого княжества Литовского, находится в архивном фонде Варшавы «Так называемая Литовская Метрика» (Zbiór «Tak zwana Metryka Litewska») Главного архива древних актов (Archiwum Główne Akt Dawnych — AGAD)³⁴.

Канцелярия Великого княжества Литовского с середины XV века оставляла себе копии текстов выдаваемых ею разнообразных документов: городских и областных привилегий, великокняжеских пожалований и

³² Inwentarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum et munimentorum, quae in arce Cracoviensi continentur, wyd. E. Rykaczewski, Paryż, 1862.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. S. 5.

подтверждений на землевладения, земельные сделки, завещательные распоряжения и судебные решения центральных и местных административных органов, документов о государственных доходах и расходах, а также дипломатических документов³⁵. Посольские книги предназначались не только для долгосрочного хранения, но в первую очередь для повседневной деятельности канцелярии Великого княжества Литовского в обслуживании посольской службы в ее текущих потребностях и в обеспечении нужной информацией по имеющимся текстам дипломатических документов. Такая организация работы канцелярии в свою очередь уменьшала потребность часто обращаться в архив за подлинниками полученных дипломатических документов. Таким образом, само предназначение, сама природа возникновения Посольских книг Литовской Метрики определяет их отличие от Посольских книг Посольского приказа Русского государства, которые предназначались для фиксации и протоколирования процессов дипломатических сношений Русского государства, а также от Посольских книг Коронной Метрики Польского королевства, в которые тексты дипломатических документов переписывались с большим опозданием, иногда по истечении нескольких лет от составления или получения самого дипломатического документа³⁶. Эта информация дает нам возможность более верно воспринимать и оценивать тот материал, который мы можем обнаружить в составе Литовской Метрики.

Публикации текстов документов из Литовской метрики берут свое начало еще в XVIII веке и связаны с деятельностью М. Догеля (1715–1760), подготовившего и издавшего многотомный сборник документов³⁷. Исследователь первым заинтересовался источниками из Литовской Метрики, занимаясь историей дипломатии Польши и Великого княжества Литовского. Догель провел большую работу в архивах не только России, но и Польши. Им

³⁵ Ibid. S. 5.

³⁶ Ibid. S. 21.

³⁷ Dogiel M. Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, in quo pacta, foedera, tractatus paci etc. Vilnae, 1758. T. 1; Vilnae, 1764; T. 4: in quo totius Prussiae res continentur; Vilnae, 1758. T. 5: in quo ut universae Livoniae, ita speciatim Curlandia et Semigalliae ducatum res continentur.

были впервые изданы материалы как Литовской Метрики, так и польской Коронной Метрики, что дало многим исследователям возможность ознакомиться с обширными материалами по истории международных связей этих государств, начиная с возникновения в них дипломатической службы и ведения записей.

Если говорить о более поздних работах, где были приведены материалы из Литовской Метрики, то здесь стоит упомянуть об Актах Западной России³⁸. Первый том этого собрания середины XIX века содержит в себе документы по внешней политике Великого княжества Литовского и его сношениям с Русью. Но, как отмечают многие составители последующих публикаций Литовской Метрики, Акты Западной России изобилуют ошибками и неточностями. Возможно поэтому многие документы, которые представлены в этом издании, позднее переиздавались с исправлениями в других сборниках, например, в ранее упоминавшемся Сборнике Русского исторического общества, где, наряду с документами из русских посольских книг, присутствуют и материалы, взятые из Литовской Метрики.

В конце 90-х годов XX столетия вышло наиболее полное собрание дипломатических документов Литовской Метрики³⁹. Эти материалы были собраны и опубликованы силами как отечественных, так и литовских исследователей. Нас интересовало в первую очередь издание, которое получило название Пятой книги Литовской Метрики и охватывает период с 1492 по 1506 год. Этот сборник является наиболее полным на сегодняшний день собранием документов по дипломатии ВКЛ рубежа XV и XVI столетий. Все материалы изложены в хронологическом порядке и снабжены подробными комментариями. Кроме того, во введении дается подробный рассказ о судьбе рукописей Литовской Метрики и о теперешнем состоянии документов. Авторами приводится текстологический анализ источников и делаются поправки к датировке опубликованных ранее документов.

³⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.

³⁹ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993.

Коронная Метрика

В Варшавском Архиве древних актов хранится бесценный материал по истории дипломатических сношений Польского королевства, начиная с самого раннего времени. В научном обиходе эти документы принято именовать Польской Коронной Метрикой, но мы можем встретить и другое более официальное название *Libri Legationum*. Подробное описание этих материалов приводят польские исследовательницы И. Сулковская-Кушцева и Я. Вейхертова в своей статье посвященной Коронной Метрике Польши⁴⁰. Мы уже упоминали, что *Libri Legationem* составлялись канцелярией для текущих нужд дипломатической службы, часто информация носила выборочный характер. Ни о какой стройности и педантичности делопроизводства не могло быть и речи.

В Польше в XIX столетии началась публикация источников по самым различным отраслям истории государства под названием «*Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*». В 19-ом томе этого сборника был опубликован весь корпус дипломатических документов, относящийся к правлению в Польше короля Александра Ягеллона (1501 – 1506)⁴¹. Это издание было подготовлено рядом польских исследователей под руководством Фридерика Папе и вышло в свет в 1927 году. Собрание документов представляет собой материалы из нескольких польских архивов: Архив древних Актов, Архив Гданьска и Познани. Для издания также привлекались источники немецких архивов; большая работа проведена в Берлинском архиве, хранящим документы по истории Тевтонского ордена. Все документы приводятся полностью без сокращений и расположены в хронологическом порядке. Что касается языка грамот, то, наряду с латинскими текстами, там встречаются материалы, написанные на немецком языке (в первую очередь, те, которые так или иначе связаны с немецким орденом). Изучение этого комплекса источников, дает исследователю наиболее полную картину дипломатических сношений

⁴⁰ Sułkowska-Kusiowa I., Wejchertowa J. Księgi Poselske (*Libri Legationum*) Metryki Koronnej // *Archeion*. 1968. Т. 48.

⁴¹ *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. Kraków, 1927. Т. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F.

Польского королевства в начале XVI века.

Подборка документов относящихся к правлению короля встречается довольно часто в польской традиции публикации источников. Стоит вспомнить объемный 28-томный корпус дипломатических документов времен правления Сигизмунда Старого, носящий название «Acta Tomiciana». Для данной работы мы обращались к 1-ому тому Acta Tomiciana⁴², чтобы проследить развитие польской дипломатии после смерти короля Александра Ягеллона.

В первой половине XX века вышла публикация источников по истории международных отношений Польского королевства в конце XV – начале XVI века. В этой подборке материалов имеются документы, которых нет ни в Актах Александра, ни в других сборниках по истории Польши. Это собрание носит название «Кодекс Заревский»⁴³. Документы были найдены составителями в особой папке архива. Материал представлен хаотично, без определенной последовательности или тематики. Данное издание представляет большой интерес, так как в польской и отечественной историографии оно до сих пор осталось малоизученным.

Публикации в сборниках других стран

Историю отношений королевства Польского с Римской курией и итальянскими государствами освещает многотомный сборник «*Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gestiumque finitimarum illustrantia*»⁴⁴. Нас интересовали в основном документы, находящиеся во 2-ом томе издания. В этом собрании широко представлена переписка польских каноников с римской курией на рубеже XV и XVI столетий.

В работе были привлечены публикации молдавских⁴⁵ и турецких⁴⁶ источников. Хотелось бы чуть подробнее остановиться на издании «*Le khanat de*

⁴² Acta Tomiciana. Cracoviae. T. 1.

⁴³ Materiały do dziejów dyplomacji Polskiej z lat 1489–1516 (Kodeks Zarebskij). Kraków, 1966.

⁴⁴ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gestiumque finitimarum illustrantia. Romae, 1861. T. 2.

⁴⁵ Documentele lui Ștefan cel Mare. Publicate de I. Bogdan. V. II. București, 1913.

⁴⁶ Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapi / Présenté par A. Benigsen, P. N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quellejeu – Paris, 1978.

Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı», эта работа представляет уникальный материал для изучения османо-татарских отношений. Хотя наша работа в основной сконцентрирована на внешней политики Польши и Руси, но Порты и татары составляли важный элемент международных отношений этого региона. Проблема изучения крымских татар стоит довольно остро, так как Бахчисарайский архив, в котором хранились все документы по внешней политики, был уничтожен пожаром в ходе русско-турецкого противостояния за полуостров в XVIII столетии. В настоящий момент восстановить перипетии крымской дипломатии возможно только используя архивы за пределами Крыма. Что касается отношений с османами, которые были после подчинения Крымского ханства Портой в 1478 году более чем интенсивными, представляются «темным пятном» для исследователя. Архивы османов практически не опубликованы, сам же архив Дворца Топкапы плохо каталогизирован и систематизирован. Любые публикации по дипломатической переписке Крыма и Стамбула представляют для историков особый интерес и являются в прямом смысле слова «на вес золота». В упомянутом издании 1978 года, выпущенном в Париже, находятся несколько грамот различной датировки, наше внимание было приковано к переписке султана с Менгли Гиреем. Все письма переведены с османли (староосманского) на французский, но оригинальный текст также сохранен и приводится в полном объеме.

Помимо всевозможных грамот, официальных писем и материалов посольств, мы привлекали в нашей работе и нарративный материал, такой как дневники и воспоминания современников. Филиппо Боанаккорси, итальянский гуманист более известный под именем Каллимах, который был советником при дворе Ягеллонов с конца XV века, оставил ряд сочинений, которые раскрывают подноготную краковской внешнеполитической стратегии по отношению к Москве и туркам⁴⁷.

⁴⁷ Kallimach, P. Callimachi experientis de bello Turcis inferendo oratio gravissima ac iam temporibus convenientissima. Item eiusdem historia de his quae a Venetis tentata sunt, Persis ac Tartaris contra Turcos movendis, non solum verborum elegantia conscripta singulari, verum etiam multis gravissimis consultationibus ad id bellum conficiendum referta. Haganoae, ex officina Seceriana A. 1535.

Глава 1. Внешняя политика Польши в 70-е годы XV столетия

Внешняя политика государства как известно определяется государственным интересом, а также международной обстановкой и геополитикой. Если же говорить о временах Средневековья, то государственные интересы вообще зачастую игнорировались, и на первое место становились приоритеты монарха или династии. В нашем случае польско-литовский род Ягеллонов пытался с конца XV столетия реализовать свои фамильные амбиции, насколько это соответствовало интересам внешней политики Польши и Литвы нам предстоит узнать в ходе настоящего исследования.

Дипломатические отношения Польско-Литовского государства с Великим княжеством Московским невозможно рассматривать в отрыве от международной обстановки в регионе. Интересы Польши, Литвы, Москвы, Молдавии, Крыма, Большой Орды⁴⁸ и Османской империи тесно переплетались.

1. Польско-Литовское государство и Московское княжество в конце XV века

Династия Ягеллонов утвердилась на тронах Литвы и Польши в конце XIV века. За несколько десятилетий это семейство настолько укрепило свои позиции, что стало соперничать с самыми могущественными европейскими династиями.

Государства, подвластные Ягеллонам граничили на востоке с набирающим силу Великим княжеством Московским. В середине XV века в Кракове смотрели с недоверием на попытки московских князей осуществлять централизацию. Разобщенность русских земель, недавняя смута и борьба за престол в великокняжеской московской семье, а также власть Большой Орды представляли серьезное препятствие в деле объединения.

Для Польши московское направление внешней политики не являлось приоритетным, Русь скорее привлекала внимание в контексте Литвы. В 60-70

⁴⁸ Большая Орда — также Золотая Орда, Заволжская Орда.

годы XV века Казимира IV Ягеллона занимали другие международные проблемы. Во-первых, отношения с крестоносцами, которые фактически базировались на территории Польши и которые были приведены к присяге польскому монарху только в 1466 году после подписания Торуньского мира. Вторым, но не менее важным направлением внешней политики династии Ягеллонов были отношения с Венгрией, а точнее борьба с Матьяшем Корвиным за обладание Чехией. Особое значение в этой связи приобретали дипломатические отношения с Римской курией и императором. На Москву польские власти распространяли усилия по остаточному принципу, поэтому, возможно, Казимир IV упустил укрепление Великого княжества Московского и начало объединительного процесса русских земель.

Отношения между двумя государствами в течение нескольких десятилетий полностью поменяли вектор своего развития, от «опеки» Казимира IV над детьми Василия Темного (1462 год)⁴⁹, по завещанию последнего⁵⁰, до прямых военных столкновений в 1480-е годы. В 70-х годах XV века складывается тот враждебный внешнеполитический курс, который будет реальностью отношений Москвы и Польши на протяжении долгих столетий.

В 1472 году Иван III приостанавливает выплату дани Большой Орде. В наказание летом того же года на Москву совершается поход под предводительством хана Ахмата. Как отмечает А.А. Горский, уже тогда русские летописцы фиксируют согласие в этом походе ордынцев и Казимира⁵¹. Враждебная перемена в политике польского короля Казимира IV, который до этого считался лояльным Москве, не были неожиданностью. Великокняжеская летопись за осень 1470 года приводит сведения, что «король Казимир послал в Большую Орду к царю Ахмату... чтобы вольный царь пожаловал, пошел на

⁴⁹Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Warszawa, 1936. S. 124.

⁵⁰ «А приказываю свою княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меншие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, по dokonчальной нашей грамоте, на бозе и на нем, на моем брате, как ся учнет печаловати моею княгинею, и моим сыном Иваном, и моими детми». Духовная грамота великого князя Василия II Васильевича 3 мая 1461 г. – 27 марта 1462 года.

⁵¹Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 155.

Московского на великого князя со всей Ордой своей...»⁵². Что побудило Казимира IV поддержать хана Большой Орды? Несколько факторов, но в первую очередь, попытка польского короля ослабить Ивана III, чтобы остановить «собрание» русских земель, которое представляло реальную опасность для территориальной целостности Великого княжества Литовского, а кроме того, препятствовало планам Казимира IV установить свой контроль над Великим Новгородом⁵³. И если бы не активные действия Ивана III по подчинению Новгорода летом 1471 года, то замыслы польского короля вполне могли осуществиться.

Без польско-литовской поддержки хан не отважился бы на столь масштабный поход. Нашествие Ахмата 1472 года — явилось первым нападением основных войск Большой Орды на Русь со времен Тохтамыша. К счастью для Ивана III, эта военная компания была недолгой и не такой разрушительной, как могла бы быть — татары ограничились тем, что сожгли город Алексин, а далее поспешно отступили в степь из-за начавшейся эпидемии и приближения значительного русского войска. Итогом этого откровенно неудавшегося ордынского похода явилось фактическое ослабление зависимости русских земель от ордынцев⁵⁴. Татары рассчитывали продемонстрировать свое могущество, наказать непокорных данников и нанести значительный ущерб, но самостоятельных сил на подобные мероприятия уже не хватало, это стало очевидным в Москве.

Польская сторона никаких военных мероприятий по поддержке Ахмата не проводила, отчасти это продиктовано тем, что устремления Казимира IV в этот период были сконцентрированы на борьбе с Матьяшем Корвиным за чешский престол, на который в 1471 году был выбран старший сын польского короля, Владислав Ягеллон.

⁵²Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. 25. С. 395.

⁵³Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 157.

⁵⁴Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 181.

Казимир IV вряд ли был удовлетворен исходом татарского набега на Москву. В сложившейся ситуации московскому государю было необходимо обзавестись союзниками в предстоящей борьбе. В качестве альтернативной силы хану Ахмату вполне мог выступить молодой крымский хан Менгли Гирей, который занял престол в 1469 году. У нового хана имелись большие опасения по поводу Большой Орды, его отец Хаджи Гирей еще совсем недавно в тяжелых военных отстоял независимость Крымского ханства. Ордынцы не смирились с утратой Крыма и выжидали удобного случая для реванша. Воспользовавшись политической ситуацией после смерти Хаджи Гирея, Орда стала активно поддерживать старшего брата Менгли Гирея, Нур-Девлета. Тем самым Ахмат старался еще больше дестабилизировать власть в Крымском ханстве, чтобы в последующем совершить захват.

Факт напряженных отношений Крыма и Орды был на руку Ивану III, но отношения Менгли Гирея с Польшей не были враждебными. После восшествия на крымский престол крымский хан не торопился рвать связи с Литвой и Польшей, тем более, что Хаджи Гирей состоял в союзе с Казимиром IV. Польский хронист и придворный Казимира IV Ян Длугош отразил в своей хронике эпизод, как после занятия трона Менгли Гирей тут же отправил послов к Казимиру, находящемуся в 1469 году во Львове⁵⁵. В том же 1469 году Менгли Гирей предупреждал Казимира IV о готовящемся ордынском татарском вторжении в Польшу⁵⁶. Такая позиция Менгли Гирея по отношению к Польше может быть объяснена тем, что в ситуации политического кризиса и борьбы за власть, которые происходили в Крыму, хану был необходим такой сильный союзник как польский король.

В это самое время старший брат хана, Нур-Девлет, запросил помощи у турецкого султана Мехмеда II, чтобы восстановиться на крымском троне. Менгли Гирей оказался в сложном положении, так как против него поднималась огромная османская империя, которая поглотила Византию и держала в страхе

⁵⁵ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 488.

⁵⁶ *Ibid.* S. 499.

все Средиземноморье. В данной ситуации Менгли Гирей посчитал целесообразным заключить союз с генуэзцами, которые контролировали Каффу (Феодосию), и быть в дружественных отношениях с Краковом. Что до сношений с Московской Русью, то первые посольские данные относятся только к 1474 году⁵⁷.

Турецкий Султан Мехмед II Завоеватель, призванный Нур-Девлетом, ограничился одним походом на Крым в 1469 году, в ходе которого были частично разрушены и разграблены некоторые генуэзские территории, далее султан предпочел выжидать благоприятного случая⁵⁸. Менгли Гирей получил небольшую передышку, так как Порта переключилась на европейские территории, где в 1470-ом году первой ласточкой стал венецианский Негропонт, который был захвачен и фактически уничтожен, далее последовали нападения турок на Хорватию и Венгрию⁵⁹. Что до мятежного брата хана, Нур-Девлета, то он был схвачен генуэзцами и заключен в тюрьму.

Дипломатические отношения крымских татар с Казимиром IV в этот период продолжались в позитивном ключе, как и ранее⁶⁰. Менгли Гирей сосредоточился на противодействии возможным угрозам со стороны хана Большой Орды и турок. В латинском варианте до нас дошли письма Менгли Гирея к Казимиру IV от 1472 года, где обсуждалось соглашение о дружбе между польским королем и крымским ханом, закрепленное 27 июля 1472 года⁶¹. В польских архивах также имеется копия ярлыка Менгли Гирея, отправленного

⁵⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 13.

⁵⁸ Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев—Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 44.

⁵⁹ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 513.

⁶⁰ Dariusz Kolodziejczyk. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Brill, 2011. P. 19.

⁶¹ Ibid. P. 536–538. Doc. №3. Latin copy: AGAD, *Metryka Koronna, Libri Inscriptionum*, no. 12, fol. 80a. Published in Pułaski, *Stosunki Polski z Tatarszczyzną*, p. 200.

Казимиру в промежутке между 29 мая 1473 года и 17 мая 1474⁶² года⁶³. По этому документу татары «отдают» под руку польского короля и Великого князя Литовского ряд земель. Примечательно, что в числе «переданных территорий» находились Великий Новгород и княжество Рязанское вместе с Переславлем, в случае сопротивления этих земель воле Казимира IV, татары брали на себя обязательство оказать военную поддержку Польше для усмирения непокорных⁶⁴.

В данном документе с татарской стороны прослеживается отпечаток ордынского отношения к русским землям как к данникам. На первый взгляд, кажутся странными такие письменные обязательства крымского хана, который сам старался удержать свою независимость от Ахмата и не искал новых конфликтов. Декларация о передаче Польше стратегически важного Новгорода, который большими усилиями, предпринятыми Иваном III в 1471 году⁶⁵, остался в зоне влияния Московского княжества, могли повлечь за собой осложнения отношений с русской стороной. Внимательное изучение документа, не оставляет никаких сомнений в том, что данный ярлык был написан «под копірку» с более раннего крымского ярлыка, отправленного еще Хаджи Гиреем Великому князю Литовскому Сигизмунду Кейстутовичу⁶⁶ в середине XV века⁶⁷. Подобное сходство можно отметить и в ярлыке 1462 года, где также имеются характерные текстовые опечатки, выдающие копирование ярлыка с документа, предназначавшегося для Сигизмунда⁶⁸. Такой подход крымской дипломатии к

⁶² 878 год по мусульманскому календарю.

⁶³ Ibid. P. 541–544. Doc. №4.

⁶⁴ Ibid. P. 544.

⁶⁵ Алексеев Ю.Г. Указанное сочинение. С. 142.

⁶⁶ Doc. 1 (22 September 1461 – 14 September 1463) «I te zamki, które tu są napisane, tych zamków <z> pany z bojarami przed-tym bratu naszemu Witultowi, a teraz tobie, bratu naszemu, kniaziowi Zigmuntowi będą służyć, i bratu naszemu kniaziowi Cazimierzowi» //Dariusz Kolodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Brill, 2011. P. 529–533.

⁶⁷ Dariusz Kolodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Brill, 2011. P. 533.

⁶⁸ Ibid. P. 533.

сношениям с Польшей и Литвой свидетельствует о желании Менгли Гирея придерживаться существовавших прежде добрососедских отношений, поэтому при составлении новых документов полагались на установленные ранее формулы и формулировки. Кроме того, крымский ярлык в 60-70-е годы XV столетия носил больше декларативных характер, нежели имел под собой какую-либо реальную политическую волю и влияние, так как крымский хан не обладал властью над русскими землями ни формально, ни фактически. Соглашение 1472 года не оказало существенного влияния на польско-крымскую дипломатию, реальных совместных боевых действий не последовало.

Польский король увяз в противостоянии с венгерским королем Матьяшем Корвиным за Чехию и находился в состоянии борьбы всю первую половину 1470-х годов, не обращая практически никакого внимания на все остальные события на международной арене. Даже османы, которые с завидным постоянством в 1470, 1471, 1472⁶⁹ опустошали территории Венгрии и Австрии — не привлекали к себе его пристального внимания. Всю антитурецкую риторику папских легатов Казимир IV сводил к требованию поддержать его позиции в Чехии⁷⁰, поэтому возвратившийся в Рим в 1474 году посол Священного престола был вынужден признать, что его миссия в Польшу полностью провалилась⁷¹.

К 1474 году в восточноевропейском регионе наметились основные внешнеполитические противники и союзники. С одной стороны, Польша и Великое княжество Литовское и с другой — молодое Московское государство под управлением Ивана III. Это противостояние еще не приобрело открытого характера, но его перспективы были очевидны. В середине 70-х годов XV века Казимир Ягеллон был слишком отвлечен венгерскими и чешскими делами, чтобы сосредоточенно проводить свою политику на восточных границах. Союз

⁶⁹ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 543.

⁷⁰ *Ibid.* S. 547.

⁷¹ Stachoń B. *Polityka Polski wobec Turcyi i akcyi antyturckiej w wieku XV do utraty Kilii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930. S. 169.

Кракова с ордынским ханом Ахматом не был поддержан с польской стороны в полном объеме, а также не были проведены мероприятия по упреждению возможного союза Москвы с Крымом, хотя позиция крымского хана Менгли Гирея на тот момент была лояльной по отношению к Ягеллонам. Москва находилась в поиске союзника против Казимира IV и Ахмата. Таким соратником вполне мог стать Крым, но до середины 70-х годов XV века Менгли Гирей, который с большим трудом удерживался на крымском троне, проводил довольно аккуратную внешнюю политику и не собирался вступать в открытую конфронтацию ни с Ордой, ни тем более с Польшей и Литвой.

2. Крым: между Москвой, Польшей, Большой Ордой и Портой

В середине 70-х годов заинтересованность Крыма в военном союзе с Великим княжеством Московским не была очевидной. Сложная внутривосточная обстановка в Крымском ханстве усугубилась в конце 1473 – начале 1474 года. В ходе политического кризиса между Менгли Гиреем и влиятельными крымскими беями наметился раскол, ставящий под угрозу правление действующего хана.

Ширинский бей Эминек, второй человек в Крыму по влиянию после хана⁷², начал вести тайные переговоры против Менгли Гирея с турецким султаном Мехмедом II, другой мятежный бей, Шейдак, бежал в Орду и стал подговаривать хана Ахмата к походу на Крым⁷³. В такой ситуации крымскому хану предстояла борьба на «два фронта». Именно тогда, в 1474 году мы находим первые упоминания о дипломатических связях между Крымом и Москвой⁷⁴. Менгли Гирей в этой сложной внутривосточной обстановке попытался привлечь Ивана III к борьбе с Большой Ордой. Подобный союз был

⁷² Глава рода Ширинов был не только предводителем одного из могущественных татарских кланов, но также играл значительную роль в администрации геноуэских крымских владений. Он носил титул «тудун» или «сеньор Кампаньи», Кампаньей итальянцы называли сельскую округу Каффы и Солдаи, мусульманское население которой подчинялось тудуну. (Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. Киев—Бахчисарай, 2007. С. 45)

⁷³ Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев—Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 48.

⁷⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 1.

в интересах Московского государя, но только при условии соответствующей коалиции и против польского короля Казимира IV. Так как крымский хан опасался втягивать себя в борьбу с польско-литовской стороной, то он не дал таких заверений Великому князю Московскому, ответ Ивана III на это был пропорциональным: «великий князь в своей присяге на союзном договоре отказался называть себя недругом ордынского царя, потому что и царь Менгли Гирей не назвал себя недругом короля Казимира»⁷⁵.

В контексте первых посольств между Крымом и Москвой, стоит отметить, что дипломатия Руси была хорошо проинформирована о внутривосточной борьбе в Крыму. Московские послы (посольство Беклемишева, март 1474 года; посольство Старкова, 23 марта 1475 года) взаимодействовали в Крыму не только с ханом. Русская посольская служба имела свои «дела», помимо самого крымского хана, к представителям влиятельных крымских родов (в посольстве Беклемишева упоминается ширинский бей Эминек, Абдулла и «Карачи мурза», а также тогдашний глава ширинов Мамак)⁷⁶, также к администрации Каффы, через которую велась торговля (в 1474 упоминается «кунсол кафинский» Булгак Петров⁷⁷, в 1475 году Еска Волохов⁷⁸), и наконец, к некоторым влиятельным крымчанам, которые являлись своего рода «осведомителями» и «проводниками» интересов Ивана III в Крыму. (В нашем случае, это некто Хоза Кокос, судя по всему, он проживал на территории Каффы, возможно, являлся евреем, так как есть упоминание о том, что Иван III просил не присылать грамот «жидовским письмом»⁷⁹. В Литовской Метрике под 1484 годом мы встречаем имя «Коккоз», в связи с тем, что у него были взяты деньги в долг⁸⁰, это доказывает предположение, что он был

⁷⁵ Там же. С. 9.

⁷⁶ Там же. С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 8.

⁷⁸ Там же. С. 12.

⁷⁹ Там же. С. 10.

⁸⁰ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. S. 104.

еврейским ростовщиком, так как подобными денежными ссудами в Крыму занимались преимущественно евреи). Такая структура русской дипломатической миссии отражает не только характер посольской службы самого Великого княжества Московского, но показывает важность Крыма, понимание его специфики и хорошую информированность относительно расстановки сил в Крыму.

Польские дипломатические документы, и в частности, Литовская Метрика, содержат сведения, что канцелярия Казимира IV также вела широкую переписку с крымскими князьями и вельможами. Но подобной разветвленной сети «доносчиков» и «контактных лиц», приближенных к крымским властным институтам, мы не наблюдаем. В инструкциях польским и литовским послам в Крым мы не находим посланий к крымским вельможам, каффинцам или иным крымчанам, что характерно для московской дипломатической службы.

Во время миссии 1475 года русский посол также имел особое поручение к князю Мангупскому Исааку⁸¹ (Исайко, в русских документах)⁸². Исаак, предвидя наступательную политику османов, стремился укрепить свое

⁸¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 12, 13.

⁸² Государство Феодоро, а именно так упоминается Мангуп в византийских документах XIII – XV вв., было основано приблизительно в VI веке. О ранней истории этой территории известно довольно мало, но археологические источники дают основание полагать, что население Мангупа было преимущественно готским.

К XIII в. относятся первые письменные свидетельства о существовании княжества Феодоро, которое находилось в зависимости от Трапезундской империи. Крымские феодалы подчинились Трапезунду и ежегодно отправляли его императорам подати. Представители трапезундского знатного рода Гаврасов стали властителями Мангупа и основателями княжества Феодоро, которому вскоре пришлось столкнуться с таким сильным врагом, как татары. Далее Мангуп попадает в зависимость от Крымского ханства, но княжеству удалось избежать разрушения. XV век — время наивысшего расцвета Мангупского княжества. Расширяется его территория. На западе к нему были присоединены земли, ранее принадлежавшие Херсонесу, — весь Гераклеийский полуостров; на юге в состав княжества вошла Алушта; с северо-востока оно граничило с Кырк-Ёром (Чуфут-Кале). (Бармина Н.И. Мангуп // Вопросы истории. М., 1970 № 12. С. 205–209.)

Для периода, о котором идет речь в данной главе, характерна борьба мангупских правителей с генуэзцами за доминирование на полуострове. Дело в том, что князь Мангупа являлся кровным родственником двух императорских домов — константинопольских Палеологов и трапезундских Комнинов и, следовательно, формально мог считать себя законным наследником всех крымских владений павшей Восточно-Римской империи. Генуэзцы, добившиеся торговых привилегий в Крыму, не собирались уступать своих прав на Крым. (О.И. Домбровский, О.А. Махнева. Столица феодоритов. Симферополь, 1973. (глава 7. Властители Готии).

Говоря о второй половине XV столетия, стоит упомянуть, что в 1471 году умирает бывший мангупский князь Олу-бей (до нас дошло только это татарское имя, вероятно, было и православное), трон занимает не его сын (что соответствовало бы традиции), а брат Исаак. Сложно сказать определенно, по какой причине это произошло, некоторые исследователи, в том числе Домбровский и Махнева, полагают, что возможно из-за междоусобной борьбы в правящем доме. (Там же. (глава 7. Властители Готии)).

княжество не только посредством внутренней политики, но и за счет дипломатии. Он наладил дружественные отношения с извечным врагом Мангупа — Каффой. Способствовал браку Стефана Молдавского и своей племянницы Марии. В посольство Беклемишева от 1474 года, происходит разговор Исаака о возможной женитьбе своей дочери и сына Ивана III⁸³. Со стороны мангупского князя это была попытка заручиться поддержкой Московского князя в случае возможной агрессии на Мангуп; для Ивана III, в свою очередь, как видно из посольский документов, был выгоден не только новый рычаг влияния на крымском полуострове, но также имела значение материальная составляющая этой «сделки» с богатым торговым княжеством. Царская византийская родословная возможной мангупской невестки являлась очень приятным довеском. Несмотря на взаимную выгоду, дальше сватовства дело не пошло. Русский посол Старков (1475 год) прибыл в Крым, когда Исаак уже умер, вскоре и сам Мангуп был уничтожен османами. Тем не менее это еще раз подтверждает многогранность и глубину отношений Москвы и Крыма, со всей его сложной и витиеватой структурой сосуществований различных внутривнутриполитических сил.

Общая внутренняя нестабильность в Крыму поначалу оказалась на руку и самим крымским татарам, и в 1474 году брат Менгли Гирея, Айдер, совершил прибыльный опустошительный набег на Великое княжество Литовское и разорил Киев⁸⁴. По данным хроники Длугоша, крымский хан не санкционировал этого похода, но тем не менее набег состоялся. Нет оснований полагать, что польские источники заблуждаются относительно роли хана в осуществлении данной татарской экспедиции. В 1474 году Менгли Гирей с большим трудом контролировал обстановку на своих землях и скорее всего был против похода. К счастью для Менгли Гирея осложнений с польской стороной не последовало, Казимир IV в это время он был занят сбором средств и войск для борьбы с венгерским королем Матьяшем Корвиным.

⁸³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 12.

⁸⁴ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. Т. 5. S. 573–575.

В результате интриг крымские беи в марте 1475 года низложили Менгли Гирея с трона. Опальный хан был вынужден бежать к генуэзцам и укрыться в Каффе. Разумеется, в такой ситуации нельзя было говорить о каких бы то ни было союзах с Москвой или кем-то еще. В стране усугублялся политический кризис.

В июне 1475 года Казимир IV Ягеллон получает новое известие — османы покорили генуэзскую Каффу и сам Крым⁸⁵. Для польского короля, как вероятно, и для других европейских монархов эта новость была неожиданной: ведь, несмотря на взятие Константинополя и нападение на другие европейские территории, осознания реальной османской угрозы еще не было. Несмотря на периодические попытки Римских Пап призвать к совместным антитурецким действиям, по сути дела только венгерский король Матьяш Корвин держал оборону против Порты.

Как замечает в своей хронике Ян Длугош, польский король в срочном порядке начал подготовку организации обороны Подолии и Руси⁸⁶. Ранее Казимир IV отметал все попытки римской курии привлечь внимание к османской проблеме и требовал от Папы признать притязания своего сына на чешский престол⁸⁷.

Судьба Менгли Гирея в этот момент висела на волоске. Во время осады Каффы он остался верен генуэзцам и сражался против османов, несмотря на то что многие татары восприняли вторжение единоверцев с воодушевлением. После победы Ахмед-паша, руководивший турецкой операцией по захвату полуострова⁸⁸, не решился казнить бывшего крымского хана и отправил его

⁸⁵ Ibidem. S. 594.

⁸⁶ Ibidem. S. 595.

⁸⁷ Stachoń B. *Polityka Polski wobec Turcyi i akcyi antyturckiej w wieku XV do utraty Kilii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930. S. 169.

⁸⁸ Asikpasaoglu Tarihi / Tarih Dizisi. Istanbul, 1992. 173 s. (Перевод на русский: Ф. Х. Хайбуллаева. Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Вып. VIII. 2001. С. 364–365).

своему господину в Стамбул⁸⁹. Трон Крыма был передан старшему из сыновей Хаджи Гирея, Нур-Девлету.

Но полуостров продолжали прибывать в политической нестабильности, раздираемый враждой между различными представителями крымских знатных родов. Предводитель племени ширинов, Эминек, еще недавно поспособствовавший вторжению османов в Крым, теперь сам был вынужден защищаться от своего младшего брата Хаджике, который пошел на него войной. Хаджике призвал в союзники Джанибека, племянника ордынского хана, и когда их вооруженная авантюра не удалась, они оба укрылись у Ахмата в Большой Орде.

В это беспокойное для Крыма время султан Мехмет II потребовал от крымских татар военной поддержки турецких наступлений в Молдавии. Эминек, как представитель могущественного рода крымских ширинов, был не в том положении, чтобы противиться воле падишаха, и летом 1476 года повел войско в земли Стефана Великого. Этот поход не принес татарам ни славы, ни добычи. Дважды Эминек вступал в схватку с молдавским воеводой и дважды терпел поражение⁹⁰. Тем временем хан Ахмат отправил своих людей во главе с Джанибеком на ослабленный Крым. Ордынцы вторглись на полуостров и разграбили его. Эминек, получив весть о вторжении, спешно вернулся обратно. Но положение было настолько сложным, что он сам чуть не оказался в руках неприятеля и чудом успел укрыться в столице ширинов Эски-Кырыме. Нур-Девлет был в очередной раз свергнут, и правителем Крыма стал ставленник (по другим данным племянник) хана Ахмада Джанибек.

Ордынцы, воспользовавшись ослаблением ханской власти на полуострове и занятостью османов в Молдавии, восстановили свой контроль над территорией Крыма, который стараниями Хаджи Гирея отмежевался от Орды в

⁸⁹ Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев—Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 53; Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. Т. 5. S. 594–595.

⁹⁰ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. Т. 5. S. 609; Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев—Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 56.

1441 году. Было ли это простой авантюрой или Ахмат рассчитывал на длительное удержание в своих руках этих земель? Что-то определенное сказать сложно. Нам представляется, что Джанибек осознавал шаткость своего положения на новом престоле. Он выступает инициатором переговоров с Московской Русью, и в сентябре 1477 года с его подачи в Крым прибывает русское посольство. Иван III, преследуя свои интересы в деле противостояния польскому королю Казимиру IV, пытается заключить с новоиспеченным крымским ханом союз против врагов. В ответ на крымское посольство Иван III обещает Джанибеку (в русском варианте — Занебек) приют на русских землях, в случае его изгнания⁹¹. Джанибек не ошибался относительно своей доли, через год он был свергнут, и ханом снова стал Нур-Девлет. Страна тем не менее пребывала все в том же плачевном состоянии, слабость центральной власти и бесконечные распри полностью парализовали управление. Старший отпрыск из рода Гиреев был не в состоянии переломить ситуацию. Некогда противник Менгли Гирея, ширинский бей Эминек на этот раз был вынужден писать турецкому султану Мехмеду II с просьбой, как можно быстрее вернуть бывшего хана домой⁹². Только Менгли мог сплотить население Крыма и прекратить междоусобицы. Султан посчитал эту просьбу уместной и отпустил Менгли Гирея, который впоследствии продержался на крымском троне с 1478 по 1515, то есть еще 37 лет.

В марте–апреле того же 1478 года к Казимиру IV, находившемуся в тот момент в Брест-Литовске, прибывает турецкий и по совместительству татарский посол, Турчистан (Turcistan), с заявлениями дружбы и благих намерений. Мехмед II просил прислать к нему польских послов для установления дружеских контактов. Посланник имел при себе письмо от тогдашнего крымского хана Нур-Девлета (у Длугоша — Nardulab), в котором

⁹¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 13–14. Док. №3.

⁹² Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев—Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 57.

хан говорит, что сам просил турок о союзе с Польшей. На эти речи Казимир IV ответил выражением дружбы и приязни⁹³.

Данное письмо Нур-Девлета, скорее всего, было дипломатическим ходом с турецкой стороны, с целью не усложнять обстановку в регионе и предотвратить возможное объединение Польши с Венгрией для помощи Молдавии. Послание от крымского хана должно было предоставлять определенные гарантии польской стороне, что татарских набегов в ближайшее время не будет. Поверил ли Ягеллон в подобные дружественные жесты, сложно сказать. Казимиру IV была удобна позиция видимого мира с Портой и татарами, чтобы со свободными руками продолжать борьбу с Матьяшем Корвиным. В том же 1478 году османы нападают и разоряют Каринтию⁹⁴.

Весной 1478 года Менгли Гирей прибыл в Крым, он был отпущен Мехмедом II из Стамбула, где провел в общей сложности 3 года. Формально независимость Крыма сохранилась, территория полуострова была поделена на султанскую часть, со своей администрацией и османским законодательством и на отдельную ханскую область, чеканившую свою монету и подконтрольную крымскому хану и его законам. Но такое разделение и независимость крымского государства были далеки от действительности и носили условный характер. Отныне хан в переписке с Портой выказывал свой подчиненный статус, кроме того на татарах теперь был ряд обязательств, в том числе военное подкрепление турецких походов. Крым де факто превратился в вассала Порты.

Как только Менгли Гирей ступил на землю полуострова, оба его брата, Нур-Девлет и Айдер, предпочли покинуть Крым. Они отправились к польскому королю Казимиру IV, где получили разрешение поселиться в Киеве⁹⁵. Это бегство послужило первой ласточкой для коренного потепления отношений

⁹³ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 632.

⁹⁴ *Ibidem*. S. 639.

⁹⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 17; В.В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*. СПб., 1863. С. 126–128; Муханов П.А. *Сборник Муханова*. Издание второе, дополненное. СПб., 1866. С. 23–29.

Крыма с Москвой, так как опальные братья представляли для Менгли Гирея постоянную угрозу вновь оказаться низложенным. Польский король дал приют беглым правителям для того, чтобы держать крымского хана в напряжении и при случае иметь рычаг давления, но это не способствовало укреплению добрососедских отношений.

3. Польша и Молдавия

Во второй половине XV столетия княжество Молдавское переживало свой расцвет. На этот период приходится правление одного из выдающихся государей в истории Молдавии, — Стефана III, прозванного Великим (1457–1504). Тем не менее, это было сложное время, поскольку после завоевания Константинополя в 1453 году, османы обратили свой взор на Причерноморье и начали натиск⁹⁶. С середины XV века Молдавия являлась зоной аннексии для трех соседних мощных государств — Венгрии, Польши и Османской империи. Внешняя политика Стефана Великого в условиях постоянной военной угрозы приобрела черты «лабиринтования» между этими державами. Молдавия поочередно находилась под формальной вассальной зависимостью трех государств, но ни одно по-настоящему не смогло навязать свою политическую волю Стефану.

Отношения Казимира IV и Стефана III начались с проблем. Стоит упомянуть, что в тот момент молдавский воевода формально находился в вассальной зависимости от польской короны и теоретически должен был быть в подчинении, но реальность представлялась несколько иначе. Свергнутый Стефаном с молдавского престола, Петр Арон в 1457 году бежал в Польшу. Вероятно, в тот период польский король предполагал, что опального правителя можно будет легко восстановить в законных правах, а в дальнейшем использовать. Но ничего не вышло, Стефан III вторгся в южные пределы польского государства, и Казимир IV был вынужден в 1459 году заключить мир

⁹⁶ Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006. С. 14.

с новым молдавским господарем⁹⁷. Польский король обязался не допускать Петра Арона до границ Молдавского государства, а также дал Стефану отсрочку от принесения присяги верности. Конфликт не был выгоден ни Молдавии, окруженной врагами со всех сторон, ни Польше, которая к тому моменту уже длительное время вела борьбу с Тевтонским орденом. Как итог, в 1462 году молдавский правитель подтвердил свою верность польской короне. Господарь обязывался не выступать на стороне врагов польского короля и без его позволения не заключать союз с какой-либо иной страной, также Стефан отказывался от приобретения новых территорий. В то же время за господарем закреплялось право на возвращение утраченных княжеством земель⁹⁸.

Молдавский правитель сосредоточился на внутренних делах государства и решил распространить своего влияния на соседнюю Валахию. В 1465 году Стефан захватил валашскую Килию. Выгодное приобретение, но Молдавия оказалась на грани вторжения турецких войск, так как султан захотел вернуть своему союзнику (а фактически, ставленнику) валашскому правителю Раде Красивому этот важный торговый город. Стефану удалось избежать войны, направив в Стамбул посла с подарками и данью для Мехмеда II⁹⁹. Но Килия была важна не только для османов, венгерский король Матьяш Корвин долгое время обладавший этим городом, решил захватить его. Схватка не заставила себя долго ждать, и в 1467 году Корвин вторгается на территорию Молдавии. Победа Стефана при Байи остановила движение венгерской армии, которая была вынуждена отступить¹⁰⁰. Далее в начале 1469 года, при повторном принесении присяги на верность Польше, Стефан III добивается от Казимира IV обещания защищать Молдавию от всех врагов, в том числе и от венгров¹⁰¹. В

⁹⁷ Там же. С. 81.

⁹⁸ Там же. С. 81, 82.

⁹⁹ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 385.

¹⁰⁰ Ibidem. S. 467, 468.

¹⁰¹ Ibidem. S. 470, 487, 488.

ситуации, когда конфликт с Корвиным за Чехию был в центре внимания польского монарха, подобное обязательство перед Молдавией выглядит вполне логичным. После этого Стефан сам вторгается в венгерскую Трансильванию и вылавливает там ненавистного Петра Арона, который на этот раз укрывался под защитой Матьяша Корвина¹⁰².

В начале 1470-х годов для Стефана Великого на первый план выходит внешнеполитическая задача подчинения Валахии¹⁰³. Польский король по-прежнему был занят борьбой за чешскую корону и никоим образом не собирался способствовать продвижению интересов своего вассала. В ситуации, когда на защиту Валахии могла подняться вся военная мощь османской армии, Стефану пришлось думать о расширении дипломатических связей для создания возможного антитурецкого союза. Так недавние враги, объединились общей идеей противостояния Порте. К этому времени можно отнести потепление в отношениях между Стефаном и Корвиным, который считался в Европе главным борцом с османами и был не против ослабить влияние Ягеллонов на Молдавию.

В 1472 году произошло еще одно примечательное событие — состоялась свадьба Стефана III и Марии Мангупской¹⁰⁴. Об этом крымском княжестве и его тогдашнем правителе, Исааке, мы упоминали ранее, в связи с русским посольством 1474 года. Новая жена Стефана, приходилась племянницей этому мангупскому князю. Брак бесспорно носил стратегический характер. В преддверии борьбы с османами, Стефан искал новых союзников, и Мангуп был вполне подходящим местом, тем более что с княжеством Молдавию связывали тесные торговые связи. Мангупские князья могли похвастаться завидной византийской родословной, и такое родство давало право Стефану претендовать на наследство Палеологов, что повышало авторитет господаря в глазах других христианских правителей.

¹⁰² Ibidem. S. 494.

¹⁰³ Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006. С. 84.

¹⁰⁴ О.И. Домбровский, О.А. Махнева. Столица феодоритов. Симферополь, 1973. (глава 7. Властители Готии).

В 1472 году Стефан также вел переговоры с туркменским правителем государства Ак-Коюнлу Узун-Хасаном, непримиримым врагом турок на востоке, который рассылал своих послов по всей Европе, стремясь создать мощную антитурецкую коалицию. Когда в 1473 году Мехмед II отправился в поход против Узун-Хасана, Стефан прекратил уплату дани султану, что было равносильно объявлению войны Порте¹⁰⁵.

Что до помощи молдавскому воеводе из Польши, то на нее по-прежнему рассчитывать не приходилось. Как в случае с Москвой, татарами, турками, так и с Молдавией, все помыслы польского короля в этот период были целиком и полностью прикованы к венгерскому королю.

В 1474 году молдавский воевода Стефан III просил помощи у Казимира IV против османского ставленника в Валахии Раду III Красивого. Польский король отправил к воеводе небольшой отряд подолян под предводительством Снятинского старосты Михала Бушацкого. Основной задачей польского короля являлось примирить Стефана с Раду, чтобы использовать молдавского воеводу в борьбе с Корвиным¹⁰⁶. Но такой сценарий явно не отвечал реалиям Валахии и Бессарабии. Противостояние носило принципиальный характер, поскольку Валахия являлась форпостом для продвижения турок для последующего захвата Молдавии. Конфликт то успокаивался, то разгорался вновь, но не могло быть речи о каком-то длительном перемирии в регионе. В 1474 году турецкий султан Мехмед II потребовал от Стефана Молдавского передать ему два стратегически важных торговых города — Килию и Аккерман (современный Белгород-Днестровский)¹⁰⁷. Для Польши оба этих города были очень важны, так как большая часть южной польской торговли проходила через них. Но какую реакцию мы видим у Казимира IV на этот турецкий демарш? Практически никакой. Польский король все так же упорно сражается с Корвиным.

¹⁰⁵ Семенова Л. Е. Указанное сочинение. С. 85.

¹⁰⁶ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 566.

¹⁰⁷ *Ibidem*. S. 575.

На этот раз молдавскому воеводе удалось отбиться от османов самостоятельно. В январе 1475 года Порте было нанесено тяжелое поражение от Стефана. Об этом славном событии Ян Длугош пишет в своей хронике настоящий панегирик воеводе¹⁰⁸, но тем не менее никто в Кракове не торопился предоставить Стефану необходимую военную помощь для дальнейшей борьбы с турками.

Стефан постоянно отправлял послов к польскому королю, прося о помощи против османов, призывал к общей обороне и военному объединению. Воевода говорил о необходимости укрепления обороны Килии и Аккермана¹⁰⁹. Призывал Казимира IV собирать в Литве и Польше «посполитое рушение»¹¹⁰. Но польские шляхтичи устали от войны и денежных сборов, на сейме Казимиру IV предложили отправить посольство к Мехмеду II с угрозой войны и требованием не трогать земли Стефана Молдавского.

В данном случае можно наблюдать ту тенденцию, которая будет характерна для отношения европейской знати к турецкой угрозе и в более поздний период. Немецкие сословия на рейхстагах XVI-го века не раз отказывали императору в денежной и военной помощи против османов, в том числе под предлогом «надуманности угрозы» и «отдаленности угрозы от границ Германии». В 70-е годы XV столетия среди подданных польского короля царили примерно такие же настроения и непонимание захватнических настроений Порты.

Но пребывать в неведении полякам и литовцам оставалось совсем недолго. В 1475 году турки захватили Южный Крым. Казимир IV узнал об этом

¹⁰⁸ Ibidem. S. 588. (... 17 января воевода молдавский обратил в бегство 120 тысячное войско султана Мехмеда, который опустошал Валахию, и таким образом отвоевал все крепости Бессарабии, которые находились под властью турок. Многие из его людей перешли из пехоты в кавалерию, некоторые даже стали рыцарями. Многие из бежавших турок были убиты валахами, которые имели более быстрых лошадей; другие же утонули в Дунае.... тела тех, кто был убит, сожгли. Огромные кучи их костей надолго оставят свидетельство этой победы...).

¹⁰⁹ Ibidem. S. 592.

¹¹⁰ Посполитое рушение (польск. *pospolite ruszenie* — всеобщее движение) — военная мобилизация польской и литовской шляхты.

в конце июня 1475 года из письма с донесением от своего писца Матвея из Ломжи (Maciej z Łomży), который находился с поручением у Менгли Гирея¹¹¹.

Понимая опасность своего положения и не получив реальной помощи от Казимира IV, Стефан решает сменить сюзерена. В 1475 году Молдавия становится ленником Венгрии. Матьяш Корвин, который, как и Стефан, был обеспокоен продвижением Порты, являлся более надежным союзником, чем польский король. Так, проявив невнимательность и отказывая в поддержке, Польша фактически лишилась своего давнего подданного. Просчеты Казимира IV во внешней политике были налицо.

После покорения Крыма Мехмед II приступил к реализации следующей цели — захвату молдавской Килии. Узнав об этом, польский король в спешном порядке организовывает укрепление Руси и Подолии, но никак не заботится о том, чтобы оказать обещанную помощь Стефану Молдавскому. Не получил молдавский воевода ее и от венгерского короля Матьяша Корвина¹¹². Оставшись один на один с турками, Стефан принимает решение укрыться со своими людьми в горах. Начинается турецкое наступление на Молдавию. Сам султан принимает участие в этом походе, что, безусловно, говорит о стратегической важности земель Стефана для османов.

Что предпринимает в этой обстановке Польша? 22 мая 1476 года ранее отправленный польский посол Мартин Хоронжич добрался в Варне до Мехмеда и просил его не воевать со Стефаном Молдавским, так как тот является ленником Польши. (Стоит отметить, что польский король предпочел не замечать, что Молдавия сменила «хозяина»). И в знак давней дружбы польского короля с Портой не вынуждать Казимира IV идти войной¹¹³. На подобный «устрашающий» демарш султан ответил, что если бы посол встретил его в Адрианополе, то тогда похода бы не было, но сейчас уже идет война на

¹¹¹ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. 5. S. 594.

¹¹² *Ibidem*. S. 595.

¹¹³ *Ibidem*. S. 607–608.

вражеской территории и прекратить ее возможно только в том случае, если Стефан отдаст Бессарабию и Килию. На этом польский посол вернулся к Казимиру IV и доложил, что турки страшны не только для Молдавии, но и для Польши, так как их огромное количество и им помогают татары. Рассказ посла должен был произвести впечатление на короля, но в тот момент, видимо, оно было недостаточным для начала сборов войск. Возможно, Казимир IV считал, что Польше удастся сохранить дружественные отношения с османами, и дело обойдется без вторжения.

В это время, мобилизовав все свои силы, Стефан III самоотверженно сражался с турками и татарами. Татары несколько раз были разбиты наголову, но сил у молдаван не хватало. И воевода раз за разом отправлял своих послов к Казимиру IV с просьбой, скорее выделить ему на подмогу войско¹¹⁴, но ответа из Кракова не было. Удача оказалась на стороне молдавского воеводы, турецкую армию сразили болезни и голод. Польский король так и не выступил против неприятеля. Единственное, что было сделано — это собраны войска для обороны Руси и некоторых других приграничных областей от возможного вторжения¹¹⁵. Ян Длугош пишет, что султан, обеспокоенный инициативой польского короля, заторопился в Константинополь. Конечно, это стоит рассматривать скорее как придворную лесть. Отступление турок явилось плодом удачной и героической деятельности Стефана Великого по обороне своей страны.

После того как турецкая угроза была благополучно пережита, в Кракове вернулись к старому противостоянию. Казимир IV снова окунулся в борьбу с Матьяшем Корвиным¹¹⁶. В 1477 году венгерскому королю удалось перетянуть на свою сторону крестоносцев, что создавало дополнительные трудности для Польши¹¹⁷.

¹¹⁴ Ibidem. S. 609.

¹¹⁵ Ibidem. S. 611.

¹¹⁶ Ibidem. S. 615.

¹¹⁷ Ibidem. S. 621.

В 1477 году Стефан Великий продолжает успешную борьбу с турками. Захватив в плен Раду Красивого, воевода овладел Бессарабией. Снова он просит помощи у Казимира IV и в который раз получает молчаливый отказ¹¹⁸. Не удалось найти помощи и у Корвина, который начал вести переговоры с турками, завершившиеся венгеро-османским договором 1479 года. Стефан даже попытался найти помощь в Венеции, но это тоже не дало результата.

Такой расклад в международных отношениях подтолкнул Стефана заключить союз с султаном и возобновить выплату дани (1477 год; повторные переговоры и увеличение дани в 1479 году). Бесконечное противостояние с внешними врагами не устраивало молдавское боярство, которое ратовало за мир с турками. В дальнейшей присяге Корвину смысла не было, поэтому в январе 1478 года Стефан возвращается «под крыло» польского короля Казимира¹¹⁹. Мир с Турцией оставался в силе вплоть до смерти султана Мехмеда в 1481 году.

* * *

За несколько десятилетий с 60-го по 80-ый год XV столетия Великое княжество Московское, Крым и Молдавия претерпели довольно значительные изменения. На троне этих государств стояли сильные правители, которые стремились укрепить свою власть и преодолеть хаос. На Руси шла централизация и освобождение от татарского ига, Менгли Гирей не смог предотвратить подчинения Крыма османам, но остался на троне. Что до Стефана Молдавского, то территория его государства, в прямом смысле слова, оказалась «между молотом и наковальней», то есть «между турками и Европой». Энергичный воевода удачно действовал и на поле брани, и на дипломатическом поприще.

Польской король и Великий князь Литовском Казимир IV Ягеллон немало сделал для своего государства в этот период. 1460-е годы в основном прошли под знаком борьбы с Тевтонским орденом, который удалось привести к

¹¹⁸ Ibidem. S. 628.

¹¹⁹ Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006. С. 90.

повиновению Торуньскими соглашениями 1466 года. Далее и вплоть до 80-х годов польский король вступил в схватку с Матьяшем Корвиным. Это была борьба не только за чешскую корону, которой добивался и в итоге получил Владислав, старший сын Казимира IV, но также и за доминирование в регионе. Связи Польши с Молдавией, Турцией, Москвой и Крымом отчасти отошли на второй план, им уделялось меньше внимания, так как серьезной угрозы с этой стороны не ожидалось.

Отношения Казимира IV с Иваном III прошли путь от польского покровительства до практически открытого конфликта и противостояния. Дальнейшее объединение Руси грозило возможными территориальными потерями для Великого княжества Литовского. Казимир IV сделал попытку «натравить» на русские княжества ордынцев, но военные мероприятия татар не были поддержаны поляками, что привело к провалу карательного похода.

С Крымом при Хаджи Гирее у Польши был прочный союз. При восшествии на престол его сыновей не было предпосылок для возможной смены внешнеполитического курса. Нур-Девлет и Менгли Гирей продолжали дружественную политику своего отца по отношению к Казимиру IV. Здесь важен новый фактор, повлиявший коренным образом на Крым и его дипломатию, а именно Османская империя. С 1475 года, татары потеряли внешнеполитическую самостоятельность, теперь им отводилась роль проводников политики Стамбула. Польша, которая старалась придерживаться мирных отношений с турками, могла рассчитывать на позитивные плоды этих связей.

Молдавия, будучи ленником Польши и оказавшись в затруднительной ситуации из-за постоянных вторжений турок, рассчитывала на помощь Казимира IV. Такой поддержки воевода практически не получал, что привело к большим потерям для молдаван и завершилось обязательством по выплате дани Порте.

Глава 2. Становление союза Москва—Крым—Молдавия

К 80-м годам XV столетия противостояние Москвы и Польши стало совершенно очевидным. Оба государства старались привлечь на свою сторону союзников, которые смогли бы оказать эффективную помощь в ослаблении оппонента. И если Казимир IV еще в начале 70-х годов сформировал альянс с Большой ордой, то Иван III, несмотря на все усилия, вплоть до 1478 года оставался практически один на один со своими основными внешнеполитическими неприятелями.

Молодой крымский хан Менгли Гирей, чье государство в 70-е годы находилось в состоянии внутренней нестабильности, был не готов выступать против Польско-Литовского государства. Последующий в 1475 году захват Крыма османами, а затем временное властвование там выходца из Большой орды, Джанибека, также не способствовали заключению какого-либо прочного союза с Москвой.

Выработка антипольских соглашений осложнялась для Ивана III тем, что Великое княжество Московское находилось в дипломатической изоляции. Это было следствием длительного существования монголо-татарского ига, а также разобщенностью русских княжеств. Несмотря на женитьбу великого князя на Софии Палеолог, которая являлась протеей Папы Римского, в начале 70-х годов Русь продолжала быть своеобразной «terra incognita» для европейских дипломатов.

В роли возможного союзника мог выступить правитель Молдавии — Стефан III. Но перспективы подобного сотрудничества были весьма туманными. Молдавский воевода, постоянно воюющий с османами, ловко маневрировал на дипломатическом поприще. Молдавия была ленником Польши. В период с 1475 по 1478 год Стефан перешел под покровительство венгерского короля Матьяша Корвина, в надежде на совместное выступление против турок. Но так как венгерский король не предпринял никаких решительных боевых действий для защиты Молдавии и не оказал необходимой помощи, то в глазах воеводы эта присяга себя изжила за ненадобностью. В 1478

году Стефан начинает выплачивать дань османам и возвращается под вассалитет Казимира IV.

Поиск иной «подмоги» против поляков, например, в стане западноевропейских противников Казимира IV, был для Ивана III на тот момент недоступен. К 1478 году Деликому князю Московскому не удалось заручиться надежными союзниками для борьбы с польско-ордынской коалицией Ахмата и Казимира IV.

1. Союз Ивана III с Менгли Гиреем и Стефаном Молдавским

Крым

Заняв престол Крыма в 1478 году после своего долгого стамбульского пленения, Менгли Гирей не спешил, как в прежние времена, уведомлять об этом событии польского короля Казимира IV. Причиной этому послужил побег братьев крымского хана Айдера и Нурдевлета в Польшу¹²⁰. Это выглядело как враждебный шаг по отношению к Менгли Гирею, и именно так он и был расценен в Керк-Ёре. По сложившейся традиции общения с различными татарскими племенами, в Польше решили придержать у себя родственников нового «старого» хана, для возможного шантажа в будущем.

На почве «вызволения братьев» Менгли Гирея начинается дружественная страница в отношениях Москвы и Крыма. Конечно, это была не единственная причина сближения, но тем не менее, вопрос о судьбе Айдера и Нурдевлета отчетливо прослеживается в крымско-московской дипломатической переписке.

20 апреля 1479 года Иван III отправляет русское посольство к Менгли Гирею с приветствиями и поздравлениями с вновь обретенным «юртом» своего отца¹²¹. Как видно из текста документов, данная миссия явилась ответом на более раннее татарское посольство. Крымский хан первый отправил в Москву своих людей. Целью крымского посольства было не только налаживание связей между государствами. Иван III отмечает, что из уст татарских послов

¹²⁰ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. S.91. Doc. №28.2; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 17. Док. №5.

¹²¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 14–16. Док. №4.

прозвучала вполне конкретная просьба — задержать у себя Джанибека, некогда крымского хана, ставленника Большой орды. Московский государь заверил, что ордынец находится в его руках, чем выказал свои добрые намерения по отношению к Менгли Гирею.

В следующем татарском посольстве Темеша и Лухбердея прозвучала просьба переманить в Москву из Литвы ханских братьев — Айдера и Нурдевлета¹²². В этой миссии Менгли Гирей заявляет о своей готовности к союзу с Иваном III против общих врагов — хана Большой Орды и польского короля. Это отвечало интересам Ивана III, поэтому промедления с русской стороны не было. Таким образом, в апреле 1480 года оформляется союз Менгли Гирея и Ивана III¹²³.

Договор с Крымом явился важным фактором для развития дипломатических отношений Русского государства. Великое княжество Московское преодолело международную замкнутость и заручилось поддержкой союзника в борьбе с Казимиром IV и Ахматом. Насколько могло быть надежно подобное скоропалительное объединение — это был вопрос времени, но то, что Иван III стал не одинок в своей борьбе против Орды и Польши, явилось вехой в дипломатии Москвы.

Польско-ордынское сотрудничество также не стояло на месте, похода Ахмата можно было ожидать в самое ближайшее время¹²⁴. Большая орда стремилась как можно быстрее вернуть Великое княжество Московское в зону своего непосредственного влияния, польский король также был заинтересован в этом. Весь 1479 год Казимир IV провел в Литве, подготавливая почву для возможных боевых действий против Москвы. В этот период вокруг него в Вильно сплотились все те силы, которые были заинтересованы в выступлении

¹²² Там же. С. 16–25. Док. №5.

¹²³ Там же. С. 16–25. Док. №5.

¹²⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 226.

против Ивана III: это и мятежные братья князя московского и беглые новгородцы¹²⁵.

Причины изменения позиции Крыма

Все мероприятия по созданию антипольского союза происходили стремительно. Два года (1478–1480) потребовалось Ивану III и Менгли Гирею, чтобы прийти к соглашению. Для Москвы военная кооперация с Крымом была вопросом жизни и смерти, но выгоды крымского двора не кажутся столь очевидными. До турецкого пленения Менгли Гирей уклонялся от антипольских союзов, стараясь находиться в дружественных отношениях с Казимиром IV. В общих чертах Менгли Гирей продолжал ту политику, которую заложил еще его отец Хаджи Гирей.

Уже тогда у Менгли Гирея был явный противник — хан Большой Орды Ахмат, давний союзник польского короля. Поскольку основной целью объединения Казимира IV с Ахматом была Русь, то интересы Менгли Гирея не были затронуты напрямую. Хотя никто не давал гарантий, что после «усмирения Руси», Ахмат не воспользовался бы поддержкой польского короля, чтобы вернуть себе Крым. В условиях государственной нестабильности и при наличии открытого врага — Большой орды, Менгли Гирей не мог позволить себе вступить в конфронтацию с Казимиром Ягеллоном.

Некоторые исследователи¹²⁶ полагают, что стремление Крыма объединить военные усилия с Москвой было вызвано угрозой Менгли Гирею со стороны Ахмата. Как мы видим, подобная опасность существовала и ранее, то есть еще до османского вторжения на полуостров, но это не сподвигло крымскую сторону заручиться союзом с Иваном III. Кроме того, после турецкого завоевания, Крымское ханство получило защиту от притязаний Ахмата. Ведь в ответ на военную агрессию ордынцев, теперь могла подняться Османская

¹²⁵ Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Warszawa, 1936. S. 128.

¹²⁶ Dariusz Kolodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Brill, 2011. S. 22; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI века. М., 2001. С. 142; Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. Киев—Бахчисарай, 2007 и др.

империя. Стоило ли опасаться за свой трон, когда ты находишься под защитой Мехмеда II Завоевателя. По нашему мнению, с 1478 года отношения Крыма с Большой ордой переходят на иной уровень. Орда больше не является источником угрозы существованию Крымского ханства. Теперь Крым расширяет свое влияние в степи и рассматривает слабеющую Орду в качестве своей потенциальной добычи.

Военное соглашение Крыма с Москвой могло воспрепятствовать восстановлению престижа и мощи Большой орды. Крым мог усилить свои позиции в регионе, но это не являлось вопросом выживания, как было до 1478 года.

Внешняя политика Крыма после Османского завоевания

Говоря о внешней политике, проводимой Крымским ханством после османского завоевания, стоит более подробно остановиться на том, насколько Крым был самостоятелен в этом вопросе.

В отечественной и зарубежной историографии, как правило, принято рассматривать внешнюю политику Крымского ханства в отрыве от внешнеполитического курса Османской империи¹²⁷. Сложилось мнение, что Стамбул был заинтересован в Крыме в первую очередь как в экономической единице. В частности, не раз подчеркивалась важность Каффы как ключевой торговой точки и «поставщика» невольников из восточнославянского региона. Когда же речь идет о подчинении внешней политики, то как правило упоминается, что после завоевания крымский хан был обязан поддерживать все военные походы османов в этом регионе. Но дальше этих утверждений, как правило не заходит.

Крымскому правителю даже после турецкого завоевания предоставляют право внешнеполитической самостоятельности, лишь немногие исследователи ставят вопрос о степени подчиненного положения крымского хана по

¹²⁷ Dariusz Kolodziejczyk. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Brill, 2011. S. 22; Горский А.А. *Москва и Орда*. М., 2000. С. 163; Stachoń B. *Polityka Polski wobec Turcyi i akcji antyturckiej w wieku XV do utraty Kiliii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930. S. 192 и др.

отношению к турецкому султану. В данном случае речь идет не о потере Крымским ханством суверенитета как такового, ибо он формально оставался, а лишь о негласном «вето» Стамбула на ведение Крымом независимой внешней политики. Одним из первых эту тему осветил В.Д. Смирнов в работе, посвященной Крымскому ханству под властью турок¹²⁸. Схожее мнение о фактической зависимости международной деятельности Крымского ханства высказал в своих статьях видный турецкий исследователь Х. Иналджик¹²⁹.

За последнее время были опубликованы новые архивные материалы по теме взаимоотношений Крыма и Стамбула¹³⁰, которые дают возможность более подробно изучить степень подчинения полуострова Порте. В конце XX века была издана переписка крымских ханов и знати с султаном и высшими османскими сановниками, все материалы, хранящиеся в архиве музея дворца Топкапы, транскрибированы и переведены на французский язык¹³¹. Часть документов ранее публиковалась различными турецкими исследователями, но систематизация с подробными комментариями и переводом документов были сделаны впервые. Ко времени правления Менгли Гирея относятся 18 писем, 12 из которых написаны самим крымским ханом. Переписка охватывает период с 1469 по 1515 годы. Это важный материал, который позволяет приоткрыть завесу над действительным функционированием османо-крымских связей в эпоху Менгли Гирея.

¹²⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII века. СПб., 1887.

¹²⁹ Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (1) // Золотоордынское обозрение. №1, 2013, Казань. Стр. 147–164; Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (2) // Золотоордынское обозрение. №2, 2013, Казань. Стр. 163–174; Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (3) // Золотоордынское обозрение. №1, 2014, Казань. Стр. 117–128.

¹³⁰ Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань, 2014; Kurtoğlu, Fevzi. İlk Kırım Hanlarının Mektupları. Belleten, Cilt I, (1937), sayı 3/4. 651–655, levha IX–XVI; Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par A. Benigsen, P. N. Boratav, D. Desaiwe, Ch. Lemerrier-Quellejeu – Paris, 1978.

¹³¹ Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par A. Benigsen, P. N. Boratav, D. Desaiwe, Ch. Lemerrier-Quellejeu – Paris, 1978.

Попробуем восстановить события на полуострове в этот период. После завоевания Крыма Менгли Гирей попал в турецкий плен. Несмотря на то, что до сих пор ведется дискуссия о том, был ли это именно плен и тюрьма или же представитель рода Гиреев находился при дворе Мехмеда Фатиха в качестве почетного гостя, но неоспорим тот факт, что с 1475 (по некоторым данным 1476 года) и до весны 1478 года Менгли Гирей не было в Крыму. После своего возвращения новый хан формально сохранил свою независимость. Никаких прямых договоров, которые бы обязывали Крымского хана проводить свою внешнюю политику в соответствии с курсом Порты — нет. В историографии упоминается мифический договор Менгли Гирей с Мехмедом II, но на практике мы не можем ручаться, что существовало письменного соглашения. Исключение составляет лишь положение об обязательной военной поддержке татарами турецких походов.

Одним из факторов подчинения одного государства другим, является постепенная унификация или своеобразная «подгонка» администрации и делопроизводства. Безусловно все зависит от степени подчинения, но подобные тенденции наблюдаются довольно часто. Это проявляется как в приведение к единообразию принципов администрирования, так и в более частом использовании, а со временем и полном доминировании в переписке и делопроизводстве языка «государства-подчинителя». М.А. Усманов отмечает в своем исследовании, что после установления в 1475 году турецкого владычества над ханством, медленно, но по восходящей линии усиливается влияние османско-турецкого делопроизводства, что в определенной степени соответствовало изменениям и внутри общества¹³². Анализ языка крымских грамот, опубликованных в вышеупомянутом сборнике документов, отчасти подтверждает тезисы М.А. Усманова. До 1475 года в своих письмах крымские ханы и вельможи прибегают к кыпчакскому языку, характерному для межплеменного общения в Большой орде, после османского завоевания крымский ханы и знать довольно быстро переходят в переписке с султанами на

¹³² Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XV – XVII вв. Казань, 1979. С. 82.

тюркский-османский, поначалу с элементами кыпчакского, а позднее лишь с небольшими вкраплениями так называемых «татаризмов».

Так как документов непосредственного крымско-турецкого взаимодействия в нашем распоряжении не так много, попробуем разобрать каждый из них в отдельности.

Первое письмо Менгли Гирея к султану Мехмеду II относится к 25 октября 1469 года¹³³. В нем, хан обращается к османскому правителю как к «брату» и ходатайствует перед ним за одного из генуэзцев. Хан говорит, что представители Генуэзской Республики являются его союзниками и находятся под его покровительством. В целом, тон письма выдержан в духе переписки между двумя независимыми правителями. Можно говорить о том, что до османского завоевания между ханом и султаном велась обычная дипломатическая переписка, нет никаких намеков на турецкое доминирование по отношению к Крыму.

Следующее послание Менгли Гирея адресовано не самому Мехмеду II, а одному из высокопоставленных чиновников Османской империи¹³⁴. Датируется оно концом июля – началом июня 1475 года, то есть временем покорения Крыма турецкими войсками под предводительством Гедик-Ахмеда Паши. Бывший хан в письме всячески выказывает «признательность» османам за «освобождение», открыто называет себя «слугой падишаха» и просит чиновника о заступничестве перед султаном. Подобный тон Менгли Гирея вполне понятен, ведь в тот момент он находился в руках завоевателей. Известно, что Менгли Гирей был захвачен и отправлен пленником в Стамбул для последующей казни или продажи в рабство. Документ подтверждает, что в момент османского завоевания верховная власть хана в Крыму фактически перестала существовать.

Начиная с этого момента, в письмах адресованных Порте с полуострова, отчетливо прослеживается модель общения «вассал—сюзерен». Первая часть

¹³³ Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapi / Présenté par A. Benigsen, P. N. Boratav, D. Desaiwe, Ch. Lemerrier-Quellejeu – Paris, 1978. P. 41–44.

¹³⁴ Ibid. P. 55–57.

письма, как правило, посвящена подробному и по-восточному пышному прославлению султана, с пожеланиями долголетия и процветания. Далее идет подобие отчета о крымских делах. Завершает письмо, как правило, какая-либо просьба. Ни о каком формальном «братстве» между ханом и падишахом уже не идет речи, Менгли Гирей называет себя исключительно «покорным слугой»¹³⁵.

Имеются письма между Стамбулом и Крымом, в которых напрямую обсуждается внешняя политика и взаимоотношения с другими государствами. К ним, в первую очередь, относятся послания ширинского бея, Эминека, к Мехмеду II¹³⁶. Все письма бея датированы первыми годами после османского завоевания полуострова до возвращения Менгли Гирея на трон. В переписке фигурируют соседние Крыму государства, такие как Молдавия и Большая Орда. Данные письма выполнены в форме отчета крымского бея перед падишахом. В них обрисовывается ситуация противоборства с представителями Большой орды. Также Эминек рассказывает о набегах на Молдавию и просит султана извинить татар за то, что им пришлось преждевременно вернуться к себе из-за угрозы Крыму со стороны ордынцев (1476 год). Можно утверждать, что в этот период на первый план выступает такой инструмент управления Крымом, как тесное взаимодействие с высшей крымской знатью. Подобная кооперация Стамбула с главами татарских родов, как показывают источники, будет фигурировать и в дальнейшем.

Существует интересные сведения, принадлежащие перу самого крымского хана Менгли Гирея. Документ, хранящийся в архиве музея дворца Топкапы под номером E.6691.1/4 не содержит четкого указания на дату создания¹³⁷. Некоторые исследователи, такие как Курат и Картоглу, высказывали предположение, что текст может относиться к временным отрезкам с июня 1465 по июль 1476; с 1483 по 1484 или с 1484 по 1490 год. Но для нашего исследования представляет интерес не столько датировка документа, сколько

¹³⁵ Ibid. P. 80–81.

¹³⁶ Ibid. P. 59–67; 70–77.

¹³⁷ Ibid. P. 80–81.

его содержание. Свое послание крымский хан посвятил вопросам внешней политики. Кроме описания ситуации в Большой орде Менгли Гирей передает в Стамбул полную копию своего письма к польскому королю Казимиру IV. В этом послании хан угрожает Казимиру IV, что в случае если тот будет оказывать поддержку Молдавии, Крым станет врагом Польши. Данный источник косвенно доказывает, что Менгли Гирей либо по соглашению, либо по негласному договору, был обязан отчитываться перед Портой в своей внешней политике, а также согласовывать ее с османами. Таким образом Крымское ханство должно было синхронизировать свою внешнюю политику с дипломатическими устремлениями падишаха.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что внешнеполитические маневры, которые предпринимал Менгли Гирей после покорения турками Крыма в 1475 году, были согласованы с Османской империей. Начиная со второй половины XV века, крымские татары стали своеобразным проводником дипломатии османов в этом регионе. Нет никаких сомнений в том, что столь важный вопрос, как союз Крыма с Москвой, решался под контролем Стамбула, и соглашение было бы невозможно, если бы это противоречило замыслам и целям султана. Подобные выводы опровергают сложившееся в историографии мнение, что Крымское ханство стало союзником Москвы из-за желания объединиться против общего врага — Большой орды. Как мы видим, ордынцы в этот период уже не представляли основной угрозы для Крыма. Слабеющая Орда, раздираемая внутренними междоусобицами и бьющаяся в конвульсиях в надежде удержать былое величие, доживала свои последние годы. Враг, который в действительности подтолкнул Крым к Ивану III — это Польша. Именно, государство Ягеллонов представляло значительную силу и могло создать ощутимые препятствия для продвижения Османской империи в Молдавии. Долгое время считалось, что заинтересованность Порты и ее внимание к восточноевропейскому региону были незначительными, но анализ документов, а также постоянная экспансия османов в Молдавии и на соседних с ней территориях явное тому опровержение. Безусловно, Менгли Гирей имел свой интерес в союзе с Москвой, так как стремился устранить

своего степного соперника, Большую Орду, но не это явилось первопричиной. Только ощущая за своей спиной одобрение падишаха, крымский хан мог решиться на открытое противодействие союзу Польши и Большой Орды.

Была ли для Польши прозрачна внешняя политика Крыма и степень ее подчинения интересам Порты? Документы, как ни странно, дают нам повод утверждать, что Казимир IV оставался в неведении относительно крымского внешнеполитического курса. Многие исследователи отмечают, что «в конце своего правления польский король демонстрирует невнимательность, граничащую с пренебрежением восточного направления политики своего государства»¹³⁸. Постоянное противоборство на Западе, то с Тевтонским орденом, то с Матьяшем Корвиным, настолько отвлекли его от соседствующих на востоке территорий, что он не проявлял должного внимания и настороженности к меняющимся внешнеполитическим реалиям. Как итог, польский король недооценил активность Ивана III на ниве «собирания земель русских», а также находился в заблуждении относительно действительных намерений Османской империи и Крыма.

Наметившийся союз Менгли Гирея с Москвой также остался без необходимого контроля со стороны Казимира. Польская канцелярия продолжала воспринимать внешнюю политику Крымского полуострова как это было во времена Хаджи Гирея, то есть как дружественную по отношению к Кракову. Отчасти первые годы правления Менгли Гирея давали повод для этого, но фактор османского завоевания Крыма в Польше явно не брали в серьезный расчет. Сама Порта и ее устремления не были поняты королем. Несмотря на то, что папа римский постоянно отправлял Казимиру IV своих легатов, чтобы склонить того к активным антитурецким действиям, все было впустую, ибо Казимира IV куда больше интересовало соперничество с Венгрией¹³⁹. Совместное посольство от султана и крымского хана Нурдевлета, прибывшее к

¹³⁸ Темушев В.Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013. С. 44.

¹³⁹ Stachoń B. *Polityka Polski wobec Turcyi i akcyi antyturckiej w wieku XV do utraty Kilii i Białogrodu (1484)*. Lwów, 1930. S. 168, 169.

Казимиру весной 1478 года с выражениями дружбы и приязни, отчасти также усыпило бдительность короля¹⁴⁰.

Политика Казимира IV по отношению к Крыму после 1475 года

Польский король безусловно был обескуражен тем фактом, что турки вторглись в Крым и захватили генуэзские территории. Несмотря на то, что Священный престол давно пытался склонить Польшу к борьбе с османской угрозой, пожалуй, только после падения Каффы Порты заявила о своих серьезных намерениях в районе Причерноморья. Но даже тогда вопреки всем дипломатическим усилиям венецианцев, Папы и Матьяша Корвина¹⁴¹ никакой жесткой реакции Казимира IV не последовало. Польский король удовлетворился заверениями турецкого султана в дружбе и приязни, переданных 19 мая 1476 года через посла¹⁴².

Говоря о турецком и татарском направлении внешней политики Польши в этот период, нельзя оставить без внимания фигуру итальянского гуманиста Филиппо Буонаккорси, известного также под именем Каллимах. Этот государственный муж и поэт явился одним из основоположников гуманизма в Польше и оказал влияние на дипломатию государства. Бежав в конце 60-х годов XV века из Рима от политического преследования и пробыв некоторое время на Греческих островах и Стамбуле, в 1470 году он оказался в Польше. При покровительстве Львовского архиепископа Гжегожа с Санока и Краковского архиепископа кардинала Збигнева Олесницкого, Каллимах был представлен ко двору короля Казимира IV¹⁴³. В своих мемуарах итальянский гуманист

¹⁴⁰ Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. T. 5. Kraków, 1870. S. 630.

¹⁴¹ С февраля по апрель 1476 года к польскому королю отправлено несколько посольств с призывом помириться с венгерским королем Матьяшем Корвиным и начать активные боевые действия против турок. *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. 14. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. T. 3. 1392 – 1501 / Coll. opera A. Lewicki. Kraków, 1894. №214–219.

¹⁴² *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. 14. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. T. 3. 1392 – 1501 / Coll. opera A. Lewicki. Kraków, 1894. №222.

¹⁴³ Garbacik J. *Kallimach jako dyplomata i polityk*. — *Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego*. Seria II. T. 46. (71). №4. Kraków, 1948. S. 32.

упоминает, что какое-то время он занимался обучением двух старших королевичей — Казимира и Яна Ольбрахта, затем начал службу в канцелярии. Ян Длугош, который был близок к королевской семье в этот период, никак не упоминает гуманиста в деле воспитания наследников¹⁴⁴, так что, вероятно, это итальянское наставничество носило эпизодический характер. Тем не менее, многие исследователи, в коих число входит и Фридерик Папе, отмечают значительное влияние Филиппа Каллимаха на внешнюю политику Казимира IV и Яна Ольбрахта. Итальянский гуманист считался при польском дворе экспертом по итальянским и турецким делам. Представления Каллимаха о польской дипломатии в отношении Османской империи отражены в его труде, посвященном польско-турецким взаимоотношениям¹⁴⁵.

Свою дипломатическую карьеру на службе польского короля итальянец начал в 1476 году, он входил в польскую делегацию посольства в Венецию¹⁴⁶. Данная миссия была посвящена венецианскому проекту по возможному использованию татар (Большой Орды) в борьбе против турок¹⁴⁷. Подобные планы уже давно бродили среди европейских дипломатов. Еще при жизни крымского хана Хаджи Гирея, его пытались привлечь к антитурецкой коалиции. Начиная с 1474 года началась «обработка» Ахмата, чтобы склонить его к противостоянию с османами. Польская сторона в Венеции преследовала цели не столько антитурецкие, сколько антивенгерские. Казимир IV через своих послов проводил переговоры, целью которых было не допустить усиления Матьяша Корвина. Что касается венецианского проекта, то польская делегация признала невозможность привлечения татар для борьбы с османами. В качестве аргументов поляки привели свою оценку татарских сил, как малочисленных и

¹⁴⁴ Ibid. S. 33.

¹⁴⁵ Kallimach, P. Callimachi experientis de bello Turcis inferendo oratio gravissima ac iam temporibus convenientissima. Item eiusdem historia de his quae a Venetis tentata sunt, Persis ac Tartaris contra Turcos movendis, non solum verborum elegantia conscripta singulari, verum etiam multis gravissimis consultationibus ad id bellum conficiendum referta. Haganoae, ex officina Seceriana A. 1535.

¹⁴⁶ Ibid. P. 92.

¹⁴⁷ Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. V. IV. 1453–1476. Bucarest, 1915. P. 360–368. №295.

явно непригодных для борьбы с Портой. Возможно, эти данные соответствовали действительности, но стоит учитывать и тот факт, что татары рассматривались Польшей прежде всего в контексте борьбы с Москвой. Распыление сил Большой Орды еще и на османов совершенно не входило в планы Казимира IV.

Что же до Каллимаха, то интересен его взгляд на саму структуру Османской империи: итальянский гуманист оценивает Порту, как государство отсталое и внутренне нестабильное¹⁴⁸. В его анализе преобладает общая гуманистическая риторика того периода и отсутствует глубокое понимание реальных фактов и внешнеполитических угроз. Конечно не стоит преувеличивать влияние Филиппа Буонаккорси на общий дипломатический вектор польского государства. При дворе находились более влиятельные и опытные государственные деятели, и потом внешняя политика была продиктована волей самого монарха. Но мнение короля в числе прочего формирует окружение, именно там с 70-х годов XV находился итальянский гуманист. Его воспоминания помогают составить приблизительную картину того, какие взгляды на ведение внешней политики царили при дворе Казимира IV и Яна Ольбрахта. Все отвлеченные представления Каллимаха обретают жизнь при анализе реальных действий польского государства на дипломатическом поприще. Как мы видим, не только на словах, но и на деле, Польша ничего не делала, чтобы остановить или как-то ослабить Порту в этот период, опасность турок недооценивалась.

Возвращение на трон Менгли Гирея в 1478 году не воспринималось Казимиром IV как нечто новое в политической культуре Крыма. Как в старые добрые времена, канцелярия попыталась разыграть карту «беглых братьев» и политического шантажа. Не было сделано попыток реального построения новых взаимоотношений, с оглядкой на «зависимое» положение Крыма от османов.

¹⁴⁸ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II. T. 46. (71). №4. Kraków, 1948. S. 46.

Кроме того, несмотря на все попытки западных стран создать антитурецкую коалицию, можно утверждать, что у Польши были совершенно иные планы. В мае 1478 года появляется письмо Каллимаха к кувявскому епископу Збигневу Олесницкому, являющемуся на тот момент коронным подканцлером¹⁴⁹. В этом документе итальянец подробно описывает необходимость для Польши скорейшего союза с Османской империей, для того чтобы вместе с ней сокрушить Матьяша Корвина¹⁵⁰. Этот проект не был воплощен в жизнь. Подобная авантюрная консолидации с «врагом христианского мира», направленная против другого христианского государства, могла серьезно подорвать авторитет польской короны. Папская курия и венецианцы выделяли огромные средства для борьбы с османами, а союз с турками мог быть расценен как удар в спину всему христианскому миру. Разумеется, Казимир IV не решился на подобный риск.

Хотя замысел союза с турками не был реализован, данное письмо представляет ценность для анализа политической мысли. В тексте послания Каллимаха нет и намека на то, что Порта является конкурентом Польши, что их интересы сталкиваются в Молдавии. Игнорируется факт использования турками крымских татар на молдавском военном театре. То есть, мы видим продолжение прежней основополагающей внешнеполитической идеи, согласно которой соперником Ягеллонов в данном регионе является исключительно Матьяш Корвин, новый враг выводится «за скобки», его внешнеполитические планы в регионе остаются незамеченными.

Документы, находящиеся в Литовской Метрике, дают возможность проследить развитие крымско-польских отношений в тот период, когда Менгли Гирей совместно с Иваном III активно работал над формированием антипольского военного союза. Основным предметом переписки Казимира IV с крымским ханом является вопрос о возвращении на полуостров беглых ханских

¹⁴⁹ Подканцлер — заместитель Великого коронного канцлера, являвшегося главой королевской канцелярии и отвечавшего за ведение внешней политики страны. Начиная с 1481 года, во время отсутствия Казимира IV Збигнев Олесницкий замещал его и осуществлял руководство государственными делами.

¹⁵⁰ Acta Tomiciana. T. I. Poznań, 1852. App. 1–19.

братьев — Айдера и Нурдевлета¹⁵¹. Когда же эта тема потеряла свою актуальность, в виду переселения братьев хана в пределы владений Великого князя Московского, с крымской стороны начались попытки по установлению союза с Польшей. С 1479 по 1481 год между Крымом и польским королем ходили послы с проектом такого союзного договора¹⁵². Переговоры с Казимиром IV шли параллельно с заключением соглашения Менгли Гирея с Иваном III. Очевидно, что крымский хан одновременно «работал на два фронта». Ряд исследователей предполагает, что хан не мог определиться, с кем будет выгоднее заключить антиордынский союз — с Москвой или Польшей¹⁵³. На наш взгляд, в отношениях Менгли Гирея с Казимиром IV в 1479 по 1481 год прослеживается дипломатическая турецкая тактика. Крымский хан говорит о перспективах крымско-польского союза, всячески заверяет в своих дружеских намерениях, в то же время заключает антипольский союз с Москвой. Подобным образом ведет себя и Мехмед II: дружеские посольства к Казимиру IV, высказывания взаимной «приязни», и одновременное продвижение на подконтрольную Польше территорию Молдавии с подготовкой к захвату стратегически важных черноморских портов Килии и Аккермана.

В этот же период Иваном III были предприняты попытки привлечь к антипольскому союзу еще одного игрока — молдавского воеводу Стефана Великого. В этом определенную роль сыграло Крымское ханство.

Молдавия

Время начала сотрудничества Стефана Молдавского с Иваном III принято относить к 1483 году, когда сочетались браком наследник русского престола Иван Иванович Молодой, сын Ивана III, и дочь воеводы Елена, прозванная на Руси «Волошанкой». На основании имеющихся документов, можно утверждать,

¹⁵¹ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. С. 91. №28.1–28.3.

¹⁵² Там же. С. 90. №27; С. 91, 92. №29.1–29.4; С. 93. №31–31.2; С. 94. №34.

¹⁵³ Dariusz Kolodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Brill, 2011. P. 22–24; Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 194–196.

что активные московско-молдавские взаимоотношения начались еще в конце 1479 года.

Первое упоминание о подготовке свадьбы наследника русского престола и дочери Стефана мы находим в русских посольских книгах, относящихся к Крыму. 16 апреля 1480 года боярин И.И. Звенцов, отправлявшийся в Крым для согласования текста союзного договора, имел поручение для посольства к молдавскому воеводе¹⁵⁴. Крым явился связующим звеном для беспрепятственного сношения Москвы и Сучавы, так как первые посольства не могли переправляться через территорию Польско-Литовского государства. В Литовской Метрике сохранилось письмо от Стефана Великого к Казимиру IV, в котором он просит свободного прохода своим послам в московское княжество¹⁵⁵. И хотя такое разрешение было в итоге получено, «крымский путь» сохранился и активно использовался во время русско-польских пограничных войн.

Русское посольство в Молдавию, явилось ответом на брачное предложение Стефана, которое поступило, по всей видимости еще в 1479 году, так как в апреле 1480 года уже «созрел» ответ Ивана III и обратное посольство. В качестве сватов выступили родственники первой жены молдавского воеводы — Евдокии Олельковны. Источник дает нам целый калейдоскоп имен придворных и родственников: «...Княжа Семенова Юрьевича княгини Федка велела тебе говорити: что еси присылал к моему брату, ко князю к Михаилу Александровичу, и к своему сестричу, ко князю к Ивану Юрьевичу, о том, что мне бити челом великой княгини Марие, чтобы печаловалася сыну своему великому князю Ивану, чтобы князь великий взял за своего за великого князя твою дочку...»¹⁵⁶. Так как упомянутые люди были участниками установления контактов Молдавии и Руси, попробуем выяснить их личности. Княгиня Федка — это Феодора Олельковна, родная сестра первой жены Стефана и

¹⁵⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 16–25. Док. №5.

¹⁵⁵ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. С.97. Doc. №38.

¹⁵⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 23. Док. №5.

соответственно родная тетьа будущей невесты¹⁵⁷. Далее в письме Ивана III фигурирует брат Феодоры — князь Михаил Александрович Олелькович. И затем упоминается ее сестрич Иван Юрьевич. Сестричем, то есть сыном сестры матери, для княгини Феодоры был Иван Юрьевич Патрикеев, его матерью являлась Мария Васильевна, дочь московского князя Василия I и сестра Анастасии Васильевны, которая была матерью Феодоры Олельковны.

Анализируя состав лиц, которые были вовлечены в дипломатическую процедуру сватовства, бросается в глаза то, что это были люди, формально являющиеся подданными польского короля, за исключением Ивана Юрьевича Патрикеева. Литовские вельможи из рода Олельковичей (и, возможно, Гольшанских, см примечание) демонстрируют в конце 70-х — начале 80-х гг. XV столетия значительную вовлеченность в русско-молдавские переговоры. Вряд ли этот брак и в целом русско-молдавский союз был выгоден Польше. Можно сделать вывод, что вышеперечисленные представители знатных литовских магнатских родов, действуя в интересах своих семей, способствовали укреплению международного положения Ивана III, а совсем не своего непосредственного господина Казимира IV. В Литве в 70-х годах существовала группа высшей знати, которая была готова действовать на благо московского княжества.

Как было сказано ранее, первые сведения об установлении русско-молдавских отношений мы находим в крымских посольских книгах. Русский посол Звенцов должен был вести переговоры в Кырк-ёре и дожидаться молдавского посла от Стефана Великого. Переговоры с Молдавией и участие в

¹⁵⁷ Источник указывает мужа Феодоры Олельковны — князя Семена Юрьевича. В РИО Т. 41 он указывается, как Семен Юрьевич Патрикеев. Но у князя Юрия Патрикеевича не было сына по имени Семен, нам известны лишь Василий и Иван (Русский библиографический словарь: В 25 т. Под наблюдением А.А. Половцова. Спб., 1896–1918. Т. 18). Это говорит об ошибке в именном указателе РИО Т.41. В польских материалах про Феодору, ее мужем указывается князь Семен Юрьевич, но не указывается его фамилия. (Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań — Wrocław, 1999. S. 86–90). Если принять во внимание знатность рода Олельковичей, то, возможно, супругом Феодоры мог быть Семен Юрьевич Гольшанский (1445–1505). В польском библиографическом словаре, в соответствующей статье, говорится о его жене Анастасии Семеновне Збаражской и детях от этого брака, ни о какой Феодоре упоминаний нет (Polski Słownik Biograficzny. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961. Т. 9. S. 589–590). Тем не менее, известно, что женитьба Гольшанского на Збаражской состоялась не ранее 1481 года. Так что нельзя исключать, что Феодора Олельковна могла быть первой женой Семена Юрьевича Гольшанского, но из-за ранней смерти и отсутствия общих детей данные об этом браке могли быть потеряны. Тем не менее вопрос, кто такой Семен Юрьевич, муж Феодоры Олельковны, остается открытым.

этом Крыма дают возможность проследить определенную трансформацию татарско-молдавских отношений. Звенцов по приказу Ивана III извещал Менгли Гирея, а также Эминека, о посольствах между Молдавией и Москвой и просил выступить своего рода «посредником» этих отношений, а именно, обеспечить безопасный проход русской миссии в Молдавию и молдаван в Москву¹⁵⁸. Стоит вспомнить, что в 1476 году крымские татары участвовали в войне с молдавским воеводой на турецкой стороне. Дважды были биты воеводой. Кроме того, в письме Менгли Гирея к Мехмеду II, крымский хан передает султану свое послание польскому королю, в котором призывает Казимира IV не поддерживать Молдавию¹⁵⁹. Интерес Османской империи к землям Стефана очевиден. Встречается мнение, что захват Крыма был предпринят турками для того, чтобы обеспечить военное подкрепление основных турецких сил в Молдавии татарской конницей. Это предположение подтверждается участием татар под предводительством Эминека в сражениях с воеводой, а также тем, что сразу же после покорения Крыма, султан Мехмед потребовал от Стефана Молдавского Килию и Аккерман. То есть, для Менгли Гирея, недавно вернувшегося на трон после длительного отсутствия, было бы крайне опасно участвовать в каких бы то ни было дипломатических играх с молдавской стороной, не известив об этом Стамбул. Можно утверждать, что подобное татарское «посредничество» в отношениях Молдавии и Москвы было бы абсолютно невозможно без согласия на это Порты.

Молдавия и османы в конце 70-х годов XV века

На протяжении всех 70-х годов XV века Стефан вел практически непрерывную борьбу с османами и их сторонниками как в Молдавии, так и в Валахии. За этот период он успел нанести своим врагам значительный урон, были одержаны знаковые победы (Васлуй, 1475 года), но страна была разрушена. Крестьяне и боярство тяготились постоянным «военным

¹⁵⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 22–23. Док. №5.

¹⁵⁹ Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapi / Présenté par A. Benigsen, P. N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quellejeu – Paris, 1978. S. 80–81. Doc. E.6691/4

положением» в стране. Как ни старался воевода привлечь на свою сторону союзников: польского короля Казимира IV, чьим вассалом он формально являлся; Стефан даже принес присягу верности венгерскому королю; многократно отправлял посольства в Рим и Венецию с призывами о помощи, — но все было тщетно. Никто не собирался вступать в опасную схватку с Османской империей ради Молдавии. Потеряв надежду на реальную помощь от Матьяша Корвина, молдавский воевода в 1478 году подтверждает свои вассальные обязательства перед Казимиром IV¹⁶⁰. Но нерешительность польского короля по отношению к турецким силам подтолкнули Стефана Молдавского искать новые пути выхода из критической ситуации. Страна и народ были истощены, в таких обстоятельствах воевода начинает переговоры с султаном Мехмедом II.

Сохранились документы о том, что с 1479 по 1481 год шли переговоры между Стефаном Великим и Мехмедом II о турецко-молдавском договоре¹⁶¹. Результатом явилось соглашение о ежегодной выплате дани. Стефан получил передышку в череде многочисленных османо-молдавских войн. За это время можно было стабилизировать внутреннюю обстановку в стране и проанализировать пути дальнейшего развития государства, которое находилось в зоне непосредственных интересов Польши, Венгрии и Османской империи.

Стефан принимает решение установить дружественные отношения с Великим князем Московским. Династический брак мог стать прекрасным «цементом» для союза двух православных государств. По инициативе воеводы в 1479 году начинаются переговоры относительно возможного сватовства, которые в итоге завершились свадьбой Елены Стефановны и Ивана Молодого в 1483 году. По мнению Молдавского воеводы, опора на Москву могла стать дополнительным гарантом стабильности и независимости Молдавии. Таким образом, к 1480-му году Стефану удалось достичь относительной

¹⁶⁰ Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006. С. 90.

¹⁶¹ Mustafa A. Mehmet. Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman in a doua jumătate a veacului al XV-lea // Studii revista de istorie 5, anul 8, 1960. București. S. 165–179.

определенности в отношениях с османами, успокоить вассальной присягой польского короля и заручиться возможным союзом с Иваном III.

Предполагал ли воевода привлечь Москву к антитурецким выступлениям? Подобная перспектива представляется далекой от действительности. Во-первых, основной проблемой для Великого князя Московского являлся скорее Казимир IV, нежели султан Мехмед II. А во-вторых, крымские татары, чье подчиненное положение по отношению к османам было хорошо известно молдаванам, состояли в стратегическом для Москвы антипольском союзе. Соглашение Стефана с Иваном III стоит рассматривать в контексте противостояния именно с Польшей, а не Турцией. Не исключено, что в проектах воеводы было избавление его страны от влияния Ягеллонов. Никакой реальной поддержки от Казимира IV Молдавия не получала, а между тем вассальная присяга урезала степень самостоятельности молдаван на международной арене. То, что переговоры о заключении брака на первой фазе осуществлялись при содействии крымских татар, косвенно подтверждает отсутствие антиосманских замыслов. Кроме того, учитывая, что Порта не препятствовала установлению дружеских связей между Молдавией и Москвой, свидетельствует скорее об определенной заинтересованности турок в этом союзе. Выведение Молдавии из вассальной присяге Польше, ослабляло позиции Ягеллонов в регионе и затрудняло их военное противодействие турецкому продвижению.

2. 1480 год. Поход хана Ахмата на Москву

Весь 1479 год польский король Казимир IV провел в Литве. В это время шла активная подготовка к возможному наступлению на Москву совместно с силами ордынцев. Пик противостояния между польским и венгерским королем за обладание Чехией был благополучно пройден, поэтому 1479 и 1480 год в Польше отмечается относительно спокойная обстановка. В это время Казимир Ягеллон решил предпринять более активные действия для того, чтобы остановить Ивана III, политика которого угрожала территориальной

целостности Литвы. В Москве были в курсе предстоящего наступления и готовились к нему. К числу контрмер можно отнести союз с Крымом и дипломатические переговоры с молдавским воеводой.

Наступление основных сил хана Ахмата на Русь началось осенью 1480 года. Татарское войско шло через территорию Литвы, где хан планировал получить значительное подкрепление и затем вторгнуться в пределы владений московского князя через реку Угру. 8 октября Ахмат предпринимает неудачную попытку форсировать реку, после чего его войска отступают. Русская армия занимает позиции на противоположном берегу, и начинается достославное «стояние на реке Угре». Как известно, несмотря на первоначальные планы по проведению совместных боевых действий Орды и Польши, войска Казимира IV так и не присоединились к силам Ахмата, который в итоге 11 ноября был вынужден уйти обратно в степь.

Безусловно, польский король собирался поддержать татарское наступление, подготовленное фактически им самим. Причины неявки польско-литовских сил до сих пор носят дискуссионный характер. В историографии не сложилось определенного мнения, что же именно помешало Ягеллону напасть на Москву совместно с Ахматом. Ряд исследователей выделяет внутренние противоречия в польском государстве этого периода, другие говорят об опасении Казимира IV, что ему в тыл могут ударить крымские татары. Но все это не объясняет того, почему польский король не воспользовался возможностью разгромить своего основного врага в Восточной Европе. Попробуем остановиться более подробно на тех причинах, которые побудили польского короля «остаться дома».

Интересным представляется вопрос о восприятии поляками похода Ахмата на Русь. В отечественной историографии принято считать датой окончания монголо-татарского ига на Руси 1480 год, но выглядело ли это так же для современников? Пролить свет на позицию польской канцелярии в этом вопросе помогает Хроника Яна Длугоша. Описывая причины пребывания Казимира IV в Литве в 1479 году, польский историк, входивший в свиту монарха, повествует о покорении Новгорода Иваном III. При этом в описание

личности и деятельности московского князя Длугош включает сведения о том, что московский князь освободил Русь от многовекового татарского ига¹⁶². Следовательно, уже в 1479 году у польской стороны было сформировано мнение, что Москва больше не является данником Большой орды. В соответствии с этими представлениями, Казимир IV мог рассматривать поход Ахмата 1480 года, — как одно из выступлений, в череде прочих — таких, как, например, вторжение татар 1472 года. Волею судеб 1480 год стал роковым в отношениях Орды и Москвы, но польский король, вероятно, не предполагал, что его отказ от военного выступления станет судьбоносным.

Крымские татары, заключив военный союз с Иваном III, напротив приняли активное участие в событиях 1480 года. Несмотря на переговоры о дружбе, проходившие между Менгли Гиреем и Казимиром IV в 1479–1480 гг., осенью 1480 года крымское воинство обрушились набегом на южные земли Польско-Литовского государства. Были разорены Волынь и Подолье. Однако татары решили открыто не противопоставлять себя Польше. В октябре 1480 года крымский посол Байраш объясняет этот разорительный поход тем, что из-за задержки предыдущего татарского посла — Азбабы — хан решил, что польский король не хочет с ним мира¹⁶³. Крымское наступление сыграло на руку русским войскам, так как в нужный момент татары оттянули на себя боевые силы противника и воспрепятствовали возможному соединению польских и ордынских сил.

Как повел себя Стефан Великий, с которым именно в этот период происходит сближение Москвы? Под 14 индиктом в Литовской Метрике помещена следующая информация: воевода отправил к Казимиру IV своих послов с просьбой разрешить им беспрепятственный проход к Ивану III через литовские земли. Кроме того Стефан предупреждает польского короля о большой концентрации турецких войск вблизи своих границ, целью которых, по

¹⁶² Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Przekład Karola Mecherzyńskiego. T. 5. Kraków, 1870. S. 657.

¹⁶³ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. С. 92. №29.2.

данным молдаван, является нападение на Литву¹⁶⁴. Это послание составители 4-ой книги Литовской Метрики поместили под 1481 годом, так как именно он соответствует 14 индикту, но стоит отметить, что данный источник был ранее опубликован в польском сборнике документов¹⁶⁵, там автор приводит датировку 1480 год. Ясность в этом вопросе вносит исследование польского историка Фридерика Папе, который выяснил, что 14 индикт для этого периода и региона начинается 1 сентября 1480-го года¹⁶⁶. Известно также, что в апреле 1481 года в Москве уже знали об этом посольстве Стефана и о том, что от Казимира IV было получено разрешение для прохода молдавских послов на Русь через Литву¹⁶⁷. Таким образом, данное посольство от Стефана Молдавского следует датировать сентябрем 1480 – апрелем 1481 года. Этот временной отрезок соответствует периоду «стояния на реке Угре». Следовательно Казимир IV не выступил в поход также и из-за опасения возможного наступления османов на подвластные ему территории.

Была ли турецкая угроза для литовских земель реальной в конце 1480 года или же Стефан выступил в роли «дезинформатора» по уговору с Иваном III? Подобные предупреждения от молдавского воеводы получила не только польская сторона, но и ливонцы. 30 мая 1480 года ливонские послы уведомили Казимира Ягеллона о том, что к ним приходили посланцы от молдавского воеводы и говорили, что турки просят у Стефана прохода через свои земли для атаки на литовский город Каменец Подольский¹⁶⁸.

В авангарде борьбы с Османской империей находился венгерский король Матьяш Корвин, и он безусловно «держал руку на пульсе», когда дело касалось возможных турецких атак на Европу. Последние набеги, которые были

¹⁶⁴ Ibid. С. 97. №38.

¹⁶⁵ Źródła dziejowe. T. 10. Sprawy Wołoskie za Jagiellonów: Akta i listy. Wydał i szkicem historycznym poprzedził, Aleksander Jabłonowski. Warszawa, 1878. S. 59. №4.

¹⁶⁶ Papée F. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1904. Tom 1. Ostatnie dwunastolecie Kazimierza Jagiellończyka. S. 84.

¹⁶⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 25–28. Док. №6.

¹⁶⁸ Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1894. Т. 14. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Т. 3. 1392–1501 / Coll. opera A. Lewicki. S. 315–316. Doc. №289.

предприняты турками в союзе с валахами, описываются Корвиным 22 октября 1479 года¹⁶⁹. Далее отсутствует информация об активности Порты, вплоть до 14 апреля 1481 года, когда в своем письме к Папе Римскому Сиксту IV венгерский король Матьяш Корвин заявляет о полученной от Стефана Молдавского информации о готовящемся большом нападении османов в этом регионе под предводительством самого султана Мехмеда II¹⁷⁰. Таким образом, нет сведений о какой-то серьезной военной турецкой угрозе или сосредоточении войск в этом регионе в период с осени 1479 до весны 1481 года. В венгерских источниках нет упоминаний о концентрации османской армии в 1480 году на молдавской границе, с целью последующей атаки на Литву. Если исходить из того, что было известно венграм, то информация, подаваемая Стефаном польскому королю и ливонцам, представляется сомнительной.

В молдавских документах имеется письмо Стефана Великого в столицу Трансильвании город Брашов от 9 июля 1480 года с предупреждением о том, что турки собирают войско, и может быть нападение или на Молдавию или на Трансильванию. Воевода просит незамедлительно передать эту информацию Стефану (Иштвану) Баторию, трансильванскому старосте, а также просит помощи в случае османской атаки¹⁷¹. То есть, нет никаких сведений о походе на Литву, о сосредоточении большого военного контингента, просто просьба о помощи, на случай «если вдруг». Далее за остаток 1480 и начало 1481 года нет иных упоминаний о готовящемся турецком нападении. То есть, то, что было преподнесено польскому королю, в Трансильванию, регион непосредственно оказавшийся под ударом в случае атаки турок, не сообщалось.

Если проанализировать внешнеполитические действия Порты с 1479 по 1481 год и возможное нападение в этом регионе, то становится очевидным, что молдавско-венгерско-литовское направление не являлось в тот период для нее приоритетным. С 1479 года турки начинают продвижение в Средиземноморье.

¹⁶⁹ Ibid. S. 32–33. Doc. №30.

¹⁷⁰ Acta et epistolae relationum Transylvaniae Hungariae cum Moldavia et Valachia. Collegit et edidit Dr Andreas Veress. V. I. 1468–1540. Kolozsvár, 1914. S. 36. №33.

¹⁷¹ Documentele lui Ștefan cel Mare. Publicate de I. Bogdan. V. II. București, 1913. S. 356–357. №158.

В 1479 году был подписан мирный договор с Венецией¹⁷², и далее началось наступление и осада стратегически важного острова Родос (май 1480 – август 1480). В июле 1480 года Европу потрясло масштабное османское вторжение в Италию, результатом которого явилось падение крепости Отранто в августе, и многочисленные грабительские набеги на другие города побережья, которые продолжались вплоть до самой смерти султана Мехмеда II 3 мая 1481 года. И несмотря на то, что значительные турецкие силы покинули Италию еще зимой 1481 года, паника на Апеннингах улеглась, только когда в Стамбуле началась борьба между наследниками за султанский престол. Известно также и то, что Мехмед II умер во время подготовки к масштабному Восточному походу турецких войск на Египет. Таким образом, если в середине 70-х годов XV столетия для Порты было важно продвижение в Причерноморском регионе и Молдавии, то уже в конце 70-х годов данное направление и планы активных военных операций здесь отошли на второй план. Отчасти с подобным поворотом внешнеполитических устремлений султана можно увязать и те османо-молдавские переговоры (1479–1481), которые упоминались ранее.

Можно ли представить, что вторгшись в Италию, и ведя подготовку на египетском направлении, Мехмед II планировал также поход на Польшу и Литву? Несмотря на всю неординарность личности султана, подобное неразумное распыление военных сил представляется маловероятным. Опираясь на послания Стефана Молдавского в Польшу, Ливонию и Трансильванию с предостережениями относительно вероятного вторжения турок на этом участке, наиболее правдоподобными представляются две версии: первая, турецкие войска могли создавать впечатление активности на молдавской границе для того, чтобы держать в напряжении правителей Молдавии, Венгрии и Польши, блокировав таким образом их возможную военную помощь осажденным османами итальянским территориям. Вторая версия: молдавский воевода мог нарочно ввести в заблуждение Казимира IV готовящимся турецким вторжением в Литву, дабы воспрепятствовать польской армии присоединиться к войску

¹⁷² Константинопольский договор от 25 января 1479 года.

Ахмата, выступившему на Русь. Косвенно это предположение подтверждается тем, что упоминание о просьбе турецкого султана к Стефану беспрепятственного прохода османских войск в Литву содержится только в литовских и ливонских документах. Нет никаких сведений об этом ни в собственно молдавской переписке, ни в сношениях Молдавии с Венгрией и Трансильванией, хотя информация о подобном планируемом вторжении в Литву была бы актуальной и для других стран региона.

Так или иначе, османская опасность вне зависимости от того, была ли она мнимой или действительной, являлась ли стратегическим отвлекающим планом Порты или плодом молдавско-московских переговоров, предостерегла польского короля Казимира Ягеллона от поспешного привлечения своей армии для борьбы с Иваном III осенью 1480 года.

3. Заговор литовских князей

Как уже было сказано ранее, польский король Казимир IV с 1479 года пребывал на территории Литвы. Завершив противостояния с Матвеем Корвиным, Ягеллон вел подготовку к совместному выступлению с ханом Ахматом против Ивана III. Надо было провести как дипломатическую подготовку, так и мобилизацию всех внутренних ресурсов Литвы для масштабного военного похода на восток. Польский монарх столкнулся с неожиданными проблемами, исходящими от литовского боярства. Пока король был занят польскими и европейскими делами, внутри Литвы сформировалась серьезная оппозиция.

Представители литовской знати под предводительством двух самых могущественных семейств Гольшанских и Олельковичей подготовили в 1480–1481 году заговор против польского короля¹⁷³. Их целью было убийство Казимира IV и последующее присоединение литовских земель к владениям

¹⁷³ Krupska A. W sprawie tzw. spisku książąt litewskich w 1480–1481 roku. Przyczynek do dziejów o «dominium Russiae». // Roczniki Historyczne, t. 48, 1982. Warszawa — Poznań. S. 121–146.

Великого князя Московского. Во главе заговора стояли Михаил Олелькович¹⁷⁴, Федор Иванович Бельский¹⁷⁵ и Иван Юрьевич Гольшанский¹⁷⁶. Покушение предполагалось совершить во время свадьбы Федора Бельского и Анны Семеновны Кобринской в 1481 году¹⁷⁷. Но заговор провалился, список князей-изменников оказался в руках короля. Князя Олелькович и Гольшанский были казнены 30 августа 1481 года. Единственным, кто смог спастись, был Федор Бельский, оставивший жену и бежавший в Москву сразу после свадьбы.

Учитывая тот факт, что князья-мятежники предполагали последующую инкорпорацию литовских земель в княжество Московское, можно предположить участие в этих планах Ивана III. Когда именно родилась идея покушения и кто был вдохновителем, сложно сказать, так как источники не дают информации. Лишь одно свидетельство позволяет проследить вероятную связь мятежных князей с Великим князем Московским. В материалах посольства¹⁷⁸ 1480 года из Москвы к Стефану Молдавскому фигурируют следующие посредники сватовства — Феодора Олельковна и Михаил Олелькович. По планам литовских заговорщиков именно Михаил Олелькович был тем, кто должен был взять на себя управление Литвой после убийства Казимира IV и до присоединения литовских территорий к Москве. Кроме этого, уцелевший Иван Бельский бежал именно в Москву. Позднее Иван III не раз хлопотал перед польским королем, чтобы жене Бельского позволили выехать за пределы Литвы (безрезультатно). Доказать причастность Ивана III к этому заговору невозможно, но руководствуясь принципом «сui bono», под подозрения

¹⁷⁴ Происходил из знатного рода. Сын киевского князя Олелько Владимировича и Анастасии Васильевны Московской. Приходился двоюродным племянником Казимира IV и двоюродным братом Ивана III. Исповедовал православие. В 1470 году был отправлен Казимиром IV в Новгород для организации отпора Москве в случае угрозы. В 1471 году самовольно уехал в Киев на место, освободившееся после умершего старшего брата Семена. Однако Казимир отдал Киев Михаилу Гаштольду. (Пазднякоу В. Аеллькавічы // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т.1, Мн., 2005. С. 217–218.)

¹⁷⁵ Сын Ивана Васильевича Бельского. Исповедовал православие. Владел городом Белым, расположенным около Смоленска (Там же. С. 311.)

¹⁷⁶ Был старшим сыном Юрия Семеновича Гольшанского. Троюродный брат Казимира IV. Князь Гольшанский и Дубровицкий.

¹⁷⁷ Józef Wolff, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku*, Warszawa 1895. S. 6. (Bielski)

¹⁷⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 16–25. Док. №5.

попадает именно он. И хотя заговор не увенчался успехом, расследование и разбирательство над участниками отвлекли Казимира IV от военного похода.

* * *

К 1480 году сложилась и отчасти начала функционировать коалиция, целью которой было ослабление позиций Польско-Литовского государства. Так как Казимир Ягеллон долгое время явно пренебрегал московским направлением внешней политики, польская сторона не препятствовала переговорам между Москвой, Крымом и Молдавией, ставившими своей целью создание антипольского союза. Кроме того, польско-литовской канцелярией были неправильно оценены приоритеты дипломатии Менгли Гирея и степень его зависимости от Османской империи. Распространение в регионе влияния турок в принципе не рассматривалось Казимиром IV в контексте угрозы польским интересам.

Союз Польши и хана Ахмата показал свою несостоятельность, во время ключевого для Большой Орды похода на Русь в 1480 году. Военное противостояние с Москвой оказалось невозможным для степняков без поддержки со стороны Литвы. Причины, побудившие польского короля Казимира IV оставить воинство Ахмата без помощи, необходимо рассматривать комплексно. В первую очередь, они были вызваны просчетами в оценке международной обстановки, а также недостаточным вниманием к положению дел в самой Литве. Из реально существующих препятствий можно выделить: наступление крымских татар на территорию литовской Волыни и Подолья, угрозу готовящегося османского нападения на Польшу, а также заговор высшей литовской знати против Казимира IV. Анализ данных факторов дает возможность утверждать, что предпосылки для их возникновения были отчасти созданы умелыми действиями московского посольского приказа. Формально неучастие польской армии в походе 1480 года не причинило Польше и Литве никакого ущерба, но тот факт, что последняя попытка оставить Русь в зоне своего подчинения, предпринятая Большой Ордой, была провалена, не предвещало ничего хорошего для Казимира IV. Окончательно освободившись от

татарской угрозы и заручившись союзом с Крымом и Молдавией, Иван III обрел необходимую свободу для продолжения объединения государства.

Глава 3. Казимир IV в 1480–1492 гг. Начало открытого противостояния с Москвой

Поход хана Большой Орды Ахмата потерпел поражение. Но что значило это событие для современников? Москва по-прежнему была далека от того положения, чтобы на равных соперничать с Польшей и Большой Ордой. Смерть хана Ахмата на обратном пути из похода пошатнула внутреннюю стабильность в Орде, но слабеющая держава все еще была в силах нанести Руси ощутимый удар, поэтому даже после удачного «стояния на реке Угре» Иван III не ослабил дипломатической деятельности. Москва в период с 1480 по 1492 год продолжает и укрепляет союзнические отношения с крымскими татарами и Молдавией. Одновременно с этим Иван III старается привлечь к антиягеллоновскому союзу новых сторонников.

Если говорить о дипломатии Польши, то после 1480 года мы не можем наблюдать какого-либо резкого изменения в политике по отношению к Руси. Исходя из источников, складывается ощущение, что польский король и его канцелярия не считали последствия неудачного похода на Русь хана Ахмата фатальными для своей внешней политики. По-прежнему приоритетным направлением для Казимира IV оставался Запад, отношения с Москвой занимались «по остаточному» принципу.

Событие, которое в действительности оказало значительное влияние на внешнеполитический курс, проводимый канцелярией Казимира Ягеллона, произошло в 1484 году. Два важнейших Причерноморских города, через которые проходила львиная доля торговли Польши — Килия и Аккерман — были захвачены османскими войсками. Несмотря на то, что эти города не принадлежали польской короне, а являлись территорией молдавского государства, тем не менее турецкая атака напрямую затронула важнейшие торгово-финансовые интересы Польского королевства, и воспринималась в Кракове как агрессия против Польши. До этого все антиосманские призывы, исходящие от папского двора, не воспринимались в Кракове серьезно. Это было хорошей возможностью поторговаться с Папой о поддержке в борьбе Ягеллонов

против Матьяша Корвина. Однако после захвата османами важнейших молдавских портов, турецкая агрессия предстала перед Польшей со всей очевидностью.

В рамках развития дипломатических отношений между Польшей и ее восточными соседями, к коим можно причислить Русь, Молдавию, Крымское ханство, Большую Орду и отчасти Османскую империю, в период с 1480 по 1492 гг. мы выделяем два периода, границей между которыми явилось подчинение Портой Причерноморских портов Килии и Аккермана, то есть 1484 год.

1. Деятельность антиягеллоновской коалиции в период с 1480 по 1484 год

Иван III не был ослеплен удачным исходом событий 1480 года. Скорее наоборот, выступление Большой Орды, как отмечают многие летописные источники, не на шутку испугало Великого князя Московского¹⁷⁹. Иван III продолжил курс на укрепление внешнеполитического положения страны, чтобы поднять авторитет и обороноспособность государства за счет новых и старых союзников.

Отношения Москвы и Молдавии продолжали развиваться в позитивном ключе. Для скрепления политического союза, как это нередко было в период Средневековья, прибегли к заключению династического брака. Итогом сватовства, длившегося с 1480 года, стала, как уже упоминалось, свадьба Елены, дочери молдавского воеводы, и Ивана Молодого, на тот момент наследника московского престола. В декабре 1482 года невеста прибыла ко двору Великого князя, а зимой следующего 1483 года состоялось бракосочетание.

В нашем распоряжении нет сведений, что результатом этого брака явилось какое-либо письменное соглашение о молдавско-русском альянсе.

¹⁷⁹ Иван III был изрядно напуган и обескуражен нашествием ордынского хана Ахмата. 2-ая Софийская летопись подробно описывает смятение московского князя, ропот народа по этому поводу, а так же воззвание на борьбу с татарами к Ивану III, духовника князя, Вассиана. — ПСРЛ. Т. VI. С. 223, 230.

Однако «династическая дипломатия» повсеместно практиковалась в тот период как действенный инструмент международных отношений.

Стефан Великий, возможно, явился посредником между Русью и другим европейским государством. Тогда происходит качественный прорыв в отношениях Москвы с Венгрией. До 80-х годов XV столетия мы не находим ни в русских, ни в молдавских, ни в венгерских документах никакого намека на взаимную заинтересованность между Москвой и Будой. Великое княжество Московское, долгое время находившееся в зависимости от Большой Орды, было на периферии международных отношений. Русь являлась для многих западноевропейских стран совершенно неведомым краем. Выход же из-под татарской власти, активная внутренняя и внешняя политика московского князя Ивана III привлекли внимание соседних правителей. Не последним фактором для сближения обоих государей было противостояние притязаниям Ягеллонов.

В 1482 году¹⁸⁰ в Москву прибывает посольство от короля Матьяша Корвина с предложением дружбы и союза. По свидетельству источников, Иван III без промедления приказал составить договорную грамоту¹⁸¹. Летом того же 1482 года Федор Курицын был отправлен к венгерскому двору с поручением «привести короля к присяге» по договорной грамоте, составленной в Москве, а также взять на этот договор «подтвержденную грамоту»¹⁸².

Прямых документальных доказательств причастности к этому Стефана Молдавского нет. Однако русский посол к Корвину имел при себе поручение и к

¹⁸⁰ Возможно, в 1481 году. Так как в издании: Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания) — на странице 156 указано, что в 1485 году было посольство от венгерского короля в Москву. Автор ссылается на книгу царского статейного списка №1, листы 172–184. Под следующим же 1486 годом, говорится об отправке из Москвы дьяка Федора Курицына. Если учесть, что датировка явно ошибочна, что известно по другим источникам, но следуя Бантыш-Каменскому, что венгерский посол приехал за год до отправки Курицына, то можно предположить, что венгры приехали к Ивану III в 1481 году.

¹⁸¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). С. 156. Автор отмечает, что «ни оригинальной, ни списка сей грамоты не видно в архивных бумагах».

¹⁸² Там же; Полное собрание русских летописей. СПб, 1913. Т. XVIII. Семеновская летопись. С. 269–270.

молдавскому воеводе¹⁸³. Это дает возможность предполагать, что русско-венгерский союз состоялся не без ведома Стефана Великого.

Миссия в Венгрию неожиданно оказалась под угрозой срыва из-за турецкой военной агрессии. Курицын, успешно выполнивший свое посольство при дворе венгерского короля, на обратном пути оказался в Аккермане, который в это время был захвачен османами. В июне 1484 года весть о пленении русского посла еще не достигла Москвы. В своем письме, отправленном к русскому представителю в Крыму Василию Ноздреватому, Иван III пишет, что посольская делегация (точнее Федор Курицын, а также посол от венгерского короля Матьяша Корвина и от Стефана Молдавского) на обратном пути будет проходить через Крым, и наказывал чтобы их не задерживали, а сразу пропустили в Москву¹⁸⁴. Московский князь дает поручение Ноздреватому, что в случае если венгерский посол, будучи в Крыму, не захочет идти в Москву, чтобы русский представитель в Крыму всячески уговаривал венгра идти к Ивану, а также просил Менгли Гирея не отпускать назад в Венгрию посланца Матьяша Корвина¹⁸⁵. Такое особое внимание к этой миссии со стороны Ивана III говорит о том, что данное дело имело большую важность для внешней политики Московского государства.

Позднее станет известно, что послы попали в плен к туркам. Попытка установления дипломатических отношений между Москвой и Венгрией оказалась под угрозой. Тем не менее, при посредничестве крымского хана Менгли Гирея, русский посол все же добрался до родины. С марта по сентябрь 1486 года проходило посольство боярина Семена Борисовича от Ивана III, в котором московский государь благодарит Менгли Гирея за помощь в освобождении Федора Курицына, а также просит скорее отправить его в Москву¹⁸⁶. Подобная «помощь» в налаживании дипломатических контактов со

¹⁸³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 41. Док. №11.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 45–52. Док. №13.

стороны крымского хана говорит о вовлеченности и эффективной деятельности союзников в деле укрепления прежде всего антиягеллоновской коалиции. Поскольку послы находились в руках турецкого султана, то их удачное освобождение свидетельствует о заинтересованности Порты в складывании международного союза, направленного против Польско-Литовского государства. Известно множество примеров, когда по просьбе Москвы татары «отлавливали» литовских послов. В данном же случае Менгли Гирей хлопотал о благоприятном завершении посольства Курицина. Татары и турки были осведомлены, что венгеро-московские переговоры носят антипольский характер. Если бы было подозрение, что враг турок, Матьяш Корвин, пытается привлечь к своей антиосманской деятельности Ивана III, то Курицын никогда бы не достиг Москвы.

Пока Курицын был в плену дела русско-венгерского союза не стояли на месте. Обеспокоенный отсутствием вестей о дошедшем до Ивана III посольстве с подтверждающими грамотами, венгерский король Матьяш Корвин отправляет в Москву другого посла (Климента) для прояснения ситуации. Из Москвы в Венгрию с Климентом был направлен Федор Кузминский, чтобы заверить Корвина о заинтересованности Ивана III в союзе с Венгрией против польского короля. Во время возвращения Кузминского в Москву в сентябре 1487 года при дворе Корвина все еще не знали, вернулся ли Курицын из турецкого плена и привез ли с собой венгерские грамоты, подтверждающие союз Венгрии и Великого княжества Московского¹⁸⁷. В июле следующего 1488 года в Венгрию отправились два московских посланца Штибор и Василий Карамышев. В итоге вся детективная история с русско-венгерским союзом завершилась 9 апреля 1489 года, когда Штибор вернулся в Москву с грамотой от Корвина (от 16 декабря 1489 года), в которой венгерский король брал на себя обязательство быть в союзе против польского короля и давал слово не заключать с ним мира без согласия Ивана III¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). С. 156.

¹⁸⁸ Там же. С. 157.

Крестоносцы докладывали Казимиру IV о переговорах между Матьяшем Корвиным и Иваном III. Однако польский король ничего не предпринял. Фридерик Папе предположил, что Казимир IV считал, что Корвин слишком занят войной с Австрией, чтобы оказать действенную помощь Москве¹⁸⁹.

Если до 1480 года антипольский союз имел в своих рядах Великое княжество Московское, Крым и Молдавию, то с 1482 года началась работа по присоединению к этой коалиции Венгрии, союзный договор с которой был заключен в 1489 году.

Параллельно с развитием венгеро-русских и молдавско-русских связей, Иван III не ослаблял внимания к союзу с Менгли Гиреем. В переписке с крымским ханом Великий князь Московский сообщает ему о переговорах со Стефаном III и венгерским королем, просит содействовать в этом и обеспечить беспрепятственный проход послов. После смерти хана Большой Орды Ахмата Иван III информирует Менгли Гирея о посольстве в Москву от Казимира IV с предложением союза. При русском дворе не были уверены относительно истинных намерений польского короля, тем не менее все это сообщалось крымскому хану, как давнему и верному союзнику¹⁹⁰. Очевидно, что Иван III не собирался проводить внешнюю политику в тайне от давних союзников.

Осенью 1482 года состоялось сокрушительное и масштабное нападение крымских татар на земли Великого княжества Литовского, в ходе которого был разграблен Киев, пленен, а впоследствии и убит киевский воевода Иван Ходкевич. Множество городов Великого княжества Литовского были сожжены или разорены. По своим масштабам данная татарская экспедиция превосходила многие предшествующие походы татар на земли Ягеллонов.

Этот поход был на руку Ивану III, и бытует мнение, что именно Москва натравила татар на Киев. Источники по русско-татарским отношениям свидетельствуют, что прямая связь между русской дипломатией и действиями

¹⁸⁹ Papée F. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1904. Tom 1. Ostatnie dwunastolecie Kazimierza Jagiellończyka. S. 112

¹⁹⁰ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 25–32. Док. №6, 7.

Менгли Гирея в 1482 году не является очевидной. В своих посольских грамотах Иван III просил татар совершать набеги на земли подвластные Казимиру Ягеллону, не ослаблять союза и борьбы¹⁹¹. Но подобные просьбы звучали из Москвы и ранее, и далеко не всегда они имели настолько явный материализовавшийся ответ. В случае же с событиями 1482 года мы говорим не о «рядовом» татарском набеге с целью разграбления, в данном случае имеет место масштабное военное вторжение в земли ВКЛ, вероятной целью которого было существенное разорение и ослабление южных рубежей Польско-Литовского государства, чего крымчане и добились. Если взять во внимание последующее продвижение турок и захват ими Килии и Аккермана, то невольно встает вопрос, было ли это сделано по указанию из Москвы или из Стамбула?

Как мы уже отмечали ранее, крымский хан не обладал полным суверенитетом, когда дело касалось международных отношений. Без заинтересованности Порты набег 1482 года вряд ли имел подобный масштаб.

После кончины хана Ахмата в Большой Орде образовался определенный «вакуум власти». Его старшие сыновья — Муртаза, Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмед в основном были заняты вопросом удержания, а затем и дележа освободившегося трона. Главными источниками, освещающими отношения Менгли Гирея с сыновьями хана Ахмата в начале 1480-х годов, являются свидетельства крымско-турецкого историка XVIII столетия Сеид-Мухаммеда-Ризы¹⁹² и венецианского купца Иосафата Барбаро, находившегося в Крыму в 60е и 70е годы XV века. Сыновья Ахмата просили убежища у Менгли Гирея и находились при его дворе некоторое время¹⁹³. Об этом крымский хан сообщает Казимиру IV в январе 1481 года¹⁹⁴.

¹⁹¹ Там же. С. 25–34. Док. №6, 7, 8.

¹⁹² К.В. Базилевич по какой-то причине называет Сеид-Муххамеда-Ризу историком XVI века. См. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 209–211.

¹⁹³ Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. Киев—Бахчисарай, 2007. С. 61.

¹⁹⁴ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. S. 95. Doc. №33.2.

Сеид-Муххамед-Риза и Барбаро отмечают, что далее в начале 80-х годов XV века у Менгли Гирея разгорелся конфликт с Муртазой и Сеид-Ахмедом. Однако крымский хан благополучно отбил нападение «ахматовых детей», во многом благодаря помощи турецкого султана. Из-за неточности в хронологии, которую нам предоставляют источники, трудно сказать была ли эта османская помощь оказана до 1482 года, то есть до татарского похода на земли ВКЛ, или после.

В дипломатической переписке за 1480–1483 годы между Крымом и Москвой нет никаких сведений о вторжении «ахматовых детей» во владения Менгли Гирея. Единственное, что может говорить о политической нестабильности в Крыму в этот период — это инструкция для посла Юрия Ивановича Шестакова, чья миссия в Крым состоялась 15 марта 1482 года. В ней говорится, что «будет нынеча Менгли Гирей на царстве, и ты бы ехал до правые вести. А будет у вас весть полная, что царь переменился, и ты бы ся воротил ко мне»¹⁹⁵. Предыдущее русское посольство состоявшееся в конце апреля 1481 года не содержало никаких намеков, что на троне в Крыму может быть кто-то иной. В марте 1482 года у Ивана III появились сомнения, удержится ли Менгли Гирей у власти.

Оба источника, Барбаро и Сеид-Мухаммед-Риза подчеркивают, что в этот период было тесное крымско-османское военное и политическое сотрудничество, в рамках которого Порта защищала и оберегала не только принадлежащую ей крымскую Каффу, но и власть самого крымского хана. Турки отправили войска и флот для защиты Крыма.

С 1480 по 1483 год существовало определенное напряжение в Крымском ханстве из-за угрозы со стороны сыновей хана Ахмата, и тем не менее, в 1482 году Менгли Гирей решает оставить свои владения и отправляется с огромным войском разорять земли ВКЛ. Попробуем представить этот поход крымских татар на земли Ягеллонов через призму внешнеполитического курса Османской империи. Захват черноморских городов Килии и Аккермана был для

¹⁹⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 31. Док. №6, 7.

турок принципиальным вопросом, который они пытались разрешить, начиная с середины 1470-х годов. Очевидно, что поход 1484 года, в ходе которого османам удалось реализовать завоевательный план, готовился заранее. Тотальное разорение земель ВКЛ в 1482 году прекрасно укладывается в план подготовительных мероприятий турецкой атаки на черноморские порты. Войска крымских татар под предводительством Менгли Гирея участвовали в турецкой военной компании в Молдавии в 1484 году и помогали султану осуществить покорение Килии и Аккермана. Из-за скудости источников сложно восстановить всю последовательность подготовки похода. В 1483 году был заключен мирный договор с Венгрией сроком на 2 года. Этим договором османы воспользовались, ссылаясь, что Килия и Аккерман не были прописаны как города Молдавского княжества¹⁹⁶.

К 1484 году в регионе сложилась следующая ситуация: Москва укрепилась в своих прежних союзнических отношениях с Крымом и Молдавией. Иван III развил деятельность по поиску новых союзников против Польши, о чем свидетельствуют обмен посольствами с Венгрией. В 1482 году союзник Москвы Менгли Гирей совершает разорительный поход на Литву. В чьих бы интересах не действовал крымский хан, но выгоду от этого сполна получил Иван III. Иго было повержено, хан погиб, южные земли главного врага — Казимира Ягеллона подверглись опустошительному набегу.

2. Внешняя политика Казимира Ягеллона в 1480–1484 гг.

С конца 1479 года и в течении следующих 4 лет польский король Казимир IV находился на территории Литвы. Только в январе 1484 года, в связи с проведением коронного сейма в Люблине, Ягеллон приезжает в Польшу¹⁹⁷.

Пребывание Казимира IV в Великом княжестве Литовском было омрачено заговором литовских магнатов, раскрытого в 1481 году. После поражения и

¹⁹⁶ Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 34.

¹⁹⁷ Itinerarium Kasimierza IV// Papée F. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1904. Tom 1. Ostatnie dwunastolecie Kazimierza Jagiellończyka. S. 381–404.

гибели хана Ахмата польский король переключается на переговоры с крымскими татарами. В лице Менгли Гирея Казимир IV хотел найти замену почившему хану Большой Орды. Пока велись переговоры с крымчанами, Ягеллон решил выиграть время и усыпить бдительность Ивана III. В Москву были отправлены польские послы с предложением примирения, о чем московский князь в апреле 1481 года писал хану Менгли Гирею¹⁹⁸.

Что касается давнишнего союзника Польши — Большой Орды, то там царил хаос, налаживать дипломатические отношения было попросту не с кем. Лишь в 1484 году в Литовской Метрике появляются свидетельства о возобновлении контактов между Краковом и Большой Ордой, с наследниками хана Ахмата¹⁹⁹. Однако погрязнув в междоусобицах, Муртаза, Сеид-Ахмет и Шейх-Ахмет уже не помышляли о серьезных нападениях на земли Ивана III, хотя именно для этого Казимир IV «подкармливал» ордынку знать.

В отношении крымского ханства Казимир IV начал предпринимать шаги по обеспечению возможного союза. И если с Иваном III вся примирительная дипломатия выглядела как откровенный фарс, то на Менгли Гирея в Польше возлагали вполне реальные надежды. Крым в переговорах с Краковом придерживался той же тактике, что и турецкая дипломатия. Крымские татары обещали Казимиру IV дружбу и союз, выражая благожелательность²⁰⁰, но параллельно готовили масштабный набег, который совершили в 1482 году. Схожим образом вели себя турки, которые до взятия Килии и Аккермана не выражали никакой агрессии, усыпляя бдительность Казимира IV. Дипломатия, проводимая Стамбулом и Крымом, в отношении Польши развивалась в данной ситуации по одному шаблону.

В Европе в этот период еще не сложилось четкого понимания, что из себя представляют татары, как ордынские, так и крымские. В конце 70-х годов XV столетия Венеция выступала за использование ордынских татар в борьбе

¹⁹⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 25–32. Док. №6, 7.

¹⁹⁹ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. S. 98.

²⁰⁰ Ibidem. S. 91–93. Doc. №29.1–29.4; S. 94. Doc. №33.1.

против турок. Этот проект явно был очень далек от реальности. После взятия османами Крымского ханства, ордынцы полагали это оскорблением, так как издавна считали Крым частью своей территории, но силы противников были настолько несопоставимы (не в пользу татар), что об открытом турецко-ордынском противостоянии не могло быть и речи. Венецианский проект можно воспринимать либо как проявление некомпетентности венецианской дипломатии и разведки, которая считалась самой профессиональной, либо как умышленную хитрость венецианцев в отношении своих европейских союзников. В Польше не поддержали инициативу Республики Святого Марка, считая ее нереалистичной²⁰¹. Скорее всего, просто невыгодной для себя, так как Казимир IV планировал использовать Орду против Ивана III. В Кракове вообще были против больших антитурецких проектов, так как это сулило увеличение финансирования Матьяша Корвина, который считался в Европе оплотом защиты христианства от османской экспансии.

В начале 80-х годов XV столетия в Венецию прибывает польский посол Ян Франчишек Гаццолдо с новым планом привлечения татар против Порты, но на этот раз крымских²⁰². Польский проект декларировал идею создания антитурецкой коалиции, хотя цель Казимира IV была другой. Коронная канцелярия намеревалась использовать крымских татар в борьбе с турками и таким образом ослабить коалицию Крыма с Москвой. Замысел был интересный, но был совершенно нереалистичным. Удивительно, что в Кракове посчитали возможным развитие подобного сценария, несмотря на тесную переписку и взаимодействие с крымскими татарами. Дальше проектов, как и в предыдущем случае, когда речь шла о привлечении ордынских татар, дело не продвинулось. В Италии поначалу восприняли польский план с энтузиазмом (уж очень привлекательной показалась идея возвращения Каффы в руки Генуи), но, во-первых, Казимир IV сам не мог достичь верного союза с Менгли Гиреем,

²⁰¹ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Kraków, 1948. Seria II. T. 46. (71). №4. S. 30–59.

²⁰² Ibidem. S. 79.

а во-вторых, в 1484 году произошло событие, которое заставило польскую канцелярию ощутить реальную турецкую угрозу для своих интересов.

* * *

Период с 1480 по 1484 год в Москве и Кракове использовали по-разному. Иван III укрепил антипольский союз заключением династического брака с дочерью молдавского воеводы Стефана Великого, наладил связи, а впоследствии и подписал союзный договор с Венгрией, поддерживал сложившийся союз с Крымом. В отличие от него, в Польше не смогли создать адекватную антимосковскую коалицию. Были попытки наладить отношения с крымскими татарами. Переписка с наследниками хана Ахмата хоть и велась, но сама Орда настолько была слаба и разрозненна после 1480 года, что воспринимать ее как полноценного союзника в Кракове не могли. В Польше не уделяли достаточного внимания внешней политики на восточном и юго-восточном направлении, что в итоге привело к неприятным последствиям как для Казимира IV, так и для его наследников.

3. Внешнеполитические события с 1484 по 1492 год

Захват турками Килии и Аккермана

Килия и Аккерман — древнейшие города в Северном Причерноморье, основание которых относится ко временам античности. Оба города стоят на могучих реках — Килия на Дунае, Аккерман на Днестре, расстояние между городами составляет порядка 120 км. Обладая удачным для судовой торговли прибрежным положением, оба города представляют собой удобные «ворота» для продвижения в глубь материка. За обладание этими стратегическими торговыми пунктами издавна велась ожесточенная борьба, в основном между Молдавией, Венгрией и Польшей. В конце XIV столетия оба города формально принадлежали Молдавии. Но фактически Венгрия и Польша использовали эти порты на правах хозяев, попеременно осуществляя протекторат над Молдавией. Вся «львиная доля» южной торговли Польши и Великого княжества Литовского

проходила через Килию и Аккерман, поэтому оба города имели стратегическое значение для Ягеллонов.

Первый «разведывательный» поход турок на Килию и Аккерман был сделан в 1420 году при молдавском господаре Александре Добром²⁰³. Далее осуществились еще три попытки осман захватить города. В 1454 году, совершая морской поход на генуэзскую Каффу, турки направили корабли в сторону Аккермана, однако, эта попытка потерпела неудачу. Далее последовала еще одна морская экспедиция 1475 года, после взятия Каффы султан Мехмед II отдал приказ следовать к Аккерману, но и на этот раз город выстоял, и осада была снята. Ну, и наконец, последняя попытка турок была предпринята в 1476 году, на этот раз состоялась сухопутная атака, и она также оказалась провальной для Порты²⁰⁴. Нельзя сказать, что молдаване сидели все это время сложа руки. Турецкий натиск спровоцировал активное строительство и усовершенствование крепостных защитных сооружений, эта деятельность обрела особенно широкий масштаб при Стефане Великом²⁰⁵. Кроме того, молдавский воевода обращался с просьбой о помощи практически ко всем монархам, в том числе и к польскому королю Казимиру IV, в чьих интересах была защита Килии и Аккермана, но реальной помощи Стефан III не получил.

Результат оказался предсказуем, в 1484 году (июль, август) произошло падение Килии и Аккермана и переход городов в руки османов. Экспедиция готовилась тщательно, наравне с турками в военной операции участвовали крымские татары под предводительством Менгли Гирея.

В феврале – марте 1484 года на сейме в Люблине Казимира Ягеллона проинформировали, что турецкий султан Баязид II собирает значительные силы для полномасштабного военного похода летом²⁰⁶. Опасались, что основные силы турок могут быть направлены на Литву, поэтому начался сбор для

²⁰³ Красножон А.В. Крепость двух Стефанов: о заказчиках и времени основания белгородских укреплений // *Stratum plus*, №6, 2010. С. 97.

²⁰⁴ Там же. С. 98, 99.

²⁰⁵ Там же. С. 100.

²⁰⁶ Kolankowski L. *Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne*. Warszawa, 1936. S. 134.

обороны юго-восточных рубежей. Защиту стратегически важных для Польши черноморских портов оставили на Стефана Молдавского. Казимир IV откровенно пренебрег защитой экономических интересов государства, понадеявшись на «дружественные» отношения с Портой.

Событие, которое отвлекло Казимира IV от текущих дел, произошло 4 марта 1484 года в Гродно, где скоропостижно скончался старший сын польского короля, Казимир²⁰⁷. Этот юноша, не был единственным сыном Казимира IV, но воспринимался всем окружением как действительный и перспективный преемник. Смерть образованного, подающего надежды отпрыска явилась большим ударом для польского короля. После известия о смерти сына Казимир IV спешно вернулся в Литву и на время упустил из виду внешнеполитическую конъюнктуру. Туркам представился удобный момент для осуществления военной операции. Захват Килии и Аккермана был воспринят в Кракове как реальная катастрофа, и с этого момента польская внешняя политика переходит на открытые антитурецкие позиции.

К Киеву стягиваются вооруженные силы из Литвы и Коронных земель. В июне 1485 года выступает 20-тысячное войско под предводительством Казимира Ягеллона²⁰⁸. Армия направилась в Молдавию, чтобы отвоевать у турок Килию и Аккерман, но до цели польские войска не дошли. Результатом похода явилось приведение к новой присяге молдавского воеводы Стефана Великого (15 сентября 1485 года), на этом экспедиция закончилась. Казимир IV оценил соотношение сил и благоразумно посчитал, что собственных возможностей недостаточно, чтобы справиться с подготовленной турецко-татарской армией. Польский король решил привлечь к войне с Портой другие страны. Если до захвата Килии и Аккермана интерес Казимира IV был прикован к противостоянию с Матвеем Корвиным, то теперь Польша начнет неустанно «трудиться» над созданием союза против османов. Другой вопрос, были ли проекты Ягеллонов по общеевропейскому объединению против Порты

²⁰⁷ Позднее причислен к лику святых под именем Святой Казимир. Канонизационная булла Папы Льва X от 1521 года была утеряна, новая булла издана в 1602 году Папой Климентом VIII.

²⁰⁸ Ibidem. S. 136.

реалистичными, насколько серьезно эти старания воспринимали тогдашние европейские монархи, и являлось ли это актуальным для Европы конца XV столетия?

Казимир IV отправляет посольские делегации сразу в несколько стран, в том числе в Венецию. Ставка была сделана на то, чтобы пригрозить Турции возможным союзом Польши с Венецией и Империей²⁰⁹. Республика Святого Марка оказалась в этом не сильно заинтересована, в 1479 году венецианцы наконец-то заключили мирный договор с султаном. Так или иначе посольство, возглавляемое Каллимахом, состоялось в июне 1486 года. Император Фердинанд III и его наследник Максимилиан также направили своих представителей. Цель, однако, у Габсбургов была несколько иной, а именно найти союзников против Матьяша Корвина²¹⁰. Польша стремилась к антиосманскому соглашению, император «жаждал крови» Корвина, а венецианцы, видимо, не хотели упустить возможности разузнать, что замышляют европейские соседи. Как итог, этот дипломатический тройственный демарш не имел никаких результатов.

Но польская канцелярия не оставляла надежды на спасение, но вместо трезвого расчета она руководствовалась сомнительными идеями. Вновь появился план привлечения татар к борьбе против турок²¹¹. Причем совершенно неясно, каких именно татар решили агитировать — тех, которые разорили Киев в 1482 году и участвовали в захвате Килии и Аккермана — то есть крымских, или тех что были заняты бесконечной междоусобицей и доживали в агонии последние дни — то есть Орду?

Наряду с дипломатической деятельностью, в 1487 году Краков предпринял попытку самостоятельно выступить в поход против турок. Войско

²⁰⁹ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Kraków, 1948. Seria II. T. 46. (71) №4. S. 90.

²¹⁰ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (kodeks zagrzebski). Oproc. J. Garbacik. Wrocław —Warszawa—Kraków, 1966. S. 1–11. Doc. №1–3.; Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Kraków, 1948. Seria II. T. 46. (71) №4. S. 94.

²¹¹ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Kraków, 1948. Seria II. T. 46. (71) №4. S. 97.

должен был возглавить один из сыновей Казимира IV, Ян Ольбрахт. Османы использовали татар в борьбе против Ягеллонов. 8 сентября 1487 года молодой царевич нанес им сокрушительное поражение в битве при Копыстырине. Победа эта хоть и была блестящей (в Краков с помпой привезли 1500 татарских пленников!), но не имела существенного значения.

В это сложное для Казимира IV время активизировалась деятельность московского государя Ивана III. Велись переговоры с Матвеем Корвиным о антиягеллоновском союзе. Кроме этого Москва осуществила важный шаг по укреплению государства — захватила Тверь.

Тверь находилась в руках брата первой жены Ивана III, Михаила Борисовича Тверского, который также был родичем и Казимиру IV. Внутренняя политика Ивана III, который методично и неуклонно концентрировал всю власть в государстве, представляла угрозу для тверского князя. Возможно, Михаил Тверской видел в союзе с Ягеллоном гарантию сохранения независимости своего княжества. В 1483 году контакты тверского князя с Казимиром IV были особенно интенсивными, но Великий князь Московский предпочел дожидаться, когда польский король покинет Литву и переключится на борьбу за черноморские города²¹². 8 сентября 1485 года Иван III собрался в военный поход против Твери. Формальным предлогом послужили перехваченные письма Михаила Борисовича Тверского к Казимиру IV. Тверской князь спасся бегством и направился в Литву в надежде на помощь Ягеллона, но никакой ощутимой поддержки он не получил. Новым князем Тверским стал наследник московского престола, Иван Иванович Молодой, что до Михаила Борисовича, то он в свою вотчину больше не вернулся. Остаток жизни бывший тверской князь провел в Литве, получив от Казимира IV небольшой удел.

Это был очень плохой пример для остальных князей, которые собирались играть на противоречиях между Казимиром IV и Иваном III, пытаясь выгадать побольше благ. Ягеллон не в первый раз показывал, что может пренебречь защитой интересов своих союзников. Так было и со Стефаном Молдавским, и с

²¹² Papée F. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1904. Tom 1. Ostatnie dwunastolecie Kazimierza Jagiellończyka. S. 119–120.

ордынским ханом Ахматом, и теперь к списку прибавился Михаил Борисович Тверской. Не случайно совсем скоро из Литвы под руку Великого князя Московского начнется массовый исход знатных дворян Великого княжества Литовского. Количество перебежчиков достигнет такого масштаба, что Казимир IV в своих посольствах будет многократно упрекать в этом Москву²¹³. В действительности, повинен был сам польский король, который своим отношением к сторонникам дал понять, что на него нельзя положиться.

Но вернемся к тому, что предпринимал Казимир IV и Коронная канцелярия, чтобы вернуть Килию и Аккерман. Осознав, что несмотря на все усилия, в одиночку Польша не в состоянии тягаться с Портой, а европейские «союзники» не спешат на помощь Казимиру IV, было принято решение добиваться мирного соглашения с султаном. В 1487 году в Турцию с посольством отправляется Каллимах, не получив никаких внушительных результатов в том же году он возвращается обратно. Этот неудачный вояж итальянца существенно подорвал его авторитет как дипломата²¹⁴. Следующее польское посольство возглавил в 1489 году Николай Фирлей, чьими стараниями был заключен польско-турецкий мирный договор. Это соглашение явилось результатом не только умелых действий польского дипломата, Турция была заинтересована в мире с Польшей, так как в этот период переживала сложное противостояние на востоке²¹⁵.

²¹³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 39, 40. Док. №9. 1489, 22 декабря. Посольство от великого князя Ивана Васильевича во главе с Григорием Путятиным к королю Казимиру с извещением, что князь Дмитрий Федорович Воротынский отъехал из литовского в московское подданство, и Великий князь его принял.; С. 46–52. Док. №12. 1490, 29 июня; С. 80–85. Док. №19. 1493, 5 января. Посольство Великого князя Ивана Васильевича с Дмитрием Загряжским к великому князю Александру Казимировичу о принятии в свою службу князей Воротынского, Мезецкого, Вяземского и Бельских; С. 89–103. Док. №21. 1493, 29 июня – 8 июля. Посольство от великого князя Александра Казимировича с послами Андреем Олехновичем и Войтко Яновичем к великому князю Ивану Васильевичу: что литовский великий князь не выпускает из присяги князей, отъехавших в московское подданство.

²¹⁴ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. // Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II. T. 46. (71). №4. Kraków, 1948. S. 106.

²¹⁵ С 1485 по 1490 год Османская империя вела войну с Мамлюкским султанатом.

4. 1490: Борьба за венгерское наследство

В 1490 году в Риме созвали большой антитурецкий конгресс, он был приурочен к переезду из Франции в Священный город брата действующего султана Баязида II. Европейцы никак не могли определиться, как использовать шахзаде Джема в игре против Порты. На конгресс прибыл представитель и Казимира Ягеллона. Но сейчас Польша не надеялась найти союзников против османов, целью скорее было участие в общеевропейском мероприятии. Да, и сам Рим не собирался устраивать новый крестовый поход, а хотел всего лишь поторговаться с Турцией²¹⁶.

Этот год был ознаменован еще одним событием, которое всколыхнуло всю европейскую политику. 6 апреля 1490 года в Вене умирает венгерский король Матьяш Корвин. Этот оплот борьбы с османами, непоколебимый противник Ягеллонов и Габсбургов ушел в мир иной, не оставив законного наследника. Предстояла борьба за «венгерское наследство», и положение Ягеллонов в данном случае было лидирующим. Дело оставалось за малым, определиться, кто именно займет венгерский трон. Вернуть Килию и Аккерман без помощи Паннонии было практически невозможно, в тоже время венгры с энтузиазмом смотрели на то, чтобы использовать ресурсы Польши и Литвы в борьбе против турок. Кандидатом от Кракова выступил королевич Ян Ольбрахт. Его персону поддержали многие представители венгерской знати, правда его старший брат, чешский король Владислав II, не разделял эти чаяния польской канцелярии, и сам вознамерился захватить корону Святого Иштвана. Венгры по отношению к Ягеллонам разделились на два лагеря — одни, выбрали королем Владислава, другие — Яна Ольбрахта. Предстояла в прямом смысле слова братоубийственная борьба. В распоряжении чешского короля находились все ресурсы процветающей Богемии, что до другого отпрыска Казимира IV, то ему приходилось рассчитывать на милость отца и польско-литовской знати.

В данных условиях на «сцене» польской дипломатии вновь появляется Филипп Буонаккорси, Каллимах – некогда учитель и наставник Яна Ольбрахта.

²¹⁶ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II. T. 46. (71). №4. Kraków, 1948. S. 111.

Итальянец развернул кипучую деятельность, не покидал своего подопечного ни во время военных приготовлений похода в Венгрию, ни в самой экспедиции. Так как с турками в 1489 году был заключен мирный договор, то с этой стороны атаки можно было не опасаться. Но царевичу отчаянно требовались деньги и военная помощь. В апреле 1490 года Каллимах пишет письмо Софье Палеолог, где сообщает ей о молдавских и турецких военных приготовлениях, выражает дружескую приязнь, а также представляет Ягеллонов как ее верных союзников²¹⁷. Если учесть, что между Московским и Польско-Литовским государствами с 1486 года шла вялотекущая «пограничная война», то эта неожиданная депеша от придворного дипломата Казимира IV к супруге Ивана III выглядит как попытка замирить восточного соседа в условиях предстоящей борьбы за Венгрию. Как показывает дальнейшая дипломатическая переписка между двумя государствами, письмо Каллимаха не возымело никакого действия, все конфликты и претензии остались на месте²¹⁸. Великий князь Московский продолжает неустанно просить крымского хана Менгли Гирея идти с набегами на королевские земли²¹⁹.

Также в нашем распоряжении имеется несколько черновиков писем Каллимаха к Стефану Молдавскому и инструкции для польских послов. В них итальянец посвящает молдавского воеводу в планы Яна Ольбрахта совершить военный поход в Венгрию за короной, обещает союз и защиту, и, конечно же, просит военную помощь и деньги²²⁰. Нет никаких свидетельств, что эти старания придворного итальянца материализовались в реальную помощь со стороны Молдавии. Как и раньше, «спонсором» притязаний Яна Ольбрахта оставался в основном его отец.

²¹⁷ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (kodeks zagrzebski). Oproc. J. Garbacik. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966. S. 11. Doc. №4.

²¹⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 41–52. Док. № 11–13.

²¹⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 87–89. Док. №24; С. 98–104. Док. №27.

²²⁰ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (kodeks zagrzebski). Oproc. J. Garbacik. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966. S. 12–15. Doc. №5–7.

Царевичем было собрано войско, которое незамедлительно выдвигается к венгерской границе. 7 июня 1490 года Яна Ольбрахта выбирают венгерский королем. Это не решило проблему, так как на венгерский трон было несколько претендентов: Максимилиан Габсбург (опирался в своих притязаниях на соглашение между Матьяшем Корвиным и Фридрихом III Габсбургом), Янош Корвин (незаконнорожденный сын Матьяша Корвина) и два брата Ягеллона (по материнской линии являлись родственниками венгерского короля Ласло V). В сложившейся ситуации венгерские магнаты пытались выбрать себе наиболее «удобного» монарха, который не слишком ограничивал бы привилегии местного дворянства. Максимилиан Габсбург не соответствовал данным критериям, он являлся сторонником сильной централизованной власти, кроме того венгры не горели желанием оплачивать из своего кармана бесконечные военные авантюры Габсбургов и конфликты с Францией. Янош Корвин был 17-летним юнцом, и хотя Матьяш пытался закрепить власть за своим побочным отпрыском, все же сделать это должным образом он не успел. Корвина очень быстро вынудили оставить все претензии на отцовский трон.

Между Яном Ольбрахтом и Владиславом II завязалась борьба. Крупные венгерские магнаты в том числе Заполяи и Иштван Батори 15 июля выбрали королем Владислава²²¹. В сущности это предрешило исход дела. Кроме того, все военные столкновения Ян Ольбрахт проиграл, не получив никакой помощи из Польши. Поддержка Кракова прекратилась в тот момент, когда на венгерском горизонте возник Максимилиан Габсбург, и для Казимира IV вопрос стал ребром — либо Габсбурги, либо Ягеллоны²²². Польский король решил сделать ставку на того своего сына, который хоть и не был склонен всесторонне помогать своему отцу, но, во-первых, смог заручиться поддержкой венгерского дворянства, во-вторых, в глазах Казимира IV был явно лучшим вариантом на венгерском троне, чем Габсбург, и в-третьих, не требовал от него никаких денежных и военных вливаний. Таким образом, борьба прекратилась, и

²²¹ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II. T. 46. (71). №4. Kraków, 1948. S. 119.

²²² Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Warszawa, 1936. S. 142, 144.

венгерская корона в конце 1490 года была утверждена за королем Чешским Владиславом II, вошедшим в венгерскую историю как Уласло II.

5. Московский вопрос в 1484–1492 гг.

Весь период с 1484 по 1492 год Казимир IV был поглощен вопросом обороны южных рубежей Польши и возвращения черноморских портов. Великое княжество Московское осталось предоставлено само себе, что позволило Ивану III не только укрепить позиции внутри государства, но и продолжить внешнеполитический курс, направленный на укрепление антиягеллоновского союза.

Если говорить о русско-польских отношениях этого периода, то перед нами предстает картина бесконечных приграничных стычек и взаимных претензий²²³. «Пограничные войны» 1486–1492 гг., помимо взаимных грабежей, заключались в основном в том, что Ивану III удалось привлечь на свою сторону несколько крупных литовских магнатов. Князья Воротынские, Мезецкие, Вяземские и Бельские перешли на службу московского государя²²⁴. Вместе с новыми подданными появились и юридические права требовать перехода их владений «под руку» Ивана III. В военном плане Польша ограничивалась посильной организацией защиты приграничных территорий. Ни о каком крупном походе на Москву в данных обстоятельствах речи быть не могло. Попросту не находилось сил, так как все средства оказались брошены на борьбу с турками и татарами.

На дипломатическом поприще Казимир IV всегда использовал против Москвы Большую Орду, но после смерти хана Ахмата, этот вариант представлялся крайне проблематичным. Польская канцелярия продолжала «подкармливать» ахматовых детей²²⁵, но в целом, в этом умирающем государстве царил хаос и неразбериха.

²²³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 1–60. Док. №1–15.

²²⁴ Там же. С. 80–85. Док. №19.

²²⁵ Lietuvos Metrika Knyga №4 (1479–1491). Vilnius, 2004. S. 143, 144. Doc. №133–135.

Союз Ивана III и крымского хана Менгли Гирея уже не был секретом для Кракова, однако, в условиях полного отсутствия альтернатив Польша неоднократно пыталась перетянуть на свою сторону крымчан²²⁶. Менгли Гирей в этой ситуации придерживался своей излюбленной дипломатической линии, он всячески выражал в переписке свою благосклонность Казимиру IV, и тем не менее участвовал в военных акциях, направленных против Польши и ВКЛ.

Одной из важнейших задач, которые стояли перед самим Крымом, было завершение противостояния с Большой Ордой, начавшееся в 1486 году²²⁷. Для этих целей Менгли Гирей не только прилагал всяческие усилия внутри государства, но и прибегал к помощи Турции²²⁸ и Ивана III. Великий князь Московский был заинтересован в падении наследников хана Ахмата и предоставлял в распоряжение крымчан татарских царевичей, находившихся на московской службе и поселенных на русской территории. Несмотря на то, что северные рубежи Крыма многократно страдали от набегов недругов, общие усилия дали положительный результат. В 1491 году, вторгшиеся в Крым Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмед отступили перед объединенной русско-татарской ратью, прикрываемой с моря многотысячным турецким флотом. Наследники хана Ахмата более не осмеливались на активные военные демарши против Менгли Гирея.

Таким образом, Казимир IV потерял своего последнего союзника в борьбе с Москвой. Сложная международная обстановка не позволила польскому монарху уделить должное внимание укреплению своего восточного соседа, им не были предприняты шаги по привлечению новых союзников к борьбе с Иваном III. Московский государь, напротив, активно развивал уже существующий антигеллонский союз с Крымом и Молдавией и привлек новых сторонников — в 1489 году Венгрию и чуть позднее Габсбургов.

²²⁶ Ibid. S. 140, 141. Doc. №131, 132.

²²⁷ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 217–218.

²²⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 118–120. Док. №31.

В конце XV – начале XVI века между двумя династиями Ягеллонов и Габсбургов развернулось серьезное соперничество в Центральной Европе. Здесь смешалось и противостояние в Венгрии и Чехии, и давнишний конфликт Польши с Тевтонским орденом. Эффективная внутренняя и внешняя политика Ивана III привлекла к нему интерес со стороны немецкой династии.

30 января 1489 года в Москву прибыл посол от императора Фридриха III Габсбурга с заверением дружбы и просьбой выдать за своих племянников дочерей русского государя, также поступило предложение от императора предоставить Ивану III титул «короля московского»²²⁹. От таких щедрых предложений Великий князь Московский решил отказаться, предложил свою дочь за Максимилиана Габсбурга, и ответил, что в титуле «короля» не нуждается, так как издавна правит своей вотчиной²³⁰. Это было первое посольство между Русью и Империей, целью которого являлось установление дипломатических контактов. Летом следующего года в Москву прибыл посланник Максимилиана. Речь шла о возможном сватовстве, но так как русская сторона выдвинула требование, чтобы дочь Ивана III обязательно сохранила в замужестве православную веру, переговоры были заморожены²³¹. Когда немецкому послу настало время возвращаться на родину, с ним отправилась большая русская делегация, целью которой было убедить Максимилиана Габсбурга заключить с Иваном III союзный договор против Ягеллонов²³². В этом вопросе долго сговариваться не пришлось: 23 июня 1490 года в Нюрнберге Максимилиан вручил русским послам договорную грамоту о антиягеллоновском союзе²³³. То что два государя, практически не имевшие

²²⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 1. Посольство от 30 января 1489 года Николая Поплева.

²³⁰ Там же. С. 1. Посольство от 22 марта 1489 года Юрия Траханиота.

²³¹ Там же. С. 2. Посольство от 16 июля 1490 года Юрия де-Латура.

²³² Там же. С. 2. Посольство от 19 августа 1490 года Юрия Траханиота и Василия Кулешина.

²³³ Там же. С. 3.

ранее никаких контактов между собой, так быстро пришли к соглашению, говорит об общей заинтересованности и отсутствии взаимных претензий.

* * *

В период 1480–1492 гг. Иван III проявил большую дальновидность. Москва обзавелась новыми союзниками, поддержала старых, кроме того был продолжен внутривосточный курс на объединение государства. Что касается Казимира IV, то его династии удалось добиться еще одного европейского трона, а именно венгерской короны, но в целом внешняя политика в этот период оказалась неудачной. Были потеряны причерноморские порты, Польша ввергнута в конфликт с Турцией, бесконечные татарские набеги опустошали южные рубежи государства, не нашлось союзников в борьбе с укрепляющейся Москвой. Все это привело к тому, что наследникам Казимира Ягеллона пришлось иметь дело сразу с несколькими противниками, и противостояние с Москвой больше не было периферийным эпизодом во внешней политике Польши и Великого княжества Литовского.

Глава 4. Братья Ягеллоны после смерти Казимира IV. Выработка совместной политики на международной арене

1. Общая характеристика времени

Рубеж XV и XVI вв. — сложный период в жизни Европы. В середине столетия турки взяли Константинополь и начали наращивать свою военно-политическую мощь; в Европе шло франко-габсбургское противостояние; Италия разграблена и ввергнута в хаос войны; Чехия еще совсем недавно была ареной кровопролитного конфликта, катализатором которого явилась деятельность Яна Гуса. В это наполненное роковыми событиями время постепенно выкристаллизовывались основные принципы нового мира. Неотъемлемой частью политического пространства становятся регионы, которые еще совсем недавно были неизвестны европейцам, к коих числу принадлежит и Россия.

Своеобразным «пограничьем» между западной и восточной цивилизациями являлись страны, которые находились под властью Ягеллонов. Эта молодая, но уже довольно сильная польско-литовская династия приобрела к концу XV столетия значительное влияние на международной арене. С братьями-Ягеллонами были вынуждены считаться и Максимилиан Габсбург, и французский король, и папа римский. Перед правителями Польши, Великого княжества Литовского, Чехии и Венгрии стояли сложные задачи. В первую очередь, это противодействие туркам, которые находились непосредственно у границ Венгерского королевства. Было необходимо постоянно следить за изменением внутривосточного климата в землях короны святого Стефана, так как местные магнаты заботились исключительно о сохранении и приумножении своей личной власти, и никак не о благополучии Владислава Ягеллона. Проблема Польши и Тевтонского ордена многие столетия была головной болью всех правителей польского государства. Татары и козни Великого князя Московского приносили огромный ущерб благосостоянию в Великом княжестве Литовском. Помимо всех этих бед прибавились проблемы с представителями рода Габсбургов. Прямое столкновение интересов двух

династий произошло в Венгрии после смерти Матияша Корвина в 1490 году, и с этих пор начинается непрерывная череда взаимных интриг и заговоров. Император Максимилиан I всеми силами пытался подорвать могущество Ягеллонов, желая захватить Венгрию.

Предметом исследования в данной главе являются те процессы, которые происходили в Центральной Европе в девяностые годы XV века. Центром международной политической жизни в этом регионе являлись Ягеллоны. В это время происходит концентрация тронов центральноевропейских государств в руках польско-литовского рода, начинается выработка их совместной политики, направленной на укрепление позиций своей династии в Европе и ослабление Габсбургов. В конце XV столетия были заложены те основы, которыми Ягеллоны будут руководствоваться в своей внешней политике как в западноевропейском направлении, так и в восточном, куда можно отнести отношения с Москвой. Отчасти последствия этой совместной династической дипломатии прослеживаются вплоть до 1526 года, времени, когда в руках династии осталось только Польско-Литовское государство, а Венгрия и Чехия были для Ягеллонов навсегда потеряны.

2. Объединение Ягеллонов. Совместная работа

7 июня 1492 года в Гродно умер польский король и Великий князь Литовский Казимир IV Ягеллон. Этот энергичный правитель оставил после себя большое потомство, что отчасти заложило дальнейшее могущество его династии. Он был отцом пяти дочерей, которые стали супругами различных князей Западной Европы, но основной его капитал составляли сыновья. Самый старший, Владислав, ко времени смерти родителя являлся Чешским и Венгерским королем. Второй сын, Казимир, еще при жизни отца начал совместно с ним управлять государством. Это был образованный и благоразумный молодой человек, многие видели в нем будущего доброго правителя Литвы и Польши, но судьбе было угодно иначе, в 1484 году молодой Казимир умер от туберкулеза. Впоследствии он был причислен к лику Святых, что отчасти сыграло на руку его династии. Но у Казимира IV были и другие

сыновья – Ян Ольбрахт, Александр, Сигизмунд и Фредерик. Младшему из них, как велось во многих знатных семействах того периода, была уготована духовная карьера, в которой он добился значительных успехов и приобрел огромный авторитет. Двум старшим сыновьям предстояло сменить отца на тронах Польши и Литвы, младший, Сигизмунд (будущий Польский король и Великий князь Литовский Сигизмунд I Старый, 1506–1548) остался не у дел. На протяжении всего времени, пока были живы его два старших брата, Сигизмунд был вынужден ежегодно кланяться у них то земли, то деньги.

По завещанию Казимира IV на польский трон должны были избрать Яна Ольбрахта, а великокняжеский литовский престол предназначался Александру. Если с избранием последнего особых проблем не возникло, то Яну Ольбрахту предстояло пережить тяжелые времена в борьбе за получение отцовского наследства. Владислав II высказался против избрания Яна Ольбрахта на польский престол, он высказал свои претензии на исконные земли династии.

Сложно сказать, в чем кроется такое непомерное желание власти у Владислава II. В венгерской историографической традиции его принято считать слабым и безынициативным королем, но так ли это было на самом деле? Смог бы «недалекий» правитель в течение такого длительного периода удерживать в своих руках чешскую (с 1471 по 1516 гг.) и венгерскую (с 1490 по 1516 гг.) короны? В борьбе за польские дела старший Ягеллон оказался более чем активным. Можно было бы предположить, что желание отобрать у брата польскую корону появилось у Владислава II после того, как Ян Ольбрахт еще в 1491 году пытался выступить против него в борьбе за Венгрию. Но в 1501 году Венгерский король предпринимает попытку захватить польский престол в пику другому своему брату, Александру. Дело в том, что в Венгрии у Владислава II были полностью связаны руки, местная знать не подчинялась ему, и королем он являлся скорее формально, нежели фактически. Чехия была богата, там Ягеллон сидел намного спокойнее, но сильной армией Чешское королевство не располагало. Богемия была неплохим денежным придатком, но в случае турецкой агрессии на Венгрию, вряд ли чешские деньги могли совершить чудо. Максимилиан Габсбург всячески пытался пошатнуть положение Владислава в

Чехии и Венгрии. Поэтому, когда старший брат понял, что трон отца стал вакантным, он поспешил участвовать в борьбе за него. Получение этого престола дало бы ему реальную власть и припугнуло бы его недругов, как в Венгрии, так и в Германии.

Позицию Владислава II поддерживал архиепископ гнезненский Збигнев Олесницкий, который пользовался огромным авторитетом при дворе умершего короля и должен был участвовать в официальной коронации нового правителя. Вероятно, он надеялся, что Владислав II, будучи выбранным на польский престол, не сможет в одиночку управлять тремя королевствами, и архиепископ захватит в свои руки все основные нити управления государством. Но когда венгеро-чешский король понял, что подавляющее большинство польской шляхты не поддержит его притязания на трон на элекционном сейме, он совместно с Олесницким выдвинул на польский престол кандидатуру младшего брата Сигизмунда. Это был явно марионеточный претендент, так как младший Ягеллон очень много времени проводил при дворе старшего брата в Буде и во многом зависел от него. Что касается позиции Александра по этому вопросу, то в Литовской метрике сохранились три его письма к Польской Раде и князьям Мазовецким, в которых он настоятельно просит поддержать кандидатуру Яна Ольбрахта. Великий князь Литовский ссылается при этом на последнюю волю короля Казимира IV и говорит, что на это есть и «его властная воля и просьба»²³⁴. В итоге коронация Яна Ольбрахта прошла без Олесницкого, а исполнял все сакральные действия еще один Ягеллон, епископ Краковский Фредерик.

К 23 сентября 1492 года, когда состоялось венчание на королевство Яна Ольбрахта, окончательно оформилась власть трех братьев Ягеллонов в Центральной Европе. Можно говорить о том, что правили не три, а четыре брата, так как кардинал Фредерик²³⁵ приобрел огромное влияние в Польше, начиная со времени своего участия в коронации брата. Союз между

²³⁴ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. С. 59 – 61.

²³⁵ Принят в кардинальство 20 сентября 1493 года.

представителями династии еще не сформировался, Владислав II потерпел поражение в борьбе за польский трон. Но члены польско-литовской фамилии понимали, что удержать власть в своих государствах и защититься от внешних врагов они могут только сообща.

Начиная с 1492 года, происходит постепенное дипломатическое сближение Польши и Великого княжества Литовского. Это было связано в первую очередь с тем, что оба ягеллонских государства испытывали натиск со стороны татар и Габсбургов. Успехи Москвы также подталкивали правителя Великого княжества Литовского искать поддержку в Кракове²³⁶.

3. Съезд в Левоче в 1494 году

Инициатором полноценного союза и проведения согласованной династической дипломатии выступил старший из братьев Ягеллонов. Владислав II с большим трудом получил в свои руки Венгрию и ему стоило огромного труда удерживать власть в этих землях.

В ноябре 1491 года был заключен Пресбургский мир, который положил конец войне между Максимилианом Габсбургом и Владиславом II за Венгрию. По этому соглашению за Габсбургом закреплялось право наследования венгерской короны, если у Владислава II не будет потомков по мужской линии. С одной стороны, 35-летний Владислав II мог быть спокоен, так как он находился в расцвете сил, если бы не одно но – уже две его жены не смогли дать ему потомства по мужской линии, и кто знал, как могло обстоять дело с наследником престола дальше.

Даже после прекращения войны ситуация в Венгрии оставалась очень сложной. Фактически правителем венгерского королевства был Тамаш Бакоц, который достиг высокого положения еще при Матиаше Корвине и был всесильным канцлером, когда Владислав II стал венгерским королем. Этот хитрый и дальновидный политик хорошо знал всю подноготную сложного магнатского противостояния, которое являлось реалиями политической жизни в

²³⁶ Historja dyplomacji polskiej. W., 1980. T.1. S. 553.

Венгерском королевстве. Владислав II оказался заложником этой игры и по сути дела не контролировал обстановку в государстве, монархом которого являлся.

Первой ласточкой династического объединения Ягеллонов явилось соглашение от 5 декабря 1492 года, когда Ян Ольбрахт и Владислав II заключили договор в Буде о взаимной помощи против внутренних врагов. Для венгерского короля этот союз являлся жизненно необходимым, у него была сильная оппозиция внутри страны в лице семьи Запольяи и Максимилиана Габсбурга за ее пределами. Для польского короля это соглашение было менее важным и являлось более актом доброй воли по отношению к брату, нежели действительным политическим расчетом.

В апреле 1494 года произошло событие, которое по праву можно считать началом совместной дипломатической деятельности Ягеллонов. В небольшом венгерском городке под названием Левоча состоялась встреча самых влиятельных представителей польско-литовского дома. На ней присутствовали: Венгерский и Чешский король Владислав II, Польский король Ян Ольбрахт, архиепископ кардинал Фредерик, младший из братьев Сигизмунд и маркграф Бранденбургский Фридрих, муж Софьи Ягеллонки²³⁷. Отсутствие Великого князя Литовского Александра было вызвано войной с Москвой и набегами татар, которые нанесли большой урон Литве в 1494 году.

Инициатором этого съезда был Владислав Венгерский: все те же проблемы, то есть козни Максимилиана Габсбурга и непокорность венгерских магнатов под предводительством Яноша Запольяи не давали ему покоя. Три недели шли тайные переговоры между родственниками, но ни одного документа не было подписано. Позже Матвей Меховский²³⁸, профессор краковской академии, являвшийся свидетелем событий, произошедших в

²³⁷ Finkel L. Zjazd Jagiellonów w Lewoczy r. 1494. // *Kwartalnik Historyczny*. 1914. T. 28 S. 332.

²³⁸ Мачей из Мехова, Мачей Карпига, Меховит; Mathias de Miechow, Miechowita, Mechovita, Mechovia, Maciej z Miechowa, Karpiga, Carpiga. 1453/57–1523, польский историк, географ, врач и педагог. Родился в семье мещанина города Мехова Краковского воеводства Станислава Карпиги. Учился в Краковском университете, в 1482–83 годах занимал должность ректора Вавельской кафедральной школы. Затем отправился в Италию, где изучал медицину, получил звание доктора в Болонском университете. По возвращении из Италии принял духовный сан и стал преподавать в Краковском университете. Как врач получил широкую известность. С 1492 года стал заниматься историей, автор «Трактат о двух Сарматиях» и «Хроника поляков».

Левоче, написал отчет о тех вопросах, которые обсуждались на конгрессе²³⁹. В первую очередь, это — проблема турецкой угрозы государствам Ягеллонов. Затем было необходимо урегулировать сложности, связанные с взаимоотношениями всех королевств с Молдавией, так как здесь сталкивались политические интересы Польши и Венгрии. Также обсуждали положение младшего брата Сигизмунда Ягеллона, его финансирование и обеспечение землями.

Приглашение на встречу Фридриха Гогенцоллерна и повышенная секретность переговоров были связаны с обсуждением на конгрессе тем, относящихся к деятельности Максимилиана Габсбурга. Видный польский исследователь Людвиг Финкель видит в этом основную цель Левоческого съезда: Ягеллоны должны были собраться и выработать политическую стратегию, которая помогла бы им избежать козней Максимилиана²⁴⁰.

Что решили Ягеллоны на этом собрании, не известно. Они предпочли не оставлять письменных свидетельств относительно хода обсуждений. Ясно одно, это была первая встреча представителей династии Ягеллонов, на которой родственники предприняли попытку совместно решить общие проблемы и скоординировать внешнеполитическую линию. О результатах и том, что конкретно было принято на съезде, можно судить по тем мероприятиям, которые проводили Ягеллоны по окончании встречи в Левоче.

4. Молдавский вопрос

В рассматриваемый период в Молдавии и в целом в Юго-Восточной Европе, ставшей объектом османской экспансии, сталкивались интересы ряда стран – Венеции, королевства Венгрии, Польши и папства. С начала XVI в. особую активность стали проявлять Габсбурги, выступавшие в качестве правителей Священной Римской империи. Для государей стран Юго-Восточной Европы борьба с османами представляла вопрос жизни и смерти, но

²³⁹ Ibid. S. 318.

²⁴⁰ Ibid. S. 329.

европейские монархи под флагом антиосманских действий преследовали цели утверждения своих позиций на этой территории²⁴¹.

Данное двойственное положение в конце XV столетия определяло политику Стефана Великого и отношение к его краю со стороны Ягеллонов. Молдавия все время была вынуждена являться чьим-то вассалом, чтобы избежать полного подчинения Турцией – иногда это была Польша, временами Венгрия. Если же западные соседи усиливались и начинали всерьез претендовать на власть в стране, Стефан Молдавский тут же находил общий язык с Портой.

Во времена Яна Ольбрахта политика Польши приобрела особую активность в южном направлении, то есть как раз в Молдавии. Захват турками северочерноморских портов, Килии и Аккермана, через которые шла восточная торговля Польши, привел к упадку восточной торговли, на которой разбогатели Краков и Львов²⁴². Это серьезно било по развитию региона юго-восточной Польши. Доходы государства от торговли отчасти компенсировались приобретением в 1466 году на Балтике Гданьска и Еблонга, но и эти города не подчинялись власти короля полностью. Здесь постоянно происходили конфликты либо с Тевтонским орденом, либо с местным купеческим городским советом, а позднее и с самим императором Священной Римской империи. Поэтому сразу же после съезда в Левоче Ян Ольбрахт решает набрать армию и атаковать Молдавию и турок с целью захватить столь нужные Польше порты Килию и Аккерман.

Для осуществления этого замысла в 1496 году Ян Ольбрахт приступил к активным действиям на дипломатическом поприще. Для начала он отправил миссию к Владиславу Венгерскому с призывом объединиться против османов, но старший брат встретил это предложение крайне холодно, отговорившись тем, что у Венгрии существует мирное соглашение с Турцией.²⁴³ Венгерская

²⁴¹ Л.В. Семенова. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешнеполитической истории). М., 2006. С. 13.

²⁴² История Польши. Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М., 1954. Т. 1. С. 146.

²⁴³ Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 2006. S. 126.

знать, которая сама имела значительные интересы в молдавском регионе, не желала укрепления там позиций Польши, и королю было сложно этому противостоять. Тем не менее, Владислав II дал 7 тысяч венгров и 4 тысячи чехов для этого похода²⁴⁴.

Надеясь на помощь в борьбе с османами со стороны молдавского воеводы Стефана Великого, в том же году Александр и Ян Ольбрахт подписали соглашение о совместных боевых действиях против турок. Великий князь Литовский даже попытался привлечь к этой коалиции своего зятя Ивана III, но безуспешно. Московский государь высказал опасение относительно поддержки в военной компании молдаван, указывая на то, что Стефан находится под властью Порты²⁴⁵.

Про молдавскую политику Великого князя Литовского Александра известно, что после своего вокняжения он собирался наладить добрососедские отношения с молдавским государем. Попытки заключить договор были предприняты Великим князем Литовским в 1492 и в 1494 годах²⁴⁶. После подписания польско-литовского союза Александр продолжил переговоры со Стефаном Великим. В 1497 году Великий князь Литовский отправил посла в Молдавию, с полномочиями принять документ, провозглашающий взаимную приязнь и дружбу²⁴⁷. Исходя из этого договора, литовский князь надеялся на помощь Стефана в борьбе против турок.

Со второй половины 1496 года польский король Ян Ольбрахт начал активные приготовления к будущему военному походу. Была собрана огромная армия, насчитывающая около 40 тысяч человек, помимо этого, боеспособность войск укрепило значительное количество артиллерии, такого большого числа пушек польская армия еще не использовала ни в одном своем военном

²⁴⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т.35. С. 233.

²⁴⁵ Там же. Док. №46.

²⁴⁶ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. Doc. №8, 28.

²⁴⁷ Ibid. Doc. №70.

мероприятии²⁴⁸. Крестоносцы под предводительством великого магистра фон Тиффена должны были выставить рыцарей в распоряжение своего сюзерена монарха Польши.

Сам поход начался в июле 1497 года, когда польский король с канцлерами государства находился во Львове. С самых первых дней кампании появились неприятные сюрпризы – во-первых, вся территория Молдавии, через которую должны были идти польские войска до Килии, была наводнена турками, которые не давали армии нормально развернуться; во-вторых, на стороне султана оказался «мнимый союзник» Яна Ольбрахта Стефан Великий. Польский король мог это вполне предвидеть, если бы внимательно прислушивался к своим канцлерам и дипломатам. Посол Польши при дворе Стефана еще весной 1497 года докладывал о том, что турецкие янычары активно переправляются на территорию Молдавии. О возможном предательстве со стороны молдавского государя, ленника Польши с 1485 года, Яна Ольбрахта предупреждали как Великий князь Московский, так и Владислав Венгерский. Сам Стефан, не желая польского вторжения в свои земли, не раз предлагал польскому королю заключить перемирие и, когда все его попытки оказались бесплодными, принял решение примкнуть к Баязиду II.

С того момента, как поляки поняли, что Стефан является союзником Порты, военный поход 1497 года стал именоваться в Коронной Метрике как «Молдавская война»²⁴⁹. Теперь перед Яном Ольбрахтом встала новая задача — взять столицу Молдавского государства, Сучаву, и нейтрализовать молдавского правителя. Осада главного города Молдавии продолжалась недолго, три недели, но тяжелые климатические условия, голод, болезни и умелые действия обороняющихся сломили силы польского войска. В октябре 1497 года при венгерском посредничестве между Польшей и Молдавией было заключено перемирие. На несчастье польского короля это соглашение никто не собирался соблюдать, и на лесной дороге на возвращающееся домой польское войско

²⁴⁸ Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 2006. S. 127.

²⁴⁹ Ibid. S. 137.

напали объединенные силы турок, татар и молдаван. Итог сражения был предречен – 26 октября 1497 года под Кожмином погиб почти весь цвет польского дворянства. Такого тяжкого поражения Посполитое Рушение²⁵⁰ не знало очень давно. Но турки на этом не остановились, в мае 1498 года в Польшу направился отряд из 20 тысяч османских всадников, которые жгли и грабили все на своем пути вплоть до самого Львова.

К 1499 году дело пошло к действительному заключению мирного договора между Польшей и Молдавией. В проекте соглашения, представленном в Кракове польской стороной на переговорах, подчеркивалось, что османы угрожают Молдавскому княжеству, Польше и Венгрии. Фиксировалось обязательство молдавского господаря участвовать в антиосманских акциях, предпринимаемых польским или венгерским королями. Итог бесславной Молдавской войны был печальным: Килия и Аккерман остались в руках турок, польская армия была фактически уничтожена, а Стефан Молдавский подписал обязательства, которые вряд ли собирался исполнять.

К началу XVI столетия Ягеллоны не решили проблему с Молдавией. Необходимую передышку заполнили хлопотами по созданию антитурецкой коалиции. Для нового «крестового похода» была необходима помощь и поддержка Рима и других европейских монархов. Эти задачи стояли перед дипломатией Ягеллонов.

5. Польско-венгерская попытка создания антитурецкой коалиции и контакты с Римом

Конец XV столетия был тяжелым периодом как для Папского престола, так и для всей Италии. Апеннинский полуостров продолжительное время являлся местом сражения Франции и Императора. Бесконечные союзы, интриги и предательство, и без того привычные для итальянской политической жизни, усилились и превратились в настоящий хаос, разобраться в котором было не под силу даже опытным дипломатам того времени. Каждая из сторон была

²⁵⁰ *Pospolite ruszenie* (lat. *exditio generalis*) — дословно всеобщее движение, так называлось в Польше дворянское ополчение.

постоянно начеку, ожидая подвоха. На востоке активизировались османы, которые охотно пользовались неразберихой, царящей в Европе, желая завладеть новыми территориями.

В этих условиях папа Римский Александр VI стремился найти себе надежного союзника. Максимилиан Габсбург сам желал получить папскую тиару, вряд ли его можно было подчинить воле и интересам Рима. Верховный понтифик полагался на помощь короля Франции для своего сына Чезаре Борджиа, который стремился увеличить собственные итальянские владения. Но планы Карла VIII были изменчивы, никто не мог поручиться, что сотрудничество надежно.

Осенью 1493 года новый избранный папа Александр VI отправил своего легата Орсини в земли Ягеллонов – Венгрию, Чехию и Польшу с призывом принять участие в новом крестовом походе против турок. Ян Ольбрахт не сразу откликнулся на это воззвание Рима, Владислав II напротив, понимая всю опасность приближения османов к границам своих королевств, принял предложение папского посла²⁵¹. Польский король отправил к Александру VI посольство с просьбой дать младшему брату Фредерику титул архиепископа Гнезненского. Папа не только выполнил просьбу монарха, но даже возвел Ягеллона в кардинальский сан. Это было явным признаком благоволения Рима по отношению к польско-литовской династии²⁵². Все шло как нельзя лучше, но вторжение в Италию французского короля Карла VIII нарушило планы Борджиа. Сейчас все помыслы Папы были прикованы исключительно к проблемам, которые разгорались на территории Италии. Александр VI продолжал искать союзников среди европейских государей, но ему была необходима весомая военная помощь, которая могла бы успешно противостоять французскому монарху. Именно в это время Рим неожиданно сближается с Портой.

Когда в 1497 году Ян Ольбрахт вступил в Молдавию под предлогом

²⁵¹ Smolucha J. Papiestwo a Polska w latach 1484 – 1526. Kraków, 1999. S. 55.

²⁵² Ibid. S. 61.

борьбы против мусульман, в Риме к этому отнеслись крайне сдержанно. Папа всячески подчеркивал свою благосклонность к Ягеллонам, но идти против собственных интересов не собирался. Если Польша желает завладеть выгодными черноморскими портами Килией и Аккерманом, то должна решать эти проблемы собственными силами. Ни один европейский монарх присоединился к этому «крестовому походу».

Сразу же после жестокого поражения от турок в Молдавии, за которыми последовали тяжелые турецкие и татарские набеги на коронные земли Польши, Ян Ольбрахт и Владислав II решили создать мощную европейскую коалицию против османов. 31-го мая 1498 года Ян Ольбрахт отправил в Священную Римскую империю своего посла, чтобы тот на Рейхстаге договорился о помощи против турок. По дороге Николай Розенберг должен был заехать к венгерскому королю и посоветоваться с ним относительно этой миссии. Главными инициаторами идеи создания антитурецкой коалиции в польской историографии принято считать епископа варминьского Вантзенроде и кардинала Фредерика Ягеллона, которые настаивали на том, что Польше жизненно необходимо заполучить выгодные черноморские порты²⁵³.

Николай Розенберг отправился на рейхстаг во Фрайбурге и был призван представлять на нем интересы обоих Ягеллонов. Здесь мы наблюдаем тот отголосок семейного съезда в Левоче, на котором вырабатывалась единая династическая дипломатия Ягеллонов. Польский дипломат выступал не как выразитель интересов своего государства, а как проводник воли и устремлений Ягеллонов. Позже эта тенденция к сближению государственного и династического проявилась у Ягеллонов еще сильнее.

В общей инструкции для Розенберга, предназначенной для Фрайбургского рейхстага, оба короля пишут о той опасности, которая нависла не только над Венгрией и Польшей, но также над Молдавией, Хорватией и даже Австрийскими землями. Без объединения и взаимной помощи эту проблему решить невозможно, и европейские государства в скором будущем ждет

²⁵³ Historja dyplomacji polskiej. W., 1980. T. 1. S. 539.

неминуемое разорение. Ягеллоны просили помощи, в первую очередь материальной. В тексте инструкций прослеживается предостережение – если падет Венгрия, то следующими будут имперские земли²⁵⁴. Максимилиан Габсбург ответил на такое заявление посла, что вопрос о финансовой помощи Венгрии и Польше будет решен на ближайшем рейхстаге в Вормсе, что же касается непосредственных боевых действий, то император предложил привлечь к ним Александра Ягеллона, а для борьбы с татарами князя Московского²⁵⁵. Габсбург отложил все совещания по этому вопросу до следующего сбора немецких князей, а пока выступил с одобрением инициативы.

В сложившейся ситуации король Венгрии и Чехии Владислав II активизировал свою деятельность. В конце 1498 года он пишет Яну Ольбрахту, что необходимо предпринять новое посольство в Германию, которое выступало бы уже и от имени Великого князя Литовского Александра. Венгерский король посчитал нужным отправить посла к Папе Римскому, рассчитывая на то, что в Риме с радостью воспримут предложение о новом крестовом походе и привлекут к общему делу французского короля²⁵⁶. На несчастье Ягеллонов в Германии началась война со швейцарцами, которых поддержали венецианцы и монарх Франции, все помыслы Максимилиана, да и других европейских правителей, были прикованы к этому событию, а не к мифическому антиосманскому крестовому походу. Император, несмотря на свою антиосманскую риторику, заключил 1 июля 1498 года мирный договор с Портой. Ян Ольбрахт не стал высылать новых людей в Германию, видя всю бесполезность этой затеи²⁵⁷, с этих пор Ягеллоны концентрируют свое внимание на Папском престоле.

В 1499 году в Блуа был подписан договор о союзе Венеции и Франции

²⁵⁴ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486 – 1516 (Kodeks Zagrzebski). Oprac. Garbacik J. Wrocław, Warszawa; Kraków, 1966. Doc. №15.

²⁵⁵ Ibid. Doc. №18.

²⁵⁶ Ibid. Doc. №24.

²⁵⁷ Ibid. Doc. №27.

против османов, и это явно было сделано через Папу. Александр VI так сильно стремился подчинить своей власти Италию и обеспечить своему сыну всяческую в этом поддержку, что был готов пойти на открытый конфликт с Портой, лишь бы немного отвлечь всех от итальянских дел. Французский король Людовик XII вряд ли был серьезно увлечен идеей борьбы с турками, он скорее искал союзников против Габсбургов. Под антиосманским флагом в конце XV столетия объединились все недруги императора Максимилиана.

В декабре 1499 года происходит еще один семейный съезд польско-литовской династии, на этот раз в Пресбурге. Как это было и в Левоче, на собрание опять не явился Великий князь Литовский Александр, и опять виновником этого была готовящаяся война с Москвой. На конференции приняли решение о вступлении Венгрии и Польши в антиосманскую коалицию. С 1500 года военные приготовления к походу против турок пошли полным ходом.

6. Ягеллоно-габсбургское противостояние

Первое серьезное столкновение двух династий произошло в Венгрии в 1490 году. Борьба за трон Матияша Корвина предполагала большие денежные расходы на армию, поэтому успех зависел от возможности династии прийти к консолидации. Несмотря на сложные отношения, император Фридрих III и Максимилиан Габсбург довольно быстро решили свои разногласия. Конфликт между Казимиром IV, Яном Ольбрахтом и Владиславом II зашел намного дальше. 7 июня 1490 года на элекционном сейме на Ракошском поле венгерское дворянство избирает королем Яна Ольбрахта, в том же году другая часть магнатов отдает корону Венгрии Владиславу Чешскому, начинается борьба за трон между родными братьями. Высказывает претензии на Венгрию Максимилиан Габсбург, ссылаясь на свои права по договору от 1463 года, по которому наследники Фридриха III имели право претендовать на корону Святого Стефана, если Матияш Корвин не оставит прямого наследника по мужской линии. Габсбург быстро отвоевал у венгров Вену, Винер-Нейштадт, Нижнюю Австрию, Штирию и Каринтию, и вторгся в Венгрию. Разногласия

между Ягеллонами сыграли ему на руку, и Максимилиан, несмотря на свое поражение в 1491 году, вынудил Владислава II заключить выгодный Пресбургский мир

Получение Венгерской короны одним из Ягеллонов можно считать безусловной удачей династии, теперь вся полоса от Паннонии до Балтийского побережья принадлежала им. Хотя Владислав II мало контролировал ситуацию внутри Венгрии, за что получил прозвище «король-добже»²⁵⁸, государство было в его руках. Габсбурги отстояли Австрию и заключили выгодный мирный договор, но вместо старого противника Корвина получили Ягеллонов.

Для династической политики братьев-Ягеллонов характерна та особенность, которая проявилась во время борьбы за Венгрию при жизни Казимира IV. Находясь в династическом союзе и проводя совместные мероприятия на международной арене, Ян Ольбрахт, Владислав II и Александр стремились отстаивать в первую очередь свои собственные интересы. Это напоминало соревнование. Братья осознавали, что для достижения успеха, должны заботиться об общем благополучии, но при малейшей возможности предавали друг друга. В семье Ягеллонов не было иерархии и субординации, тенденция к консолидированной политике постоянно нарушалась личными амбициями каждого из членов рода. Можно предположить, что это было вполне логичным, так как каждое государство, находящееся под властью Ягеллонов имело свои политические интересы, но в конце XIV – начале XV вв. еще не произошло становление понятия национальных государств. Все монархи, включая Ягеллонов и Габсбургов, рассматривали свои владения, как домен и не более. Ведение внешней политики было для монарха вопросом наращивания собственной власти и престижа.

Максимилиан Габсбург понимал слабое место польско-литовской династии. Как расчетливый стратег, он решил расправляться с каждым Ягеллоном по одиночке. Ян Ольбрахт предостерегал Александра в письме от 13

²⁵⁸ добже — *dobrze* — (с польского языка) хорошо, да, конечно. Владислав II получил такое прозвище, так как на все просьбы отвечал согласием.

ноября 1493 года, что Габсбург строит козни против их семьи. Римский король активно старался женить Владислава II на своей дочке Маргарите, чтобы стать наследником Венгерской короны. Польский король опасался, что таким образом Ягеллоны могли утратить контроль над Венгрией и, возможно, даже Чехией²⁵⁹.

Самым первым, с кем хотел расправиться Максимилиан, стал именно польский король. Такой выбор жертвы объясняется несколькими причинами. Во-первых, Польша – это исконные земли династии, на этих территориях покоилось ее могущество и сила. Второй аргумент, она была наиболее уязвимой перед Габсбургом. Тевтонский орден, находящийся на польском Поморье, еще совсем недавно был реальной военной угрозой для Польши, и только в 1466 году Казимиру IV удалось свести эту проблему на нет. Новый ленник Польского короля, Великий магистр, подчинялся Риму, как и положено монашескому ордену, однако, присягал императору, как немецкому правителю.

Открытое противостояние Ягеллонов и Габсбургов продолжилось после Венгрии на землях Польского короля. 29 мая 1493 года Магистр тевтонцев Иоганн фон Тифен дал присягу Яну Ольбрахту, Максимилиан не смог этому воспрепятствовать. Император обратил свое внимание на богатые поморские прусские города. Великие географические открытия, а затем и потеря для Польши черноморских портов Килии и Аккермана спровоцировали перемещение центров польской торговли с юга на север. В связи с этим присоединение Поморья с Гданьском в 1466 году явилось для Польши фактом громадной важности. Страна получила непосредственный доступ к Балтийскому морю и благодаря этому широкие возможности для ведения экспортной и импортной торговли со странами Западной и Северной Европы. Максимилиан начинает активные действия с целью лишить Польшу этих городов, а значит подорвать благополучие Ягеллонов. С 1493 года он постоянно требует от Гданьска и Яблонга, самых богатых городов Поморья, налоги в свою казну, ссылаясь, что они являются имперскими городами. Ян Ольбрахт не раз обращался к немецким князьям, чтобы они остановили императора в его

²⁵⁹ Übersberger, Hans. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien—Leipzig, 1906. S. 60.

неправомерных требованиях, но все было тщетно. Польский король попытался найти управу на Габсбурга в Риме, но и это не помогло²⁶⁰. Проходили бесконечные рейхстаги, на которых снова и снова император требовал денежных выплат от Поморских городов. В итоге, 5 июня 1497 года Максимилиан налагает баницию на Гданьск и Яблонг, ставя их вне закона и запрещая торговлю с ними²⁶¹. Отмена этого несправедливого постановления была одной из задач совместного польско-венгерского посольства Николая Розенберга.

Александр после своего избрания польским королем не раз требовал от Габсбурга прекратить притязания на законные города Польши. Когда началась война между Великим княжеством Литовским, а затем и Польшей с Москвой, император еще активнее начал вмешиваться во внутренние дела Польского королевства. В письме от 16 января 1502 года Максимилиан требует от жителей Гданьска, как от своих подданных, к первому июля предоставить ему войско для борьбы с турками²⁶². Это было сделано императором не из-за потребности в гданьских войсках, а для усиления внутренней нестабильности в польских землях, когда страна находилась в состоянии войны и страдала от постоянных татарских набегов. Отвечая на эти требования Габсбурга, Александр писал ему, что германскому правителю не следует обращаться с подобными просьбами к жителями Гданьска, так как они являются законными подданными польской короны²⁶³. Но ничего не изменилось, на всем протяжении войны Максимилиан требовал от поморских городов то войска, то денег. Незадолго до своей смерти в 1506 году, польский король снова отправил посольство в Рим, чтобы папа признал незаконность претензий императора на эти города. На этот раз

²⁶⁰ *Historja dyplomacji polskiej*. W., 1980. T. 1. S. 545.

²⁶¹ Baczkowski K. *Działalność polsko-węgierskiej dyplomacji w Rzeszy Niemieckiej w latach 1498 – 1500 oraz sojusz Jagiellonów z Francją*. // *Studia Hstoriczne*, 1977, Z. 4. S. 519.

²⁶² *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. Kraków, 1927. T. 19. *Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)*/Wyd. Papée F. Doc. №50.

²⁶³ *Ibid.* Doc. №70.

Габсбург подчинился воли Рима, в тот же год с польских городов была снята имперская баниция.

Так завершилось противостояние вокруг Поморья. Захват Гданьска и Яблонга был для Габсбурга инструментом для ослабления экономики Польши и благосостояния Ягеллонов, для польского короля потеря этих богатых балтийских портов была бы равносильна экономическому краху и подрыву всей внешней торговли государства.

Тевтонская проблема

Тевтонский орден был еще одним рычагом давления на польско-литовскую династию. Орден был приведен к вассальной присяге Казимиром IV, но рыцари оставались подданными Священной Римской империи и имели обязательства перед императором.

25 августа 1497 года умер Великий магистр Тевтонского ордена фон Тифен. Не без участия императора новым магистром тевтонцев был выбран Фридрих Саксонский. При поддержке Максимилиана Габсбурга новый магистр отказался давать вассальную клятву польскому королю²⁶⁴. Польская сторона была озадачена подобным поведением рыцарей, начались бесконечные переговоры, апелляции к договору 1466 года, но все было бесполезно. Самые влиятельные канцлеры государства не раз совершали поездки в Мариенбург, столицу крестоносцев, но многодневные переговоры, уловки и требования не имели никакого успеха. Фридрих твердо стоял на своем, осознавая, что за ним император и поддержка немецких князей. Именно, в это время Максимилиан на рейхстагах произносит пламенные речи о необходимости объединения всей германской нации. Ян Ольбрахт, а затем и Александр, пытались изменить ситуацию, прибегая к арбитражу Папы Римского, но и тут тевтонцы заявляли, что имеют право приносить вассальную присягу только своему верховному господину, императору Священной Римской империи, и никому другому. Все

²⁶⁴ Historja dyplomacji polskiej. W., 1980. T. 1. S. 544.

постановления Рима о правомерности претензий польской стороны открыто игнорировались крестоносцами.

Начиная с 1498 года, можно говорить о том, что проблема, связанная с ленной присягой магистра Тевтонского ордена, стала центральной для внешней политики Польши. Даже во время избрания нового короля, после смерти Яна Ольбрахта, примас Речи Посполитой кардинал Фредерик Ягеллон находился в столице крестоносцев, надеясь уговорами привести их к повиновению. На всем протяжении своего правления новому польскому королю Александру так и не удалось добиться присяги от крестоносцев.

Смерть предыдущего магистра оказалась на руку Максимилиану. В 1498 году все отчетливее стала проявляться ось сопротивления Габсбургам в лице Ягеллонов, Франции, Венеции, и отчасти, папства. Императору необходимо было противопоставить этому союзу альтернативную силу. Он находит ее в лице Тевтонского ордена и Великого княжества Московского. С Иваном III в 1490 году был заключен имперско-русский союз. Соглашение носило антиягеллонский характер, так как предусматривало обязательства Империи оказывать помощь Московскому государю, когда тот начнет борьбу за включение в состав Русского государства Киевского княжества, которое «за собою держит Казимир, король польский и его дети»²⁶⁵. Отсутствие военной помощи Тевтонского ордена ослабляло позиции польского короля в конфликтах с Москвой.

Ягеллоно – французский союз 1500 года

Чтобы противостоять козням Максимилиана, Ягеллонами была предпринята попытка создать консолидированный антигабсбургский блок.

Начиная с 1499 года, под предлогом создания антитурецкой коалиции, происходит постепенное дипломатическое сближение Венеции, Рима, Ягеллонов и Франции. Если для Венеции этот союз и, правда, мог носить выгоды в борьбе с османами, то Франция пыталась найти союзников в борьбе

²⁶⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 37.

против Габсбургов. В конце октября 1499 года послы этих государств собираются в Буде, чтобы обсудить пункты будущего соглашения. Ян Ольбрахт питал надежды, что при поддержке Франции и Венеции Польша сможет решить свои проблемы на севере с крестоносцами и на юге с черноморскими портами, о чем он писал своему канцлеру Лукашу Ваценроде 19-го ноября²⁶⁶.

В декабре в Пресбурге состоялась еще одна совместная конференция, Польша была представлена на ней кардиналом Фредериком Ягеллоном. Хотя о результатах этой встречи не известно, определенно, что союзники не хотели прерывать контакта и продолжали переговоры. Максимилиан, пытаясь сыграть на противоречиях внутри династии Ягеллонов, неоднократно писал венгерскому королю Владиславу II, добиваясь личной встречи для обсуждения возможного венгеро-германского союза. Это была уловка с целью затянуть время и не дать противникам договориться о конкретных мероприятиях, Владислав II это понимал и избегал встречи с императором.

Следующим этапом в развитии франко-ягеллонских отношений была встреча в Буде. 14 июля 1500 года был подписан франко-венгеро-польский договор. Это Соглашение, несмотря на свою антиосманскую окраску, носило характер союза против Порты и других врагов. Провозглашалась взаимная помощь государств против Порты и других врагов. Скреплялся союз династическими браками: Владислав II должен был взять в жены родственницу короля Анну де Фуа-Кандаль, для польского короля Яна Ольбрахта также была уготована невеста, имя которой осталось неизвестно.

Венгерский король тут же выслал своих послов, чтобы начать хлопоты, связанные с предстоящим браком, Ян Ольбрахт не торопился²⁶⁷. Поначалу задержка была вызвана опасной ситуацией на польских границах, но Владислав II безрезультатно дожидался польских послов в течение двух месяцев. В Польше опасались открыто выступить против Максимилиана Габсбурга, имея большие сложности с Тевтонским орденом и поморскими городами. Николай

²⁶⁶ Akta stanów Prus królewskich. Toruń, 1963. T. 3, cz. 2 (1498 – 1501). S. 124 – 126.

²⁶⁷ Baczkowski K. Działalność polsko-węgierskiej dyplomacji w Rzeszy Niemieckiej w latach 1498 – 1500 oraz sojusz Jagiellonów z Francją. // Studia Historyczne, 1977, Z. 4. S. 538.

Розенберг, находившийся в Германии, уведомил своего монарха, что императору известно о переговорах с Францией²⁶⁸. Предполагаемая невеста польского короля не дождалась послов из Польши, так как в мае 1501 года король Ян I Ольбрахт умер. Что же касается Владислава II, то он выполнил условия соглашения с Людовиком XII и вступил в брак с Анной де Фуа-Кандаль.

Результатом союза Франции и Ягеллонов была женитьба венгерского короля. Ян Ольбрахт, как нам кажется, начал осознавать, что французы используют Ягеллонов, чтобы припугнуть Максимилиана, но никаких решительных действий предпринимать не собираются. Габсбург, напротив, подбирал себе союзников практично, чтобы использовать их в борьбе с Ягеллонами. Тевтонцы выказали свою непокорность Польше, торговля поморских городов была заблокирована баницей, с Великим князем Московским действовало антиягеллонское соглашение.

²⁶⁸ Ibid. S. 537.

Глава 5. Конфликты Литвы с Москвой при Александре Ягеллоне

На протяжении всего правления Казимира IV в Польше и Литве отношения с Москвой носили довольно ровный характер. Периодически возникали пограничные проблемы, но все они не приводили к какому-либо серьезному военному конфликту, а вызывали лишь локальные столкновения. Ситуация резко изменилась после смерти Казимира IV. Иван III, сам уже находившийся в довольно преклонном возрасте, решил воспользоваться благоприятной ситуацией выборов нового правителя в Великом княжестве Литовском.

1. Конфликт 1492 – 1494 гг.

Пока молодой Александр Ягеллон еще не смог полностью войти в курс всех дел, связанных с управлением Великим княжеством Литовским, Иван III приказал выдвинуть русские войска на Вязьму, которая находилась в руках литовцев. Это военное выступление положило начало первой в истории и далеко не последней русско-литовской войне. Ранее жившие относительно мирно соседи отныне будут вести многочисленные кровопролитные войны, пытаясь найти себе союзников везде, где только возможно. Конфликт, продолжавшийся два года, вызвал после своего завершения новые территориальные споры, которым был положен конец лишь полным уничтожением Польско-Литовского независимого государства, которое произошло в XVIII столетии.

Каков был расклад сил в предстоящей схватке? Московский государь, развязывая этот конфликт, подготовился к нему самым тщательным образом. В первую очередь, он был уверен, что на помощь новоиспеченному Великому князю Литовскому не придут его братья. В 1492 году Ягеллоны вели разрозненную политику, и если с тронem Литвы все было определено, то за корону Польши развернулась борьба между родственниками. Этот факт не способствовал объединению польско-литовской династии против Ивана III, тем

более, что он не собирался вторгаться в глубь государства, а хотел ограничиться наступлением на пограничные территории.

Союзником Александра мог стать Стефан Великий, но между Литвой и Молдавией не было союзного соглашения. Казимир IV умер, с новым правителем, который был избран только в августе, еще не успели наладить контакты. Стефан страдал от нападений крымских татар и турков. Кроме того, исходя из предыдущих московско-молдавских отношений, молдавский воевода, вероятно, охотнее присоединился бы в данном конфликте к Ивану III.

После своего вокняжения Александр попытался найти поддержку у тевтонцев и ливонцев, но столкнулся с препятствием. Формально магистр Тевтонского ордена являлся вассалом польского короля, но правителя в Польше еще не было, так как Яна Ольбрахта избрали только в самом конце 1492 года. Можно было воздействовать на тевтонцев через Папу и императора. Но Александр VI надел папскую тиару лишь в июле 1492 года, и ему было не до дел Великого княжества Литовского. А Максимилиан Габсбург вряд ли решил бы натравить тевтонцев и ливонцев на своего союзника Великого князя Московского в угоду интересам Ягеллонов. Наоборот, под 1493 годом мы находим в Литовской Метрике свидетельство об обратном, то есть о союзе Ивана III с прибалтийским орденом. В двух письмах, к Конраду Мазовецкому и ливонскому магистру Иоганну фон Лорингофу Великий князь Литовский пишет, что до него дошли слухи о союзе ливонцев с Москвой²⁶⁹. Александр говорит, что не может поверить этим сведениям и предлагает магистру заключить новое мирное соглашение с Литвой, как это было при Казимире IV.

Союзников Москвы было не очень много, но все же их помощь в войне оказалась ценной. Что касается ливонцев, то в русских документах не сохранилось достоверных свидетельств о наличии какого-либо русско-ливонского договора. Основной помощью крестоносцев, если можно так говорить, являлось их неучастие на стороне Александра, это было важно для Москвы, так как не стоило опасаться внезапного удара с севера.

²⁶⁹ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. С. 72. Doc. №20, 21.

Действенным союзником Ивана III в этой войне был крымский хан Менгли Гирей. Уже много лет Москва имела военное соглашение с Крымом. Союз был выгоден обеим сторонам, крымский хан нуждался в союзниках против Большой Орды, а Московский князь использовал татар для ослабления литовцев и поляков. Отношения, которые строились на подобных взаимных услугах, не раз доказывали свою прочность. 30 августа 1492 года Иван III пишет Менгли Гирею о смерти «их общего недруга короля Казимира» и призывает идти с войной на Великое княжество Литовское²⁷⁰. Что не преминули сделать татары в том же году.

Великий князь Литовский был в этом конфликте практически в полной дипломатической изоляции, у него не было сторонников, готовых прийти на помощь. Ивану III еще при жизни Казимира IV удалось создать выгодную сеть союзников для дальнейшего наступления на Запад. Это были связи не только с ближайшими соседями в лице Крымского хана, Молдавии и ливонцев, но и с такими далекими от Москвы недругами Ягеллонов, как Габсбурги. Подготовка к войне и ее начало говорили о том, что преимущество находилось на стороне Москвы.

Ход боевых действий носил локальный характер. Смерть Казимира IV была внезапной, и в Великом княжестве Московском не успели подготовить широкомасштабное военное наступление на Литву. Иван III решил не упускать возможности отвоевать пограничные территории для возможности дальнейшего продвижения. Например, именно с этой точки зрения стоит рассматривать выступление русских войск на литовскую Вязьму через Можайск. Это была атака по традиционному «Смоленскому коридору» и имела целью приближение к Смоленску.

Действия крымского хана должны были отвлечь литовские силы от московского театра боевых действий и способствовать экономическому разорению Великого княжества Литовского. Вторжение татар шло по трем классическим направлениям: в глубь страны вплоть до Киева, на Восток через

²⁷⁰ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1884. Т. 41. С. 156 – 165. Док. №36.

Полтаву в направлении Чернигова и на Запад к Перемышлю. По дороге крымчане жгли и грабили местное население, уводили в плен людей и забирали скот.

Александр многократно отправлял послов к Менгли Гирею с призывом прекратить устраивать бесчинства на Литовских землях²⁷¹. В очередном письме в апреле 1493 года Великий князь Литовский пеняет татарам на то, что они причинили большой ущерб черкасским, брацлавским, черниговским и другим «украинным» территориям²⁷². Крымский хан заверял литовцев в дружбе и желании заключить мирный договор, продолжая свои грабительские действия на землях Литвы.

Военные столкновения с Москвой, как уже было сказано ранее, в основном ограничились пограничными стычками. Никаких крупных сражений не было, завязалась борьба на смоленском направлении, в районе Калуги и Козельска. В 1493 году Александр пишет Ивану III, чтобы тот вернул ему литовские города – Мосальск, Серпейск и Мезецк²⁷³. Это были небольшие приграничные местечки. Действительно важной победой явилось взятие Вязьмы, где по приказу русского государя казнили ставленников Ягеллонов²⁷⁴. Такая участь местных князей имела устрашающее действие на подданных, и вот, мы уже видим, как в документах появляются списки литовской знати, добровольно перешедших на службу Москве – это Андрей и Василий Васильевичи Белевские, Семен Федорович Воротынский, Михаил Романович Мезецкий, Андрей Юрьевич Вяземский и многие другие²⁷⁵.

Великому князю Литовскому оставалось журить Ивана III, что тот принимает на службу его подданных. Военное и экономическое преимущество были не на стороне Александра, он желал скорейшего мира и отчаянно искал

²⁷¹ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. С. 65. Doc. №12.

²⁷² Ibid. С. 73. Doc. №22.

²⁷³ Ibid. С. 74. Doc. №23.

²⁷⁴ Ibid. С. 74. Doc. №23.

²⁷⁵ Ibid. С. 67. Doc. №15.

себе союзников. Многократно были отправлены гонцы к Яну Ольбрахту, в польский сейм, и к тевтонцам с просьбами о немедленной военной помощи против Великого князя Московского²⁷⁶, но безрезультатно. У польского королевства хватало своих проблем, локальная стычка в Великом княжестве Литовском не имела серьезной важности.

В сентябре 1493 года Александр Ягеллон запросил мира, вместе с этим он начал добиваться руки Елены Ивановны, дочери Великого князя Московского. Иван III, разменявший шестой десяток, посчитал, что замирение с Литвой будет выгодным для Москвы. В конце 1493 года в Москву прибыли братья Петр и Станислав Яновичи для ведения мирных переговоров и сватовства. Преимущество в конфликте было на стороне русского государя, а Александру как можно скорее нужен был мирный договор, поэтому к согласию пришли быстро. 5 февраля 1494 года подписали русско-литовский мир, по которому Москве отошел небольшой приграничный участок, включая Мезецк, Козельск, Белев и Одоев²⁷⁷.

Итоги этой войны в целом оказались позитивными для Руси. Москве не только удалось подорвать экономическое благополучие Литвы, используя крымских татар, но также захватить часть приграничных территорий. Таким образом, был создан хоть и небольшой, но плацдарм для дальнейшего военного продвижения на Запад. Другой вопрос, хотел ли Иван III в ближайшее время осуществить повторное вторжение в Литву или желал мира с соседом, отдавая за него свою дочь?

2. Брак Александра Ягеллона и Елены Ивановны

В отечественных документах мы встречаем первое упоминание о попытке сватовства Александра к дочери Ивана III еще в июле 1492 года²⁷⁸, то есть еще

²⁷⁶ Ibid. С. 70, 72. Doc. №17, 18, 19.

²⁷⁷ Ibid. С. 134. Doc. №78.

²⁷⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 68 – 72. Док. №17.

до избрания Ягеллона Великим князем Литовским, которое произошло в августе. Но тогда из-за войны между Литвой и Москвой дело не продвинулось, когда же встал вопрос о заключении перемирия, то свадебные переговоры возобновились.

С 17 января по 12 февраля 1494 года в Москве находился Петр Янович для обсуждения мирного договора и условий предстоящей женитьбы Великого князя Литовского. Утром 22 января, после предварительного обсуждения основных положений Московско-литовского мира, братья Ян и Станислав Яновичи отправили на царский двор своего писца, дабы тот передал, что литовские послы имеют поручение хлопотать относительно свадьбы Александра и Елены, и уполномочены повидать дочь Ивана III. Но неожиданно получили отказ, так как московская сторона считала, что мирные переговоры еще не завершены. Бояре изложили волю русского государя, что сначала надо решить дело о войне, а потом уже приступать к сватовству²⁷⁹. Таким образом, только после того, как был составлен и согласован окончательный вариант договора, когда все захваченные Москвой города были заново распределены между Литвой и Русью, 5 февраля дошло дело и до вопросов, связанных с браком Елены. Бояре много говорили о католичестве и православии, настаивали на том, что непременным условием заключения союза между Великим князем Литовским и русской княжной должна быть гарантия, что Елена не будет принуждаться к католичеству. На следующий день после этих речей литовские послы прибыли с аудиенцией к княгини Софьи, где им дозволили повидаться с Еленой Ивановной, которая справилась о здоровье посланцев и передала подарки для своей будущей свекрови²⁸⁰. После чего литовцы покинули покои княжон и снова были встречены боярами, которые начали спрашивать о предстоящем браке. Как только послы дали свое согласие, тут же пригласили священников, и состоялось обручение с крестоцелованием Елены и Великого

²⁷⁹ Там же. С. 114. Док. №24.

²⁸⁰ Там же. С. 124. Док. №24.

князя Александра, которого на церемонии представлял Станислав Янович, так как главный посол Петр Янович был уже женат.

Но сами брачные хлопоты на этом не кончились. В Литву были отправлены Василий Патрикеев и Семен Ряполовский для присутствия на крестоцеловании Александром мирного договора и обсуждения условий брака. В августе 1494 года Великий князь Литовский отправляет своего посла в Москву для согласования текста грамоты о православном вероисповедании его будущей жены²⁸¹. В этом документе были записаны основные требования русской стороны, под которыми Александр поставил свою печать, Великий князь Литовский обязался «не нудити [Елену] к римскому закону, а держати свои греческий закон»²⁸². На следующий год 6-ого января Александр Ольшанский и Ян Забережский прибыли в Москву за невестой Александра²⁸³. Мать и отец простились с дочкой, дав ей строгий наказ держаться православной веры, и Елена отправилась в Литву. Состоялся брак, который впоследствии явится камнем преткновения для развития добрых отношений между Великим княжеством Литовским и Русью. Никто не мог предположить, что столь радостное событие как свадьба, которая должна была укрепить дружбу между государствами и связать их правителей родственными узами, вызовет новую более жестокую войну.

3. Война 1500 года. Начало конфликта

Некоторые условия брачного договора были сразу нарушены. Иван III отправил в свите своей дочери нескольких знатных бояр, которые должны были следить, как встречают в Литве Елену и как проходит обряд венчания. В феврале 1495 года до Москвы дошла записка из Вильно о первых днях дочери

²⁸¹ Там же. С. 145 – 156. Док. №28.

²⁸² Там же. С. 156. Док. №30.

²⁸³ Там же. С. 157 – 159. Док. №31.

Ивана III на Великокняжеском дворе²⁸⁴. Согласно донесению, после венчания Александр дал обещание не принуждать новую жену к католической вере, но православную церковь в своем дворце строить отказался, ссылаясь на запрет в законах государства. Московского государя не могло обрадовать это сообщение. В ответных грамотах Великий князь Литовский не именовал своего тестя титулом «государь всея Руси»²⁸⁵, что было прямым нарушением мирного договора. Вопрос титулатуры носил принципиальный характер, в особенности в отношениях с Литвой. Назвавшись государем всея Руси, Иван III заявлял свои особые права на все русские земли, которые к концу XV столетий входили в состав, в том числе, Великого княжества Литовского и Польши.

Тем не менее русский правитель старался сделать все, чтобы между Москвой и Литвой была дружба. Он отправлял своих послов к Стефану Молдавскому, чтобы тот наладил добрососедские отношения с Александром. Иван III был готов пойти войной на своего прежнего союзника Крымского хана Менгли Гирея, когда Великий князь Литовский сообщил ему о готовившемся набеге татар на Литву²⁸⁶. Иван III только постфактум сообщил в Крым, что помирился с Александром и выдал за него свою дочь, на что жалуется Менгли Гирей в письме князю от 1495 года. Почему московский государь решил предать своего верного союзника, недоумевал хан, но Иван III отговаривался, что заключил этот союз на основании, что подобный же мир будет между Литвой и Крымом. Однако это являлось явной ложью, так как в тексте договора такого положения не было. Вероятно, Москва и правда надеялась на длительное сотрудничество с Великим княжеством Литовским, и поэтому не побоялась совершить поступок, который шел вразрез с желанием татар. В подтверждение своих слов, 19 мая 1496 года Иван III отправил посла в Литву, чтобы тот сообщил, что и Стефан Великий и Менгли Гирей хотят мира с Александром.

²⁸⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 182 – 188. Док. №35.

²⁸⁵ Утверждение титула «государь всея Руси» впервые происходит в 1493 году и зафиксировано в русско-датском союзном договоре — *totius Rutzsie Imperatore*. Далее этот титул был закреплен русско-литовским мирным договором 1494 года.

²⁸⁶ Там же. С. 201 – 204. Док. №39.

Великий князь Литовский в ответ не только отверг это предложение, но и начал призывать московского государя отступить от союза с молдаванами и татарами.

Сложно сказать, что спровоцировало подобное поведение Александра. Как известно, со своей женой он жил в добром мире и любви, и недовольства с этой стороны не должно было возникнуть. Возможно, подобную политику по отношению к Москве Великому князю нашептывали его многочисленные канцлеры, которые откровенно недолгоблюдали православную Елену, на что им многократно пенял сам Ягеллон. Но, тем не менее, все действия Литвы после подписания мирного договора 1494 года можно расценить как крайне провокационные и недружественные. Из источников мы видим, что Иван III, наоборот, старался наладить отношения, был готов пойти на уступки и серьезный компромисс. Но Великому князю Литовскому, еще совсем недавно жалобно просившему о мире, этого было мало.

Когда начался натиск Польши на Стефана Молдавского, Александр был вынужден поддержать своего брата. Этот факт не одобрили ни в Москве, ни в Крыму. Начиная с августа 1498 года, намечается определенное потепление в отношениях между русским правителем и Менгли Гиреем. Татары жаловались, что поляки и литовцы натравливают на Крым Шейх-Ахмеда и Большую Орду, Иван III отвечал, что будет как и прежде стоять против врагов крымчан, даже если это будут литовцы²⁸⁷. Александр же как будто ничего уже не видит и продолжает политику, несоответствующую подписанному мирному договору. Все чаще в Москву доходят доносы на пограничные ссоры с литовцами, и на всевозможные обиды, которые чинятся в Литве русским послам и торговцам. Наконец, последней каплей явилось письмо из Вязьмы от князя Бориса Тугени-Оболенского, который 30-го мая 1499 года сообщает, что дочь Ивана III принуждается в Великом княжестве Литовском к принятию католичества²⁸⁸.

²⁸⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1884. Т. 41. С. 262 – 276. Док. №58.

²⁸⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 273 – 274. Док. №57.

Теперь ни о каком возможном примирении и уступках со стороны Великого князя Московского уже нельзя было говорить, все его планы на мирное сосуществование с Литвой были пошли прахом, начались сначала дипломатические, а потом и реальные приготовления к предстоящей неминуемой войне.

Уверенность Ивана III в недобросовестности намерений Литвы подкреплялась сообщениями пограничных литовских князей, которые исповедовали православие и бежали из своих земель под предлогом, что их принуждают переходить в католическую веру. Среди «беглых» бояр встречаются такие знатные фамилии, как Бельские, Можайские, Мосальские и Шемятичи²⁸⁹. В Великом княжестве Литовском началась акция по насаждению католицизма среди православного населения государства. Обращение в католичество дочери Московского государя дало бы возможность воздействовать на православных жителей Великого княжества Литовского и успешнее агитировать их за принятие католицизма. Для Ивана III католизация Литвы означала не только притеснение православия на Западных границах Московского государства, но и потерю для Руси этих земель. Москва не оставляла надежды на возвращение всех исконно русских территорий. Если бы население этих земель было втянуто в католичество с иным мировосприятием, менталитетом и культурой, они были бы потеряны для Руси окончательно. Единственный выход уже немолодой Великий князь Московский видел только в новой более широкомасштабной войне.

4. Ход боевых действий

Провоцируя новый конфликт, Александр был уверен, что на этот раз не останется один. Он надеялся на поддержку братьев. Но Ян Ольбрахт затеявший молдавскую войну, после унижительного поражения и потери всей армии впал в глубокую депрессию. Многие исследователи отмечают, что польский король

²⁸⁹ Natalson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz.1. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego warszawskiego. T. 1, z. 3. Lwów – Warszawa 1922. S. 87.

провел весь следующий год исключительно предаваясь питию и разгульному образу жизни, совершенно отстранившись от всех прочих дел²⁹⁰. Ситуацию в Польском королевстве усугубил 1498 год, когда умер магистр Тевтонского ордена и началась длительная тяжба с получением новой вассальной присяги от Фридриха Саксонского. В сложившейся ситуации Ян Ольбрахт не мог обеспечить Александру серьезную военную или денежную помощь.

На Владислава II Венгерского действительно можно было рассчитывать. Он справился со своими основными проблемами, подписал мирное соглашение с французами, имел хорошие отношения с Римом. Но доверять Владиславу II было опасно. Этот с виду безвольный король, которого в самой Венгрии и за монарха-то не считали, был непредсказуем. Только что он боролся с Яном Ольбрахтом за польский трон, потом вдруг запросил семейного съезда в Левоче, фактически выступил против брата в молдавском походе поляков, затем инициировал военный союз против Турции.

С 1497 года Александр начинает искать союзников на Востоке, чтобы использовать их против крымских татар. Литовская дипломатия обратилась к давнему своему стороннику — ордынским татарам и их тогдашнему предводителю Шейх-Ахмеду²⁹¹. Между литовцами и потомками хана Ахмата устанавливается согласие, основанное на взаимовыгодных интересах борьбы с Менгли Гиреем. На широкомасштабную военную помощь с их стороны рассчитывать не приходилось, но нейтрализовать набеги татар на Литву и отвлечь внимания крымского хана было вполне под силу.

Тевтонцы вели скрытую борьбу против Польского короля и не стали бы помогать Ягеллонам. Ливонский орден тоже не выказал желания борьбы с Москвой, но в Риме были рычаги влияния на ливонского магистра Плеттенберга.

В предстоящую военную схватку с Москвой Александр вступает опять почти неподготовленным. На его стороне была сомнительная поддержка со

²⁹⁰ Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 2006. S. 57.

²⁹¹ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn. 5. Vilnius, 1993. С. 124. Doc. №73.

стороны Владислава II Венгерского, моральная помощь от Яна Ольбрахта и реальная, но не существенная от ордынских татар. Александр мог рассчитывать на Священный престол, но папа был слишком далеко, чтобы оказать сильное влияние на ход боевых действий.

На стороне Ивана III находился крымский хан Менгли Гирей, чья поддержка была не раз испытана в предыдущих конфликтах. Больше явных сторонников у Великого князя Московского не было. Союзные отношения с Молдавией практически сошли на нет после смерти Ивана Молодого в 1490 году. Хотя сын Елены Волошанки, царевич Дмитрий в 1498 году был объявлен наследником московского престола, при дворе Ивана III не утихали интриги. Софья Палеолог прилагала максимум усилий для закрепления на русском троне своих детей, что осложняло шаткое положение «молдавской партии» при великокняжеском дворе. Кроме того, Стефан Молдавский недавно пережил польское вторжение, которое хоть и закончилось успешным договором 1499 года и отменой вассалитета от Польши, однако, государство значительно пострадало и ресурсов для помощи Ивану III не было. Существовал имперско-московский договор о дружбе, но Максимилиана Габсбурга отвлекало множество дел, поэтому на военную помощь рассчитывать не приходилось. Как мы уже упоминали ранее, император смог фактически парализовать возможную помощь от других Ягеллонов, умело интригуя против Польши.

В апреле 1500 года Москва объявила войну Литве. Формальным поводом послужило усиление католического влияния в Великом княжестве Литовском. Имелись достоверные сведения о принуждении русских к переходу в католичество, о чем свидетельствовали беглые литовские князья, принятые в Москве. В каком-то смысле слова, данное военное столкновение можно рассматривать как проявление религиозной войны в восточноевропейском регионе. Боевые действия начались в мае 1500 года. Наступление по давней традиции шло в двух направлениях – на Смоленск через Вязьму и в сторону Чернигова, используя полученные в 1494 году территории как плацдарм для нападения. За лето русские войска взяли Брянск, Путивль, Торопец – это был

огромный прорыв в юго-восточную часть Великого княжества Литовского. Литовцы ничего не могли поделать, они проигрывали сражение за сражением, схватку за схваткой. Наконец, 14 июля 1500 года на реке Ведроше произошло столкновение двух армий. Небольшая речушка около Дорогобужа стала камнем преткновения для литовских войск под командованием князя Константина Острожского, который располагал сорока тысячами воинов. Московское войско под предводительством воеводы Даниила Щени было сопоставимо по численности. В начале битвы русский передовой полк мнимым отступлением заманил литовцев на противоположный берег реки, где они столкнулись с основными силами войска Щени. Затем москвичи, используя особый Сторожевой полк, ударили в тыл противнику.

Попавшие в западню литовские полки бросились спасаться бегством, потерпев сокрушительное поражение. Только убитыми они потеряли восемь тысяч человек. Большинство же попало в плен, в том числе и сам Острожский. Русские захватили всю литовскую артиллерию и обоз. Сражение на реке Ведрошь стало первой значительной победой русских в войнах с литовцами. Она имела огромное моральное значение, поскольку ясно показала, что грозной литовской армии времен Ольгерда и Витовта больше не существует. Этот день в Москве был объявлен праздничным²⁹².

К середине августа у литовцев отбили 15 городов: Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород-Северский и другие. Но война явно затягивалась. После поражения на реке Вердоше литовские полководцы предпочитали заниматься обороной городов и крепостей. Александр впервые запросил мира у Великого князя Московского.

²⁹² Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002. С. 147.

Глава 6. Первое венгерское посольство и попытка Ягеллонов примирить Литву и Москву

Подготовка посольства

После летней военной кампании 1500 года Великое княжество Литовское оказалось в проигрышном положении. Мало того, что русскими были захвачены обширные территории вплоть до Чернигова, июльское поражение литовцев под Ведрошей и концентрация вспомогательной московской армии в районе Великих Лук и Торопца ставили под удар оборону Смоленска. Союзник Ивана III крымский хан Менгли Гирей еще не приступил к боевым действиям, а татарские набеги на Литву могли еще больше усугубить общую ситуацию и угрожали центральной части государства. В данных обстоятельствах Александру был необходим мир или хотя бы временная передышка. Для этого он обращается к своим братьям за поддержкой.

В 1500 году Великий князь Литовский многократно просил военной помощи у Яна Ольбрахта. Из Польши не было никакого ответа, а враг все глубже продвигался на территорию Литвы. Александр начал обращаться за поддержкой к кому только мог: к Ливонскому ордену, Шейх-Ахмеду, Стефану Молдавскому, даже к Менгли Гирею. Везде был отказ, даже его союзник ордынский хан не спешил ввязываться в войну с Москвой.

В конце года пришел долгожданный ответ. Владислав II Венгерский, узнав о событиях в Литве, решил посодействовать брату. Еще со времен Матьяша Корвина у Москвы и королевства Святого Стефана были налажены дружественные отношения. Ни разу за последнее столетие венгры и русские не скрещивали оружия. Ягеллоны решили воспользоваться тем авторитетом, которым обладала венгерская дипломатия в Великом княжестве Московском, чтобы скорее и выгоднее прекратить конфликт Александра с Иваном III. 9-го января 1501 года в Москву прибывает «посольство от короля угорского и

чешского Владислава Казимировича с постельничим Матьяшем Чежелитским»²⁹³.

Кем являлся этот посол, нам доподлинно не известно. Вероятно, это был один из придворных Владислава II Ягеллона, в более позднем посольстве Сигизмунда Сантая он упоминается как благородный дворянин. Судя по фамилии, можно сделать вывод, что он имел польское происхождение, славянское имя Матвей в данном случае представлено омадьяренным Матьяшем. Посланец явно был доверенным человеком короля; Чежелитского Владислав II, возможно, привез с собой из Польши. В других посольствах его имя не встречается, так что венгерский король использовал Матьяша для особых поручений. Можно предположить, что он был сведущ в литовских делах и понимал русскую речь, так как имел сходное польское славянское происхождение.

1. Ход посольства

Матьяш Чежелицкий явился на Московский двор в сопровождении ранее отправленного в Литву русского посла Дмитрия Загряжского. Согласно заведенному обычаю, сначала посол передал Ивану III поздравления от Владислава II Венгерского, а затем предъявил верительную грамоту, написанную на латыни. После этого Чежелицкий держал речь перед государем, в которой сообщил основную цель своей миссии. С самого начала Ивану III было рассказано о тех бедах, которые в настоящее время терпит весь праведный христианский мир от турок. Упоминались разорения, которые были недавно нанесены «погаными» Стефану Молдавскому, другу и родственнику Великого князя Московского²⁹⁴. Владислав II просит русского государя проявить благоразумие, заключив с Великим князем Литовским новый мир. В противном

²⁹³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 300. Док. №65.

²⁹⁴ Там же. С. 303. Док. №65.

случае, венгерский король будет вынужден оказать своему брату любую помощь, которая будет в его силах²⁹⁵.

Здесь мы видим совершенно открытую угрозу со стороны старшего Ягеллона Ивану III. Это уже не просто дипломатическая риторика, а прямая попытка навязать Москве свою волю. Апелляция к борьбе христианского мира с неверными была призвана четко сигнализировать Великому князю Московскому, что в случае неповиновения он рискует навлечь на себя гнев других христианских государей и самого Папы Римского.

После этой аудиенции Чежелицкого пригласили на праздничный ужин к князю, там Иван III приказал «поить его» Михаилу и Даниилу Плещеевым²⁹⁶. Это был вполне традиционный метод русской дипломатии, с помощью таких посиделок и попоек у иностранных посланцев выведывали тайные поручения посольства. Доподлинно не известно, сболтнул ли чего-нибудь лишнего венгерский посол в тот вечер, тем не менее, в следующий раз Чежелицкий был призван ко двору только 20 января, то есть почти через неделю. В этот день ему огласили ответ Великого князя Московского на письмо Венгерского короля. Делали это два боярина – Юрий Захарьевич и казначей Дмитрий Владимирович. Волю своего государя они излагали поочередно, предваряя свои слова фразой «государь наш велел тебе говорить». Иван III излагает Владиславу II пункты заключения предыдущего мирного договора с Литвой 1494 года. Подробно перечисляются условия брака Елены Ивановны с Великим князем Александром, на это делается определенный упор, так как несоблюдение этих договоренностей привело, по мнению Великого князя Московского, к настоящей войне. Мало того, Великий князь Литовский не именуется своего тестя титулом «государь всея Руси», что также дает основание Москве говорить о невыполнении имеющегося соглашения. Среди преступлений Александра упоминаются: сговор с врагами Ивана III; подстрекание «поганных» идти воевать «земли христианские»; причинение бед русским купцам в Литве и

²⁹⁵ Там же. С. 303. Док. №65.

²⁹⁶ Там же. С. 303. Док. №65.

недопущение заграничных посольств в Москву через земли Великого княжества Литовского.

Анализируя послание Великого князя Московского, нельзя упрекнуть его во лжи. Все, что он перечисляет, находит подтверждение в посольских книгах и других исторических источниках. Иван III не желал мириться с открытым ущемлением своих прав, даже под угрозой военного вмешательства в конфликт венгерских сил.

Московская разведка в Литве, по-видимому, хорошо работала. В своих претензиях московский князь подробно описывает как именно склоняли Елену Ивановну к католической вере. К Великой княжне были подсланы владыка Смоленский, Виленский епископ и бернардинские монахи, которые вели с ней разного рода речи и уговоры.

Стоит подробнее остановиться на личности литовских агитаторов за католичество. Смоленский владыка – это Иосиф Солтанович, его история не так проста. 1 мая 1497 года от рук татар погиб митрополит Макарий, тогда Александр назначил митрополитом Киевским и всея Руси Иосифа, приверженца флорентийской унии²⁹⁷. На православную кафедру был поставлен послушный и управляемый человек, который лояльно относился к католичеству. С его помощью Великий князь Литовский и его советники планировали «незаметно» привить православному населению Литвы сначала униатство, а затем и католичество. Единство государства требовало религиозной унификации. После своего избрания Смоленский владыка Иосиф развернул широкую деятельность, поэтому ему было поручено провести «душеспасительные беседы» с новой женой Александра. Вторым поверенным был Виленский епископ Войцех, этот католический священник убеждал княжну в ничтожестве различий католической веры и православия. Бернардинцы, приверженцы строгого францисканского монашеского устава, были призваны показывать Елене идеал христианского смирения и благоразумия.

²⁹⁷ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. S. 32.

Если подробнее остановиться на бернардинцах, то станет очевидно, что опасения Ивана III относительно наступления католической веры на православных литовцев имели под собой серьезные основания. Бернардинцы появляются в Литве в 1468 году. Год спустя Казимиром IV был построен для них большой деревянный монастырь с церковью в честь Святых Франциска и Бернарда над рекой Вилейкой, близ королевской мельницы²⁹⁸. Новый виток распространения влияния и собственности этого ордена в Великом княжестве Литовском начинается с приходом к власти Александра Ягеллона. Старый отцовский монастырь он заменяет в 1500 году новым каменным, который был возведен подальше от мельницы, на том же месте, где он находится до сих пор. Так, для постройки православной церкви для Елены Ивановны на великокняжеском дворе у Александра не нашлось ни времени, ни денег, а для роскошного бернардинского монастыря все средства были открыты. В Гродно в 1494 году также была основана бернардинская обитель²⁹⁹. Война 1500 – 1503 года выгнала монахов из Гродно на пятьдесят лет, но попытка внедрения на эти, исконно православные земли, латинского монастыря была сделана. В 1498 году бернардинский монастырь построили в Полоцке, в 1504 году Александр, уже будучи польским королем, пожаловал виленским бернардинцам местечко Вудслав, или Буду, в старостве Марконском, в Минском уезде, где они возвели деревянный монастырь с церковью. Литовские бернардинцы оказали немалые услуги делу народного просвещения, содержа бесплатные уездные и приходские школы при монастырях. Такие школы были в Трашкунах, Датнове, Тельшах, Кретынге, Бенице, Будславе и Минске. Бернардинец является одним из самых популярных типов польско-литовского монашества, резко отличаясь от прочего чёрного духовенства. Он набожен и религиозен искренно, без фанатизма, нередко очень образован, хотя нисколько не старается выказывать свою богословскую мудрость, прост, откровенен и почти всегда весел, почему и

²⁹⁸ Баронас Д. Католичество и православие в едином пространстве Великого княжества Литовского, XV – нач. XVI в. // Религия и Русь, XV – XVIII вв. М., 2020. Стр. 20–32.; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890—1907). СПб., 1897. Т. 4. С. 112.

²⁹⁹ Там же. С. 112.

пользуется всеобщей любовью³⁰⁰. Добродушные аскеты вели подпольную работу по внедрению в сознание православного населения Великого княжества Литовского любви к католической церкви. Великому князю Московскому были не по душе мероприятия, которые проводил его зять с помощью бернардинцев.

Елена Ивановна не была главной целью для польский и литовских католиков, но являлась важным элементом в идеологической борьбе. Подобная же агитация велась и среди православных князей и бояр Литвы – если бы сдалась дочь Ивана III, то и им было бы не так зазорно перейти в католичество. Многие литовские князья не стали дожидаться этого «счастливого» момента и переметнулись на службу к Московскому государю. Но большое количество православных еще оставалось в Литве, и для них индикатором являлось поведение их Великой княжны, именно поэтому Иван III так настаивает на необходимости сохранения Еленой своего исконного вероисповедания. Для него этот вопрос является даже более важным, чем территориальные потери или приобретения в новой войне. Великий князь Московский открыто заявляет, что его не страшит угроза Владислава II, так как Александр творит неправо дело и нарушает договор. Если же Александр пришлет своих послов в Москву, то Иван III обещает поговорить с ними о мире, так как тяготится враждой с зятем.

После этих речей, русский поверенный в переговорах боярин Дмитрий Владимирович напоминает Владиславу II о русских купцах, которые по дороге из Константинополя подверглись нападению в Венгрии. Великий князь Московский просит короля разобраться в происшествии и возместить русским их убытки³⁰¹. Этот пассаж добавили, чтобы показать старшему Ягеллону, что к нему тоже есть претензии, которые Москва не собирается замалчивать из-за страха перед венгерской армией.

Далее идет речь относительно литовских пленных, которых Владислав II просил отпустить под свое поручительство. У бояр не было инструкций от

³⁰⁰ Там же. С. 113.

³⁰¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 305. Док. №65.

государя, что следует отвечать, поэтому был сделан перерыв. Ответ от Ивана III огласил посольский дьяк Андрей Майко: на Руси нет такого обычая, чтобы отпускать пленных под чье бы то ни было поручительство.

Матияш Чежелицкий просил отправить в Венгрию русского посла, предлагая взять на себя расходы на поездку до Буды. Это говорит о желании Владислава II установить контакты с Иваном III.

В самом конце посольства венгерский дипломат удостоился личной аудиенции у Ивана III, это было демонстрацией расположения Московского государя к Венгерскому королю. Великий князь благодарил за посольство. Тем не менее, своего посла в Венгрию Иван III не отправил, несмотря на просьбу Чежелицкого.

На следующий день дьяк Майко принес венгру списки речей и ответов русской стороны. Для сопровождения Чежелицкого на обратном пути был выделен отряд из 24 конных всадников. 22 января миссия венгра была выполнена, и он покинул Москву.

* * *

Говорить о позитивных результатах венгерского посольства трудно. Угрозы вступления Венгрии в войну не произвели в Москве должного эффекта. Иван III не побоялся высказать свое недоумение и презрение относительно подобных угроз. Просьба Матияша Чежелицкого отправить вместе с ним в Буду русского посла, осталась неудовлетворенной.

Вины посла в таких результатах миссии нет. Иван III чувствовал свое превосходство. Только что было блестяще выиграно сражение под Ведрошей, значительная часть территории Литвы находилась в руках русских и даже дорога на столь желанный Смоленск была открыта. Зачем в подобной удачной ситуации слушать эфемерные угрозы? Всю нереальность заявлений Владислава II Венгерского прекрасно понимали в Москве. Он бы не стал мешкать, если бы имел возможность повлиять на ход боевых действий в Великом княжестве Литовском. У Владислава II хватало проблем из-за бесконечных споров венгерских магнатов, турки стояли у самых границ. Кроме того, Максимилиан

Габсбург отреагировал бы на любую попытку объединения и усиления Ягеллонов. Заявления венгерского короля о военной помощи Александру напоминали обычную риторику.

2. Польское и литовское посольство в Москву 1501 года

21 февраля 1501 года, спустя месяц после отъезда Чежелицкого, к Великому князю Московскому прибывают два посла. Один от Великого князя Литовского Александра – Станислав Нарбут, другой от польского короля Яна Ольбрахта – Олехно Скорута. Это двойное посольство примечательно не только тем, что в Москву вместе приехали два посла от двух разных государей (литовец намеренно дожидался в Смоленске Скоруту, чтобы с ним въехать на московский двор³⁰²), но и тем фактом, что в польской историографии это посольство считается первым между Польшей и Россией.

К тому времени уже имелась долгая традиция дипломатических отношений Москвы с Литвой. Когда Литовский князь становился польским королем, посольства официально продолжали отправляться от Великого княжества Литовского. С оформлением единого Польско-Литовского государства раздвоенность дипломатии сказалась на работе канцелярии этих двух субъектов одной страны. Польская Коронная метрика содержала сношения Речи Посполитой с Западом, все делопроизводство в ней велось на латинском языке, а Литовская метрика хранила все посольства на Восток, будь то Русь или Персия, записи в этой книге делались на старославянском.

После вручения верительных грамот первым взял слово польский посол Олехно Скорута. Первая часть этого посольства в русских источниках сохранилась плохо, а в польских и литовских документах церемониал посольства не записывали. В нашем распоряжении находятся лишь отрывочные фрагменты вступительной речи, но имени оратора там нет. Исходя из анализа текста и более позднего ответа Великого князя Московского Скоруте, можно утверждать, что первые слова были произнесены именно польским послом. Это

³⁰² Там же. С. 308. Док. №66.

имеет значение, так как в дипломатическом этикете, как правило, первым давали слово представителю наиболее уважаемого и важного государя. В данном случае, из связки Польша-Литва, польскому посланцу был отдан паритет. В своей речи Скорута передал, что Ян Ольбрахт сожалел о случившемся конфликте между Литвой и Москвой, просил как можно скорее заключить мир, чтобы прекратилось разорение и кровопролитие в вотчинных землях Ягеллонов.

Затем говорил литовец Станислав Нарбут³⁰³. От лица Великого князя Литовского он категорически отрицал все претензии, которые ранее предъявила венгерскому послу русская сторона (и многократно высказывал Иван III в письмах к Александру Ягеллону). Нарбут высказывает ответные обвинения в сторону Москвы и жалуется на наговоры литовских предателей-перебежчиков, при этом отрицая очевидные факты. О титуле Ивана III – «государь всея Руси», Александр заявляет, что никакого уговора относительно этого не было, и писал он в документах всегда так, как было еще при его отце, Казимире IV, никакой вины своей он не видит³⁰⁴. Попытки перекрещения Елены объявляются ложью, хотя достоверно известно, что такие мероприятия проводились. Папский престол, например, был осведомлен об этой ситуации и настаивал на обращении дочери Ивана III в католичество. В письме на имя Виленского архиепископа от 1501 года папа Александр VI требовал применения самых крайних мер: "Пускай великий князь, — говорит он, — изгонит от своего ложа и из своего дома строптивую супругу. А приданое будет конфисковано"³⁰⁵. Литовский посол отмечает, что вся ответственность за войну целиком лежит на Великом князе Московском, так как он начал ее безосновательно.

После выступления Нарбута было решено сделать перерыв. Послов кормили и поили по заведенной традиции.

³⁰³ Там же. С. 311. Док. №67.

³⁰⁴ Там же. С. 312. Док. №67.

³⁰⁵ Пирлинг П.О. Россия и папский престол. М., 1912. Т.1. С. 282.

Помимо задания к Великому князю Московскому, литовец имел при себе письмо от Трокского воеводы, Яна Юрьевича к боярину Якову Захарьичу³⁰⁶. На следующий день после великокняжеского приема эта грамота была доставлена получателю с одним из людей Нарбута. В письме литовский дворянин просил Захарьича посодействовать в установлении мира между Литвой и Русью. Оба придворных ранее состояли в переписке, относительно сватовства Александра Ягеллона к дочери Ивана III, поэтому в Литве решили использовать проверенный контакт. На следующий день, 23 февраля, к Якову Захарьичу прибыл сам литовский посол³⁰⁷.

27 февраля послы снова собрались при дворе Ивана III. Известные нам по венгерскому посольству казначей Дмитрий Владимирович и дьяк Андрей Майко, дьяки Василий Кулешин и Болдырь Паюсов поочередно огласили ответ Великого князя Московского³⁰⁸. Сначала внимания удостоился посол Скорута; сообщение русской стороны Яну Ольбрахту практически полностью повторяет выступление русских бояр перед венгерским посланцем Чежелицким. Перечисляются те же «преступления» Александра, приводятся совершенно идентичные формулировки и эпитеты. Даже угроза Польского короля выступить на стороне брата, если ситуация не изменится, получила точно такой же ответ, как и заявление Владислава II.

Далее последовала отповедь литовскому послу Станиславу Нарбуту. Русская сторона выражала свое полное недоумение относительно слов Александра, будто бы он ничего не нарушал и неукоснительно следовал всем положениям соглашения 1494 года. Иван III перечисляет все, что, по его мнению, преступил Великий князь Литовский, но особое беспокойство русской стороны вызывает ситуация с православным населением в Литве. Московский государь пеняет Великому князю Литовскому на то, что на исконно

³⁰⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 313. Док. №67.

³⁰⁷ Скорее всего, 21-ого февраля на вечерней трапезе у Великого князя иностранных послов по традиции напоили, и они были не в состоянии совершать поездки на следующий день. Поскольку доставить письмо Захарьичу требовалось в кратчайшие сроки, то Нарбут решил отправить его со своим человеком, а на следующий день был у боярина лично.

³⁰⁸ Там же. С. 314. Док. №67.

православных землях Литвы строятся католические церкви и монастыри, народ силой принуждают перекрещиваться – все это, по мнению Ивана III, недопустимо³⁰⁹. Москва считает основной причиной военного столкновения религиозное наступление католической веры на православие. Возможность мира не отрицается Иваном III: если будет желание Александра, то Великий князь Московский не отказывается от заключения нового договора.

После выступления русской стороны слово вновь взяли польский и литовский послы. Они заверили Ивана III в готовности братьев-Ягеллонов выступить в роли посредников между Москвой и Литвой для скорейшего прекращения кровопролития. Если Александр будет мешкать и тянуть с мирным посольством, то Владислав II и Ян Ольбрахт обязуются отказать ему в помощи.

Бояре дали ответ, что все доложат Ивану III. Напоследок польскому послу Скоруте напомнили об инциденте, который произошел с русскими послами, ехавшими к Папе Римскому. Дмитрий Ларев и Митрофан Карачаров были задержаны в Польше во время транзитного проезда, после восьминедельного заточения посланцев отпустили, но взяли с них солидный выкуп соболями и золотом. Бояре говорят, что такого отношения к послам нет ни в одной стране. Скоруте сообщают, что не собираются мстить ему за эти унижения, так как Иван III не желает нарушать посольского обычая. При отсутствии прямых дипломатических связей, между Польшей и Москвой естественно возникали недопонимания. Это свидетельствует о том, что к началу XVI века назрела необходимость прямых официальных контактов между соседними государствами.

Литовскому послу напомнили о тех неправдах, которые творятся на Литве русским купцам, и просили разобраться в этой ситуации.

На этом аудиенция у Великого князя Московского была закончена. Обедал Нарбут у Якова Захарьича, где провел вечернюю трапезу поляк не указано, но скорее всего на том дворе, где его разместили.

³⁰⁹ Там же. С. 318. Док. №67.

Следующая встреча произошла только 1-ого марта. На ней договорились о приезде в Москву великих послов³¹⁰ от венгерского, польского и литовского государей для ведения мирных переговоров. Скорута и Нарбут взяли на себя обязательство говорить от имени венгерской стороны, хотя Венгрия – отдельное королевство. В данном случае смешиваются понятия национальной и династической дипломатии, где представители одного рода могут поручиться и сделать заявление от имени отсутствующего члена фамилии, и не важно, что Владислав II являлся монархом независимого государства. Русская сторона воспринимает это абсолютно нормально, не усматривая никакого нарушения заведенных международных норм. Этот факт иллюстрирует, что в начале XVI века понятие национальных государств еще не освободилось от феодального представления государства как вотчины монарха и династии.

В тот же день состоялась встреча послов с Иваном III, где были переданы приветствия Александру и Яну Ольбрахту. В посольских книгах отмечено, что московский государь не подал послам вина и руки и отпустил их до обеда. Такое завершение посольства должно было дать понять, что Иван III не доволен речами и поведением польской и литовской стороны. Факт, что отвечали послам на всех аудиенциях только один казначей и три дьяка, демонстрировал неуважение к этой дипломатической миссии. Посольский ритуал всегда имел очень важное значение. Даже в настоящее время, казалось бы далекое от Средневековой церемониальности, в международных отношениях следят за четким соблюдением дипломатического протокола. Конец XV века — это начало возникновения дипломатической службы как таковой. Мельчайшие тонкости как принятие послов, время их ожидания, персоны принимающие иностранцев и др. — все это сигнализировало о степени взаимного уважения между государствами.

После того, как послы вышли от Великого князя, их догнал дьяк и сказал, что они могут увидаться с пленными, как до этого многократно просили. Что они и сделали.

³¹⁰ Послы, обладающие значительными полномочиями, в том числе правом ведения мирных переговоров.

На следующий день литовец Нарбут получил ответ от Якова Захарьича, боярин заверил, что выступает за мир между Москвой и Литвой. В подтверждение своих слов он отправил Михаила Коростылева в Вильно к Яну Юрьевичу. В грамоте от Захарьича говорилось, что рада Великого князя Московского исстари хотела мира с Литвой, и чтобы литовцы тоже пеклись перед Александром о мире между двумя государствами. Помимо этого у Коростылева была при себе тайная инструкция. Он должен был узнать в Литве имена погибших в войне знатных людей, наличие у Александра наемных заграничных солдат, где они размещаются и откуда прибыли. Его миссию можно свести к шпионской деятельности, которую в принципе вели все послы от всех государств, когда прибывали в другую страну.

* * *

Подводя итоги мирным посольствам Ягеллонов, можно заключить, что миссии проходили сложно и неровно. Между Москвой и Литвой имелось множество взаимных претензий, но было принято важное решение о посылке в Москву Великих послов для заключения мира. Поведение русской стороны свидетельствовало, что Иван III не собирается идти на уступки, он четко осознавал свое преимущество в конфликте и не собирался упускать выгодную ситуацию. Факт более удачного военного положения Москвы оправдывает ее вальяжность и неторопливость в вопросах мирного урегулирования.

Глава 7. Развитие боевых действий и международной обстановки после первого венгерского посольства

1. Боевые действия и новые коалиции

К началу марта 1501 года польские и литовские послы покинули Москву. Предстояло ожидание новых дипломатических миссий и переговоров о мире с Александром. Великий князь Литовский не собирался сидеть сложа руки и смотреть, как один за другим захватываются и осаждаются его города. В Москве понимали, что возможен подвох со стороны литовцев, поэтому в Вильно отправили «разветчика» Михаила Коростылева.

Тон письма Александра Владиславу II Венгерскому, в котором он благодарит старшего брата за посольство в Москву, пропитан не стремлением к миру, а попыткой найти новых союзников против Ивана III. Заново перечисляются все обиды, которые были причинены Литве русскими, очень много говорится о необходимости защиты христианской веры и о том, что ей грозит гибель. Эти заявления Великого князя имеют две плоскости: с одной стороны, призыв к защите христианства можно расценивать как указание на тот факт, что Иван III натравливает на Литву мусульман, крымских татар, с другой стороны, здесь речь может идти и о католической вере и наступлении на нее в восточных частях Литвы. В любом случае, это не было похоже на сообщение от человека, который хочет мира, общий тон скорее говорит о желании скорейшего реванша³¹¹.

Привлечение новых союзников началось еще до возвращения послов в Великое княжество Литовское. К.В. Базилевич отмечает, что переговоры Александра с немцами³¹² о заключении союза были, по-видимому, закончены к началу марта 1501 года³¹³. В 5-ой книге Литовской Метрики под 1501 годом сохранился документ, в котором Великий князь Литовский оповещает Магистра

³¹¹ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. S. 184 – 185. Doc. №112.1. (1500 год)

³¹² здесь имеется в виду Ливонский орден

³¹³ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 473.

Ливонского ордена о своей готовности заключить с ним военный договор и просит ратифицировать его³¹⁴. Там нет четких планов совместного военного выступления, но это вполне логично, так как подобная информация была секретной, и ее не записывали в канцелярских книгах. До августа 1501 года никаких крупных военных мероприятий магистр Плеттенберг не предпринимал. Это можно объяснить тем, что официальной датой военного договора Литвы и Ливонии является 21-ое июня 1501 года³¹⁵. Соглашение было составлено сроком на десять лет. В планах предполагалось в кратчайшие сроки объединить литовскую армию с войсками Ордена Девы Марии для совместной атаки на Великое княжество Московское, но в случае если русские нападут на армии до их слияния, то разрешались самостоятельные боевые маневры.

Почему магистр пошел на это соглашение с Ягеллонами вопреки воле тевтонцев и Максимилиана Габсбурга, ведь именно они являлись официальными сюзеренами Плеттенберга? В 1501 году папа Александр VI обратился с воззванием к ливонцам оказать военную помощь Литве³¹⁶. Откровенно пойти против Рима глава монашеского ордена, видимо, побоялся. Таким образом Александр заручился поддержкой рыцарей, чем вызвал гнев Максимилиана Габсбурга³¹⁷ и доставил много неприятностей Ивану III.

Одновременно с этим активизировался и еще один союзник Великого княжества Литовского – Большая Орда. Шейх-Ахмед начал активные боевые действия против Москвы. Между Ягеллоном и Ордой велась оживленная дипломатическая переписка с самого начала русско-литовской войны, результатом этого явилось успешное военной наступление степняков на южные области Великого княжества Московского в 1501 году. Литовская Метрика сохранила свидетельство о состоявшемся военном походе в земли Русского

³¹⁴ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. S. 168 – 170. Doc. №101.

³¹⁵ Ibidem. S. 238 – 244. Doc. №126.

³¹⁶ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. S. 38.

³¹⁷ Wiesflecker, Hermann. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Band III. Auf der Höhe des Lebens. 1500–1508. Der große Systemwechsel. Politischer Wiederaufstieg. Verlag für Geschichte und Politik. Wien, 1977. S. 313.

государства и занятии ордынцами городов Новгорода Северского, Рыльска и Стародуба³¹⁸.

Великий князь Литовский предпринял попытку перетянуть на свою сторону Менгли Гирея, но безуспешно. Хитрый крымчанин путал Александра своими пространными ответами, не говоря ни да, ни нет. Великим князем Литовским были отправлены посольства к Стефану Великому, в надежде, что молдаване присоединятся к антирусской коалиции. Но в Сучаве не торопились принимать чью-либо сторону. Стефан предпочитал выжидать удобный момент для реализации своих собственных планов.

Ивану III необходимо было усилить позиции в новых обстоятельствах. Искать союзников, откровенно говоря, было уже негде, оставалось активизировать уже имеющихся. 11-ого марта 1501 года, практически сразу после отъезда из Москвы литовского и польского посланцев, Великий князь отправляет боярина Федора Ромодановского в Крым к Менгли Гирею³¹⁹. Основной его целью было уговорить татар идти воевать Литовские земли, но по несчастному совпадению русский посол попал в плен к ордынцам. Иван III не останавливается на этом и в мае 1501 года посылает с гонцом свою грамоту к Ивану Мамонову, предыдущему послу, который еще находился при Крымском хане. Этот дипломат через два месяца отправил в Москву подробный отчет о всех событиях, которые происходили в ставке Менгли Гирея. Здесь и сообщения о приезжавших литовских послах, и сведения о готовящемся походе на Шейх-Ахмеда, и то, что Александр в Польше собирает наемников для войны с Москвой, и многое, многое другое³²⁰. Мамонов также дает ценные сведения относительно международной обстановки, владея которыми в Москве могли более четко рассчитать свою дальнейшую стратегию во взаимоотношениях с Александром Ягеллоном. Посол сообщил, что турецкий султан писал Менгли Гирею, что в настоящее время готовится к войне с Венгрией, что он уже

³¹⁸ Lietuvos metrika (1427–1506). Kn.5. Vilnius, 1993. S. 170. Doc. №102.1 – 102.2.

³¹⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1884. Т. 41 (Хан и Крым). С. 339 – 347. Док. №70.

³²⁰ Там же. С. 347 – 353. Док. №71.

несколько раз ходил с военными походами в Италию и в земли короны Святого Стефана, захватил там несколько городов и ушел обратно. Теперь итальянцы, венгры и молдавский господарь хотят объединиться против Порты, и все внимание султана Баязида II приковано к этому³²¹. Исходя из полученной информации, Иван III мог не опасаться, что Владислав II будет оказывать помощь Великому княжеству Литовскому, так как у него попросту не было для этого ни свободных денег, ни людей.

Ивану III ничего не оставалось, кроме как занять выжидательную позицию. Необходимо было понять, что собирается предпринимать противник. Если на первом этапе войны Александр был в одиночестве, на стороне русского войска был элемент неожиданности, то теперь Великий князь Литовский начал основательную подготовку к противостоянию с Москвой. Дальнейшее продвижение на Смоленск в такой ситуации было очень опасным, так как русская армия могла оказаться зажатой в тиски противника. Самым разумным было подождать маневров Ягеллона.

По роковому стечению обстоятельств 17 июня 1501 года умирает король Польши Ян Ольбрахт, и этот факт изменил ситуацию. Теперь внимание Александра полностью переключилось на получение короны своего брата, а на стороне Литвы могла оказаться вся мощь Польши.

2. Избрание Александра польским королем. Конфликт с Владиславом II

Казалось бы, сильному и молодому польскому королю было суждено большое будущее, ту беспримерную активность и энергию, с которой Ян Ольбрахт брался за любое дело, отмечали многие его современники. Но «несчастливый» король был несчастлив до самого конца своей жизни, он внезапно умер в Торуне в июне 1501-ого года³²². Для всех это стало полной неожиданностью, в том числе и для Великого князя Литовского Александра.

³²¹ Там же. С. 357. Док. №72.

³²² Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 2006. S. 198.

Возможно, что эта смерть явилась судьбоносной для всего семейства Ягеллонов. После Яна Ольбрахта осталось много неразрешенных проблем: война Литвы с Русью, проблемы с присягой Тевтонского ордена, военная угроза со стороны османов, наконец, перманентные финансовые трудности в Польском королевстве, возникавшие из-за постоянных военных авантюр энергичного короля Яна Ольбрахта. И все это требовало немедленного решения.

Литовский князь сконцентрировался на получении польской короны. Уже 25 июня, спустя неделю после кончины брата, Александр отправляет письмо кардиналу Фредерику с просьбой поддержать его кандидатуру на готовящемся элекционном съезде³²³. Не дождавшись ответа, он посылает Петра Дунина к брату-прелату, чтобы тот лично хлопотал перед ним об избрании на польский трон князя Литовского³²⁴. Но неожиданно в борьбу вновь ввязался Владислав II Венгерский: его, как и прежде, продолжали беспокоить дела, происходящие в Кракове. На этот раз он решил выдвинуть на престол кандидатуру младшего брата Сигизмунда.

Владислав II хотел контролировать исконные земли Ягеллонов, если не лично, то через брата. Сигизмунду не досталось никакого трона, он был вынужден постоянно просить содержания у своих старших братьев, которые пытались сбросить с себя эту миссию. Все, кроме Владислава II, который связывал с ним большие надежды. Долгое время Сигизмунд находился при королевском дворе в Буде. Он не был безвольным человеком, что покажет последующее правление Сигизмунда на польском и литовском троне, но тогда он полностью зависел от старшего брата. Владислав II считал, что Сигизмунд будет его послушной марионеткой на польском престоле. Сейчас же кардинал Фредерик Ягеллон, властный и изощренный политик, цепко держал в своих руках все нити управления Речью Посполитой. К нему обратился Александр, прося помощи в своих претензиях на польскую корону.

³²³ Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1927. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. S. 3 – 4. Doc. №4.

³²⁴ Ibid. S. 4. Doc. №5.

В начале июля 1501 года Великий князь Литовский наконец-то получает письмо от своего брата Фредерика, в котором тот извиняется за столь длительное молчание и заверяет в своей искренней дружбе и расположении³²⁵. Это означало, что Александр может рассчитывать на его поддержку в предстоящих выборах. Как и Владислав II, Фредерик хотел поставить на польский престол послушную фигуру, и самой подходящей кандидатурой был нынешний литовский правитель. Александр занятый литовскими проблемами практически совсем не знал той сложной ситуации, в которой находилась Польша в начале XVI века. Всемогущие канцлеры, в числе которых была такая неординарная личность как Ян Лаский, во главе с Фредериком могли полностью контролировать ситуацию в стране при правлении «сговорчивого» короля. Можно было не опасаться новых авантур, как при Яне Ольбрахте, или каких-то необдуманных поступков; Александр был человеком ведомым. Именно при нем оформились важнейшие привилегий польской шляхты, такие как краеугольный камень шляхетской вольности, закон «*nihil novi*»³²⁶.

Продолжая свои хлопоты, связанные с получением присяги от магистра Тевтонского ордена, Фредерик начинает руководить подготовкой к выборам нового монарха. В Коронной метрике сохранилось множество его писем, посвященных вопросам элекционного сейма.

1501 год – война с Москвой в самом разгаре, но Александр полностью переключает свое внимание на Запад. Союзники были брошены Литовским государем практически на произвол судьбы. Прекращается переписка с Русью, хотя существовали договоренности о посылке для мирных переговоров Великих послов. Потеряв всяческое терпение, русская сторона 4 декабря 1501 года отправляет в Литву грамоту, в которой пеняет, что обещанные послы все еще не прибыли в Москву³²⁷. Александр также перестает переписываться с

³²⁵ Ibid. S. 6. Doc. №7.

³²⁶ *Nihil novi* — лат. Ничего нового. По этому закону, принятому в польском сейме и одобренном Александром в 1505 году, король не мог провести ни одного закона без единогласного одобрения сейма.

³²⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 331 – 333. Док. №69.

Ливонским орденом и Ордой. Время для паузы было явно не подходящее. В тот момент в войне должен был произойти перелом, все козыри были на руках у литовцев.

Борьба за польскую корону в самом разгаре. Владислав II активизируется и отправляет своего человека в Польшу, вероятно, с целью уговоров и подкупа выборщиков. Кардинал Фредерик направил к королю Владиславу II Петра Мышковского и Миколая Врублевского, которые должны были убедить венгерского короля не поддерживать кандидатуру Сигизмунда и самому отступить от польского трона³²⁸. Но в Буде решили не менять тактики. В итоге всех интриг, 3 октября 1501 года польским королем был выбран Александр Ягеллон. Коронацию назначили на 12 декабря, поэтому о московских делах «забыли» вплоть до начала 1502 года.

Кардинал Фредерик отправляет Владиславу II своего канцлера Яна Лаского с заверениями, что он пытался сделать на элекционном сейме все возможное, но мнение шляхты было единодушным – они хотят видеть своим монархом Великого князя Литовского³²⁹. Конечно, это было лукавством. Примечательно, что в начале Актов Александра содержится необычайно большое число поздравлений по поводу удачного избрания Александра королем со стороны Римской курии. Поздравляют кардинал Ян Барт де Урсинис, архиепископ капуанский Ян, венгерский легат Петр из Реджио, который сообщает, что «вся римская курия была обрадована его избранием». В Риме в тот момент находился деятельный литовский посол Эразма Циолка, отправленный к Папе 31 марта 1501 года³³⁰. Такая поддержка Рима была не случайна, учитывая обстоятельства, при которых разгорелась война между Москвой и Литвой.

³²⁸ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. S. 46.

³²⁹ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1927. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. S. 27 – 28. Doc. №30.

³³⁰ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. S. 52.

3. Война на два фронта

Все внимание Александра было сосредоточено на получении польского престола, а в это время на востоке шла война. С конца лета 1501 года начинается обострение на московском театре боевых действий. Армия Ивана III оказалась в трудном положении. Пока Менгли Гирей продолжал выжидать, ливонцы перешли к активным действиям на севере страны, а Шейх-Ахмед устроил набег на Южную Русь. Об осаде Смоленска не стоило и помышлять.

В августе Ливонский орден приступил к атаке, которую надо было остановить. Сражение произошло 27 августа 1501 года на речке Сирице, в районе Изборска. Русскими войсками руководили князья Василий Шуйский и Пенко Ярославский (40 тыс. чел.), ливонским войском командовал магистр Плеттенберг (10–12 тыс. чел.). Несмотря на значительное численное превосходство, русские не располагали достаточным количеством огнестрельного оружия. Немцы имели хорошую артиллерию и опытных пушкарей, что решило исход битвы. От меткого и частого огня московское войско бежало с поля боя. После победы немцы осадили Изборск, который отразил приступ. 7 сентября ливонцы сожгли крепость Остров, уничтожив там четыре тысячи человек. Однако вскоре в ливонском войске началась массовая дизентерия, заставившая Плеттенберга (он также заболел) прекратить поход и вернуться домой³³¹. Проигрыш сражения, обернулся большой удачей для войск Москвы.

В ответ на нападение ливонцев на Изборск и Остров Иван III послал против них рать во главе с воеводой Даниилом Щеней, который был автором блестящей победы над Ведрошей. Тот вторгся в Ливонию, но рыцари избегали открытого боя и укрылись в крепостях. Наконец, 18 октября под Гельмедом магистр Плеттенберг совершил неожиданное ночное нападение на войско Щени. Первым в бой с ливонцами вступил авангардный отряд князя Оболенского, который геройски погиб в схватке, но отразил первый натиск. Тем временем русские успели оправиться и ответным ударом обратили рыцарей в

³³¹ Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002. С. 50.

бегство. Щеня преследовал ливонцев 10 верст и нанес им значительный урон. Полк епископа Дерптского был полностью истреблен. По словам летописи, у него не осталось даже гонца, чтобы принести эту печальную весть. После победы под Гельмедом Щеня совершил рейд по Ливонии вплоть до Ревеля (Таллина), а затем повернул обратно. Отсутствие у русских опыта взятия мощных каменных крепостей и необходимой осадной артиллерии не позволило им добиться более значительных успехов³³².

Этой победой ливонская армия была фактически уничтожена, так что к концу 1501 года опасность с северной стороны была предотвращена. Отчасти поэтому в июне 1502 года, в следующий военный сезон, Москва решилась на осаду Смоленска. Анализируя поражение ливонцев в войне, можно констатировать, что вина за это во многом лежит на плечах Александра. По условиям июньского литовско-ливонского военного договора предполагалось соединение немецких и литовских войск, Ягеллон, увлекшись гонкой за польскую корону, оставил Плеттенберга на произвол судьбы. Если в первый раз под Изборском ливонцы смогли выстоять против превосходящего численностью русского войска, то на вторую схватку ни сил, ни людей не осталось.

Обстановка на юге Руси была беспокойной. Летом 1501 года ордынцы захватили и сожгли несколько южных русских городов, на что Иван III пеняет Менгли Гирею, так как это случилось после его ухода в Крым. Затем началась длительная степная война между ордынцами и крымчанами, в ходе которой удача оказалась на стороне союзников Ивана III. 17 июня 1502 года Менгли Гирей сообщает, что одержал полную победу над Шейх-Ахмедом³³³.

Теперь у Москвы были развязаны руки для осуществления давнего плана – возвращения Смоленска. С июля по октябрь 1502 года продолжалась осада этого стратегически важного города. К сожалению для русских войск – неудачно. Некоторым утешением послужила только взятая Орша. Иван III

³³² Там же. С. 51.

³³³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1884. Т. 41 (Хан и Крым). С. 416 – 422. Док. №83.

просил Менгли Гирея идти на Киев, Слуцк, Туров, Пинск и Минск³³⁴, но реальность такого похода была маловероятной. Русским войскам в военную компанию 1501/1502 года пришлось сражаться на два фронта, так что несмотря на неудачу под Смоленском, ситуации была положительной. С избранием Александра Польским королем все могло измениться.

Выгоды Александра от получения престола не были однозначными. Новый монарх приобрел вдвое больше проблем. Помимо противоречий существовавших в Литве, включая войну с Москвой, на Александра свалились все польские проблемы. Первым ударом явилось то, что шляхта отказалась давать деньги на ведение московской войны³³⁵. Польша тяжело страдала от татарских набегов.

Татарскую угрозу Ягеллон постарался решить с помощью дипломатии и обращения к Порте. К Баязиду II направились послы, и в 1502 году ко двору Александра прибыл ответный турецкий посланник³³⁶. Согласия достигли на удивление быстро, и 9 октября 1502 года Баязидом II в Константинополе был подписан 5-летний мирный договор с Польшей. Наметился серьезный поворот в дипломатии Ягеллонов: если при Яне Ольбрахте все надежды династия связывала с новым крестовым походом против Турции, то теперь противостояние с османами не рассматривалось как первостепенная внешнеполитическая задача.

Главной проблемой для Польши стали тевтонцы. Для подчинения немецкого ордена нужны были свободные ресурсы, которые поглощала война с Москвой. Кроме того, Стефан Молдавский, занимавший до этого выжидательную позицию, вновь активизировался, понимая всю сложность положения новоизбранного польского монарха. Как результат – аннексия Стефаном пограничного Покутья в 1502 году³³⁷. Александр осознал

³³⁴ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 500.

³³⁵ Papée F. Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. S. 62.

³³⁶ Historja dyplomacji polskiej. W., 1980. T. 1. S. 557.

³³⁷ Ibid. S. 558.

необходимость подписания мирного договора с Москвой. Преимущество Литвы, которое было на начало 1501 года, сейчас растворилось. Конфликт исчерпал себя, но война не давала возможности приступить к решению более серьезных внутренних и внешних проблем.

Глава 8. Второе венгерское посольство Владислава II Ягеллона в Москву 1502 года

Причины

29 декабря 1502 года в Москву прибывает посольство под начальством Сигизмунда Сантая³³⁸. Формально венгр был послом Владислава II, но имел поручение и от Папы Римского. Польский король и Великий князь Литовский Александра также снабдил посла своими инструкциями³³⁹. Подобный синкретизм посольских функций не был уникальным в начале XVI века, достаточно вспомнить миссию Николая Розенберга на Рейхстаг Священной Римской империи или более позднее посольство в Россию Сигизмунда Герберштейна, который, будучи имперским послом, имел поручение от польского короля Сигизмунда Старого. Посольство Сантая представляет наглядный пример эпохи зарождения дипломатической службы, венгерский посол представлял интересы не только трех государств, но был посланником одновременно светских и духовных властей.

После первого польско-литовского посольства 1501 года обстановка на театре боевых действий изменилась. Преимущество, которым до этого владела русская сторона, было утрачено; всю инициативу перехватил Александр Ягеллон, в первую очередь, благодаря умелой дипломатии. Но внезапная смерть польского короля Яна Ольбрахта, изменила планы Великого князя Литовского, который бросил на произвол судьбы своих новых союзников, увлекшись гонкой за польский престол. Ивану III в сложившихся обстоятельствах удалось в корне изменить расстановку сил на поле боя, из-за чего к середине – второй половине 1502 года военное преимущество русских было восстановлено. Литовская сторона не только упустила удачный момент для перехода в наступление, но и отчасти потеряла доверие своих партнеров по антирусской коалиции. После избрания Александра польским королем, на него обрушился целый ворох новых

³³⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 341 – 362. Док. №73.

³³⁹ Liber legationum, 1. fol. 48r.

проблем. В сложившейся ситуации Ягеллону было необходимо как можно скорее развязаться с московскими делами и приступить к решению более важных для польского королевства вопросов.

В этот момент на помощь Александру приходит его брат Владислав II, нуждавшийся в присоединении Польши к антитурецкой коалиции. Венгерский король многократно призывал европейских монархов к скорейшему объединению против Порты. С каждым годом османы все ближе подбирались к венгерским границам, угрожая целостности государства. Но европейские правители не были заинтересованы в конфликте с турками, война в Италии была в центре международной повестки в начале XVI столетия. Тогда Владислав II решает привлечь к антиосманской деятельности своего брата Александра. Однако Польша и Литва должны были освободиться от войны с Москвой для эффективной совместной деятельности.

Вторым «посыльным» дипломатической миссии Сигизмунда Сантая являлся Папский двор. В Риме уже несколько лет удачно работал видный политический деятель Великого княжества Литовского, Эразм Циолек, многое сделавший для сближения Папы Александра VI с Ягеллонами. Это сотрудничество было взаимовыгодным, так как Риму был необходим денежный и военный потенциал Польши для борьбы с турками, которые начали прорываться на Апеннинский полуостров. Хотя Папский престол был известен своей изощренной дипломатической игрой, Рим то создавал коалиции, то внезапно предавал их, но в отношении Ягеллонов папа старался придерживаться последовательной и позитивной линии. Александр VI решил вступить за польского короля Александра перед Великим князем Московским.

В дошедших до нас латинских инструкциях содержится информация, позволяющая установить истинные задачи посольства Сигизмунду Сантаю³⁴⁰. В начале своей миссии венгр должен был посетить Польшу и двор Александра Ягеллона. Сантай следовало был доставить письмо Владислава II, в котором тот

³⁴⁰ Ibid. fol. 46r – 52r.

извещает родственников о предстоящей женитьбе на Анне де Фуа-Кандаль³⁴¹. Называется дата коронации невесты и самого бракосочетания. Венгерский король извиняется, что не сообщал об этом ранее, объясняет это сложностью брачных переговоров. Грамоту Венгерского короля Сигизмунд Сантай должен был огласить в присутствии самых близких родичей Ягеллонов – матери Владислава II, сестры, братьев и жены Александра³⁴².

Венгерскому послу необходимо было повторно прибыть ко двору польского короля, чтобы известить Александра о своей миссии в Москву, чтобы «побудить князя Московского к согласию»³⁴³. Сохранилось свидетельство кардинала Фредерика относительно этой части миссии посла: в конце августа 1502 года из Ловича (польск. Łowicz) Фредерик пишет польскому королю, что к нему прибыл венгр, следующий с посольством к Ивану III³⁴⁴. Сантай не знал русского языка и московских посольских обычаев, поэтому кроме инструкций его снабдили информацией о стране.

1. Участники посольства

29-ого декабря в Москве появляется помпезное венгеро-папское посольство. Что мы можем сказать о тех людях, на чьи плечи была возложена миссия по примирению Александра Ягеллона и Ивана III.

О главном исполнителе посольства нам известно немного. Сигизмунд Сантай, скорее всего, происходил из знатного дворянского венгерского рода. Об этом говорит как его фамилия, так и многократные упоминания о его благородном происхождении в документах инструкций³⁴⁵. Известный венгерский исследователь Лайош Тарди предположил, что Сантай являлся

³⁴¹ Ibid. fol. 46r – 47a.

³⁴² Ibid. fol. 46r – 47a.

³⁴³ Ibid. fol. 47r.

³⁴⁴ Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1927. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. S. 137 – 139. Doc. №98, 99.

³⁴⁵ Liber legationum, 1. fol. 46r – 52r.

потомком некогда могущественного рода Лацкфи³⁴⁶. Но у других исследователей нет ни подтверждения, ни опровержения этого предположения. Самый известный библиографический венгерский словарь под редакцией Ивана Надя не дает упоминания о существовании фамилии Сантай в конце XV века, род же Лацкфи прерывается в конце XIV столетия.

В посольских документах – как латинских, так и русских – сказано, что Сигизмунд Сантай занимал должность начальника дворцовой стражи при Венгерском королевском дворе в Буде, но в перечне придворных Владислава II Ягеллона вельможи с таким именем нет. Вызывает интерес: почему нет никакой информации о человеке, который был отправлен в Москву со столь важным поручением, ведь и польская и литовская сторона были представлены знатными сановниками, сообщение о которых можно с легкостью найти. Возможно, посол погиб на обратном пути в Венгрию и не смог продолжить своей карьеры (в то время это случалось довольно часто с дипломатическими работниками).

Если говорить о личных качествах посла, известно, что он не владел ни польским, ни русским языком. Об этом свидетельствует текст посольских книг, где ответы Сантаю переводили с русского на латинский язык, так как не было «толмача на угорский»³⁴⁷. Сколько ему было лет – неизвестно, скорее всего, среднего возраста. Он имел слабое здоровье или плохо переносил алкоголь, так как после великокняжеского «ужина» в течение трех дней был не в состоянии явиться ко двору Ивана III, как говорит грамота: «посол той ночи пьян расшибся, да за немочью, с королевскими речами не был»³⁴⁸. В первый день аудиенции Сантай не взял с собой королевскую грамоту с приветствием от Владислава II Венгерского. Следовательно, он либо являлся неопытным дипломатом, который не знал всех тонкостей дипломатического этикета; или был рассеянным человеком и забыл необходимый документ. Можно

³⁴⁶ Tardy L. A tatárországi rabszolgakereskedelem és a magyarok a XIII – XV. században. Budapest, 1980. S. 239.

³⁴⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 350. Док. №73.

³⁴⁸ Там же. С. 346.

предположить, что венгерская посольская традиция не предполагала вручения всех грамот (от Папы Римского и Венгерского короля) в один день.

Из инструкций Владислава II Сигизмунду Сантаю становится известно, что он стал исполнителем дипломатической миссии случайно. В Москву первоначально должен был поехать некий ученый Власиус, но из-за его скоропостижной кончины, пришлось срочно искать подходящую замену³⁴⁹. Видимо, никого надежнее Сантая не нашлось. Нередко при монаршем дворе были люди, которые исполняли личные поручения короля, пользуясь его особым доверием и расположением. Оставаясь большую часть своей жизни в тени, они могли быть посвящены в самые сокровенные тайны государства. Быть может отсутствие Сантая во всех венгерских документах, говорит о такой «тайной работе» на Владислава II.

Венгерский посол приехал в Польшу и Литву за инструкциями, там к нему присоединились две персоны, которые сыграли в посольстве важную роль. Первым был *Georgius capitaneus Colensi*, как он именуется в польских посольских документах³⁵⁰. Из предписаний Александра Ягеллона трудно понять функции этого человека. Литовский секретарь отмечает в своих отчетах, что во время дипломатической миссии в Москву многократно советовался с этим *Georgius*'ом. Польский ученый Кшиштоф Бачковский делает предположение, что *Georgius capitaneus Colensi* — это осевший в Литве венгр Георгий де Полудия, Кольский арендатор³⁵¹. В таком случае, основной его задачей являлся перевод для Сигизмунда Сантая. В русских документах он фигурирует, как Юрий (Георгий), воеводка Аповский, толмач короля Владислава³⁵². Эта ошибка, по поводу службы толмача венгерской короне, скорее всего, появилась в русских посольских книгах, потому что переводил Георгий венгерский язык.

³⁴⁹ *Liber legationum*, 1. fol. 49a.

³⁵⁰ *Ibid.* fol. 61a – 61r.

³⁵¹ Baczkowski K. Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku. В кн. *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII – XVII wieku, ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. Z. H. Nowak, Toruń 1992. S. 41.

³⁵² Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 889.

Вторым попутчиком Сантая, присоединившимся к нему в Литве, был Теодорик Пшибрановский, канцелярский секретарь. В московских документах он именуется капеланом Дитрихом³⁵³. Следовательно, литовский писарь, которому в русских источниках так же приписывается венгерское подданство, был облечен церковным саном. На заре возникновения дипломатической службы работниками королевской канцелярии в Западной Европе повсеместно были клирики. Представители духовенства обладали большими познаниями в истории и праве, теологии и ораторском искусстве, а что самое ценное, хорошо владели латинским языком. За выполнение своего поручения Пшибрановский получил десять венгерских флоринов, что отмечено польским казначеем Александра Ягеллона в феврале 1503 года³⁵⁴.

В польских документах фигурирует еще один человек, который передавал письма от Александра Ягеллона, находящегося в Вильно, венгерскому послу, ожидавшему дальнейших указаний в Минске – Анджей Мрошек. Этот шляхтич играл далеко не последнюю роль в канцелярии польского королевства. Первый раз упоминание о нем встречается еще при Яне Ольбрахте в 1497 году. И все это время, вплоть до своей смерти в 1507 году, он находился на службе короля, исполняя самые важные поручения³⁵⁵.

Безусловно, любого посла, который прибывал с дипломатической миссией в другую страну, сопровождал большой кортеж. Это было как в интересах безопасности, так и для демонстрации мощи и важности прибывающего посольства. Например, в русско-литовской дипломатической практике свита гонцов составляла в среднем 20 – 30 человек, свита посланников – 150 – 200, послов – 300 – 400, включая слуг («служебников»)³⁵⁶. Как правило, все эти люди остаются для нас лишь безымянными статистами, о которых ровным счетом ничего не известно. Без сомнения, венгерское посольство

³⁵³ Там же. С. 346.

³⁵⁴ Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506. (Księga skarbowa króla Aleksandra Jag.) Warszawa, 1897. S. 38.

³⁵⁵ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław – Warszawa – Kraków. T. 22. 1977. S. 180 – 181.

³⁵⁶ Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 31.

Сигизмунда Сантая также не ограничивалось тремя лицами, чье участие в дипломатической миссии отражено в источниках. Множество иных персонажей, выполнявших мелкие поручения или осуществлявших охрану, мы вынуждены пропустить. Но имя одного из таких «маленьких» людей мы все таки можем узнать из русских посольских книг. Некий Николаец, посыльный венгерского посланца, был отправлен к князю Дмитрию Володимирову за опасными (охранными) грамотами для польских Великий послов³⁵⁷.

Участником этой дипломатической миссии был еще один человек, который лично не присутствовал в Москве, а именно, кардинал Регнус. Будучи официальным папским легатом, он был призван побуждать европейских монархов к участию в Крестовом походе против османов. В нашем случае кардинал предпочел лишь передать верительную грамоту и свое особое поручение венгерскому дипломату. Что же можно сказать о папском легате? Настоящее имя кардинала Регнуса (или Реджио) – Петр Исуали, получивший имя Реджио по названию своего архиепископства. Этот священнослужитель, происходивший из испанского рода, был выбран архиепископом Реджио ди Калабрия в феврале 1497 года. Получив кардинальскую шапку в 1500 году, он сразу же был отправлен в Венгрию для осуществления там папского поручения – проводить мероприятия по скорейшему формированию антитурецкой коалиции и последующего крестового похода. В его компетенцию входила агитация центрально-европейских правителей и поддержание тесных контактов между ними и Римом. Таким образом его специализацией были Ягеллоны. В 1503 году после смерти Папы Александра Борджиа, кардинал вернулся в Рим и больше не покидал Италии, хотя попрежнему носил титул «Протектора Польши» и имел связи с Венгрией³⁵⁸.

³⁵⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 361.

³⁵⁸ Cardella, L. Memorie storiche de' cardinali della Santa Romana Chiesa. Rome, 1793, Vol. III. S. 282 – 285.

2. Подготовка посольства

В начале своего посольства Сантай побывал в Польше и Литве. В Польше (в каком городе доподлинно не известно – предположительно, в Ловиче) он встретился с кардиналом Фредериком. Именно из этого польского городка прелат пишет в конце августа 1502 года своему брату Александру Ягеллону, а затем и панам литовской рады о прибытии венгра³⁵⁹. Нет письменных источников о том, в каких еще городах побывал Сигизмунд Сантай, но если следовать тем инструкциям, которые дали ему в Буде, то он должен был отправиться в Краков, там ему надлежало повидаться с матерью Владислава II Венгерского и его незамужней сестрой. Точных данных относительно каких-либо других визитов посла у нас нет, ни в польских, ни в литовских, ни в русских документах.

Александр ответил Фредерику на его письмо из Минска, в котором он в то время находился, в этот город Великого княжества Литовского и отправился далее Сантай. В польской публикации источников Актов Александра польские и литовские инструкции венгру датируются 20-ым сентября 1502-го года. Можно предполагать, что дипломат в это время уже находился в Минске, и тогда он лично удостоился аудиенции у Александра и его жены, так как оба они находились в этом городе, как минимум до конца сентября. Позднейшие инструкции Сантай получает уже в середине ноября, и привозит ему их Анджей Мрошек из Вильно, куда отправился король. Посол же оставался на месте, так как именно через Минск шла прямая дорога на Можайск и дальше до Москвы. Здесь венгр дождался обещанных ему литовских помощников, которыми в итоге стали Георгий Кольский и Теодорик Пшибрановский.

Если более подробно остановиться на этом моменте, то мы сможем обнаружить некоторое несоответствие русских, литовских и польских документов. Это касается в первую очередь места пребывания Александра Ягеллона. К примеру, Матвей Любавский в самом начале XX века на основании Литовской Метрики и документов, опубликованных в Актах Западной Руси

³⁵⁹ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1927. Т. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. S. 137 – 139. Doc. №98, 99.

(которые изобилуют ошибками, и это не раз отмечено многими исследователями), составил подробный королевский итинерарий³⁶⁰. Он делает вывод, что Александр был в Минске с середины октября 1502 по конец сентября 1503 года. Польская же Коронная метрика дает нам точную информацию о том, что в сентябре 1502 года Ягеллон находился в Минске и покинул этот город в конце месяца. В нашем случае это расхождение имеет принципиальное значение. Сигизмунд Сантай прибыл в Минск в сентябре 1502 года, если следовать предположению Любавского, то посол не встретился тогда с королем, а дальнейшие инструкции он получил 11-го ноября, причем поляки отмечают, что они пришли ему из Вильно. Таким образом, следуя Любавскому, до своего отъезда в Москву венгр никак не мог пересечься с Александром. Но, изучив письма короля, дошедшие до нас в Коронной Метрике, можно прийти к заключению, что Сантай имел аудиенцию у Александра именно в сентябре, когда и король и его жена еще были в Минске.

Венгерский дипломат предстал перед королевским двором приблизительно в середине сентября. Сообщив все необходимое относительно будущей свадьбы Венгерского короля, а также изложив основную цель своего визита и дальнейший пункт назначения, он стал дожидаться инструкций и необходимой информации от польско-литовской стороны. Поскольку поляки были менее осведомлены о московских делах, подготовкой этих документов занялась литовская канцелярия. Итоговый вариант предписаний попал в руки Сантая 20 сентября 1502 года³⁶¹.

Роль инструкторов должны были выполнять два литовских секретаря – Георгий Кольский и Теодорик Пшибрановский. На первого по большей части возлагались функции переводчика, а второй выступал советником. Каждому из них были даны письменные инструкции от Александра Ягеллона³⁶². Текст, предназначенный Георгию, совсем небольшой по размеру, включает два

³⁶⁰ Любавский М. Литовско-русский сейм. СПб., 1907. С. 131.

³⁶¹ Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1927. Т. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. S. 146 – 151. Doc. №108.

³⁶² Liber legationum, 1. fol. 61a – 61r.

небольших предложения. Общий смысл в них сводится к тому, что литовский подданный должен всячески способствовать удачному продвижению венгерского посольства. Изначально предполагалось, что к венгерскому кортежу должен присоединиться посол от Литовской рады Якоб Кунцевич, и по его прибытии в Минск вся большая дипломатическая миссия начнет движение в Москву. За этим надлежало проследить Георгию. Но позднее от этого варианта отказались: во-первых, венгерский посол не хотел ждать Кунцевича, а, во-вторых, литовцы решили развести литовское и венгерское посольства. Присутствие вместе с Сантаем представителей Великого княжества Литовского могло в определенной степени дискредитировать всю миссию. В итоге, Кунцевич прибыл к Ивану III в середине декабря 1502 года³⁶³, а аудиенция венгра на московском дворе состоялась только 1-го января 1503. Литовский посол дождался Сантая в Москве и потом отправился в Литву с опасными грамотами.

Интересной представляется работа Теодорика Пшибрановского. На него была возложена не только консультация посла по всем вопросам, но и ведение секретарской работы. Он должен был составить подробнейший отчет для польской канцелярии о посольстве и пребывании венгра в Москве. Ему вменялась слежка за Сантаем, подробная проверка, насколько строго посол следует инструкциям и действует на благо Александра³⁶⁴. Можно утверждать, что Пшибрановский выполнял функцию шпиона, поэтому по возвращении в Польшу он получил солидное вознаграждение в размере 10-ти венгерских флоринов.

Сам Сигизмунд Сантай имел инструкции от трех различных лиц – Владислава II Венгерского, кардинала Реджио и Александра Ягеллона, а точнее его литовской канцелярии. Самая обширная группа документов относится к последнему. Венгерский король дает в основном общие указания о необходимости склонять Ивана III к миру и говорить о турецкой угрозе Европе.

³⁶³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 339 – 340. Док. №72.

³⁶⁴ Liber legationum, 1. fol. 61a – 61r.

Петр Исуали в своих предписаниях выступает как типичный проводник политики Рима, агитируя за организацию нового крестового похода. В его инструкциях есть аспект религиозного противостояния католиков и православных, так, например, если Великий князь Московский будет говорить о католической церкви и ее агрессии, то послу следует отвечать, что разница между католичеством и православием совсем небольшая, и что это не может быть поводом к войне. Сантаю следует многократно повторять о том, что из-за этой вражды Ивана III с зятем ставится под угрозу вся антитурецкая коалиция, так как Ягеллоны отказываются бороться против Порты пока их вотчина, Литва, в опасности.

Литовская грамота самая подробная. В ней дается список предполагаемых вопросов и необходимых ответов³⁶⁵. Все беседы венгерскому послу на великокняжеском дворе необходимо было вести строго от имени Владислава II. Литовское участие или даже косвенное отношение к венгерскому посольству всяческими путями должно замалчиваться. Сложно сказать, догадывалась ли вообще русская сторона о том, что до прибытия в Москву Сантай был проинструктирован работниками виленской канцелярии. В пользу того, что Иван III был относительно этой связи в некотором неведении, говорит тот факт, что и Пшибрановский и Георгий Кольский названы в русских посольских книгах венгерскими подданными.

Из возможных вопросов были такие как, например: почему Владислав II не отправил после Чезелицкого еще одного посланца? Из-за чего Молдавский господарь не посылает в Москву своих представителей? Кто принял решение об организации антитурецкой коалиции? Все эти вопросы можно считать отчасти косвенными, но ответ на них был заранее предусмотрен и передан Сантаю. Предположительный вопрос о Стефане Молдавском наталкивает на мысль, что в Литве опасались, что Иван III считает Литву и Польшу виновными в захвате валашских послов на Русь. Сантаю надо было заверить русскую сторону, что никаких препятствий не чинится. Основной комплекс вопросов и ответов

³⁶⁵ Ibid. fol. 50r – 52r.

предполагался вокруг антитурецкой коалиции и того, что мешает общему объединению христианских государей. Проблемой для нового крестового похода по мнению венгеро-литовской стороны была деятельность Великого князя Московского и война. Литовцы шли на откровенное запугивание противника, так как в инструкциях предписывается, что в случае неповиновения Ивана III отлучат от церкви, и все христианские монархи пойдут на него войной. Исходя из международной ситуации, эти угрозы выглядели, как обыкновенный блеф, но осмелиться на подобные речи литовцы могли только после одобрения Рима, и, видимо, оно было дано.

Основной задачей венгерского дипломата было добиться от Ивана III согласия на приезд в Москву великих послов из Польши, Литвы и Ливонии, именно эти три государства формально находились в состоянии войны с Русью.

3. Ход посольства

О ходе посольства Сигизмунда Сантая можно судить на основании русских и польских источников, что чрезвычайно обогащает исследование. Первым корпусом документов являются записи, сохранившиеся в русских посольских книгах. Канцелярия посольской избы вела строгий учет всех дипломатических миссий, посещавших русский двор, поэтому информация там представлена довольно неплохо. Все записи делались на старорусском языке, иностранные речи и грамоты переводились.

Второе собрание грамот – это латинский текст, дошедший до нас в польской Коронной Метрике. Формально этих документов не должно было быть у Александра Ягеллона, так как венгерский подданный Сантай не был уполномочен отчитываться перед ним. Зато литовский секретарь Пшибрановский вел подробнейшие записи обо всех действиях и шагах, предпринимавшихся в Москве. Именно эти записи и попали позже в первую книгу *Libri legationem*.

Согласно русской грамоте, венгерский посол прибыл в Можайск 8-го декабря 1502-го года и далее был в Москве 29-го в четверг³⁶⁶. В записях Пшибрановского об этом ничего не написано, но у нас нет оснований сомневаться в достоверности информации. В приставы к послу был поставлен Дмитрий Загряжский, дворянин, не один раз бывавший с посольствами в Литве. В обоих документах датой первой аудиенции у Ивана III обозначено 1-ое января 1503-го года. На этой встрече Сигизмунд Сантай передал приветствия от Владислава II Венгерского. Затем была отдана папская грамота, составленная еще 15-го ноября 1500-го года. Вероятно, грамоту должны были привезти еще в первое венгерское посольство, но по каким-то причинам она не попала в руки Чезелицкого. Теперь же папский документ явно устарел, так как содержал хорошо известную информацию и был выдержан в духе конца 1500 года, когда идея о всеобщем антитурецком походе была актуальной в Риме. Этого не могли не понимать в Венгрии и Польше, но предпочли захватить письмо от Папы с собой, чтобы придать дипломатической миссии больший вес.

Затем была вручена верительная грамота от Владислава II. Речи от кардинала Регнуса и его верительные грамоты переданы после королевских. В завершение, посол снова говорил от имени Папы. На этом первая аудиенция была окончена.

Все речи посла выдержаны в общем духе инструкций. Здесь мы видим требование перемирия, которое способствовало бы созданию антитурецкой коалиции; просьбу присоединиться к общей борьбе против Порты; уговоры оставить отчинные земли Ягеллонов в Литве и не претендовать на них. Грамоты от кардинала и Венгерского короля датированы серединой июля 1502 года, следовательно, в это время Сантай еще находился в Буде. Уместно будет вспомнить, что в этот период происходило на полях сражения. С июня по октябрь 1502 года велась интенсивная осада Смоленска. Ливонский орден к тому времени был уже обезглавлен, а Шейх-Ахмед, восточный союзник Александра, потерпел тяжелое поражение от крымских татар.

³⁶⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 341. Док. №73.

Польские документы дают не очень подробную информацию о первом дне посольской миссии³⁶⁷. Вероятно, это связано с тем, что первая аудиенция носила отчасти формальный характер. Приветствия от Венгерского короля были переведены для Московского князя Георгием Кольским. Вторая часть посольства, где зачитывались грамоты, переводилась Теодориком Пшибрановским. Возможно, более значимые документы должен был озвучивать более опытный клирик Пшибрановский, но может быть, приветствия от своего короля Сантай произносил на венгерском, и тогда кандидатура Георгия объяснима. Литовский секретарь в своем донесении упоминает, что в первый день у венгра не было при себе грамот от Владислава II Венгерского. Условились, что он принесет их на следующий день. Мы уже останавливались на этом казусе ранее, когда говорили о личности венгерского посла, поэтому не будем повторяться и приступим к дальнейшему разбору этого посольства.

После приема у Великого князя Московского вечером состоялся званый ужин. Как водится, дипломата начали изрядно поить, эта «честь» выпала двоим – Михаилу Андрееву и Третьяку Долматову³⁶⁸. Или они оказались такими «мастерами» или же здоровье у Сантая немного подкачало, но на следующий день посол не мог прибыть ко двору Ивана III. Взамен себя он отправил двух своих помощников – Георгия и Теодорика.

Это был дипломатический конфуз. В русской и в польской, дипломатической традиции, выступление перед государем «воеводки Георгия и каплана Дитриха» расценивалось как явное оскорбление. С подобными значительными миссиями, как в нашем случае, посылались только самые знатные вельможи государства, в противном случае послов могли не допустить ко двору. Сантай понимал эту ситуацию, и поэтому отправил с королевской грамотой свои самые искренние извинения и просьбы не гневаться на него. Иван III пошел на уступки и выслушал секретарей, так как посольство

³⁶⁷ Liber legationum, 1. fol. 125a.

³⁶⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 346. Док. №73.

представляло для него определенную важность, кроме того, государь понимал, что недуг венгерского посла вызван отчасти стараниями его подданных.

В русских документах говорится, что от Сантая пришли два его секретаря и огласили грамоту Владислава II. Больше нет никаких пояснений. Из донесений Пшибрановского мы узнаем о событиях этого дня немного больше. Во-первых, доверенные лица посла так и не удостоились встречи с Великим князем Московским — это была бы для них слишком большая честь, поэтому они передали грамоты Владислава II через бояр. Секретари получили ответ и были отпущены на постоянный двор. Содержание ответа государя не излагается ни в русских, ни в польских источниках. Вечером того же дня к Пшибрановскому прибыли два дьяка, которые отвели его в посольскую избу, чтобы он еще раз изложил все, что было ему поручено³⁶⁹. Вероятно, это сделали для того, чтобы составить письменный протокол дня. Этот вечерний визит никак не упоминается в русских посольских книгах, так как это являлось процессуальным делом и не относилось к посольству по существу. Для литовца этот обычай русской посольской службы был незнаком, и поэтому он его подробно описал.

Следующая аудиенция у Ивана III состоялась 13-го января. Русская сторона почти неделю обдумывала, как лучше ответить на грамоты привезенные Сантаем. Здесь мы обнаруживаем коренное различие информации в польских и русских документах. Фридерик Папе в своем издании Актов Александра не публиковал польского варианта Пшибрановского, так как посчитал, что этот текст полностью копирует записи посольского московского приказа³⁷⁰, но при внимательном изучении документов можно заметить существенное расхождение текста. Польский ученый пошел здесь вслед за В.А. Уляницким, который, изучая документы в Архиве Древних Актов в Варшаве,

³⁶⁹ Liber legationum, 1. fol. 125r .

³⁷⁰ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. Kraków, 1927. S. 147.

пришел к подобному же выводу. Таким образом, весь отчет Пшибрановского был проигнорирован издателями³⁷¹.

В русском варианте к послу являются три представителя – Яков Захарьич, Григорий Федорович и Дмитрий Володимиров. Уже нет никаких дьяков, как было с польско-литовским посольством, состав русской делегации два боярина и один казначей. Встреча проходит по следующему сценарию – бояре зачитывают ответ Великого князя по очереди, в самом конце слово предоставляется Сантаю. Начинают с ответа на папские грамоты. Здесь сначала перечисляются все беды и обиды, которые Александр причинил Руси; рассказываются причины войны – весь этот текст почти полностью копирует ответы, данные ранее на письма короля Владислава II. Такими же словами и выражениями в 1501-ом году русская сторона ответствовала перед Чезелицким и польско-литовским посольством. Это свидетельствует о том, что позиция Москвы осталась неизменной. Прибавляются упреки в том, что Ягеллон натравил на Русь немцев и Шейх-Ахмеда, не посылал своих великих послов, хотя ему были предоставлены верительные грамоты на них. Появляется и новое – те земли, которые в ходе войны заняли русские войска, Великий князь Московский отказывается считать вотчиной Ягеллонов, ссылаясь на то, что вся Русь издавна принадлежала предкам Ивана III³⁷². Этого мотива раньше не было, вероятно, потому что в 1501 году территория занятая русскими войсками была невелика и не требовалось весомых аргументов.

Далее последовал основательный ответ Владиславу II. В начале идет полная копия ответа Папе Римскому. Говорится, что завоеванная земля – это исконная территория Руси, которая не подлежит никакому возврату. Венгерскому королю напоминают, что если он примет решение помогать своему брату, то будет творить неправо дело, но это никоим образом не страшит Ивана III, так как он «перед Богом чист».

³⁷¹ В тексте Коронной Метрики все документы, связанные с первым и вторым венгерским посольством, хорошо читаемы, имеют в верхней части канцелярский указатель в виде слова MOSCOVIA, написанного жирным шрифтом. На наш взгляд, случайный пропуск этих материалов или небрежность издателей исключены.

³⁷² Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 354. Док. №73.

Кардиналу Регнусу ответа не последовало. Московская сторона посчитала, что он является лишь проводником папской воли и ответа Александру VI достаточно.

В заключении слово было дано Сигизмунду Сантаю, который поблагодарил государя за ответ. Посол просил, чтобы все вышесказанное было дано ему в письменном виде на латинском языке, а кроме этого, чтобы русская сторона предоставила опасные грамоты на приезд польских и литовских послов. На этом текст в русских документах обрывается.

Польские источники выглядят иначе. Встреча состоялась 13-го января, но первыми получили слово не бояре, а Сигизмунд Сантай, который еще раз извинился за свое отсутствие во второй день³⁷³. Затем он говорит, что его основные цели — это установление мира и опасные грамоты для польских и литовских послов. Далее Пшибрановский пишет, что Сантая со свитой отправили в другую избу, где они должны были ожидать ответа. Потом туда вошли девять человек – четыре боярина, два секретаря и три переводчика. Главой был Василий Григорович. Этих персонажей в русском варианте нет. Последовал ответ на папскую грамоту. В польском варианте посольства Сантай перебивает бояр своими ответами. Так, например, когда перечисляются обиды и говорится о том, что Елене чинятся препятствия в вере, посол говорит, что, когда был у Александра, видел, как жена князя выходила из православного собора. И такой диалог характерен для всей аудиенции, изложенной литовским капелланом. Все выступления венгерского посла в данном случае полностью соответствуют тем инструкциям, которые он получил от литовской канцелярии.

В конце встречи все бояре и секретари вышли и оставили венгерскую делегацию на полчаса. Наконец, пришел Дмитрий Володимирович с двумя дьяками и принес ответ государя, что опасные грамоты будут даны Сантаю, и что послы должны явиться не позднее середины месяца. На этом польская грамота заканчивается. Далее идет текст ответов Ивана III, переведенный с

³⁷³ Liber legationum, 1. fol. 125a – 129r.

русского на латынь. Он в точности копирует все записи русской посольской книги, так как был сделан работниками посольской избы.

Русские документы свидетельствуют, что грамоты были даны послу с Дмитрием Володимировым 16-го января, а не 13-го. Приводится текст опасных грамот, дающих разрешение на въезд послов и с ними еще 200 всадников. Таким образом, можно предельно точно рассчитать численность польско-литовской делегации. Сигизмунду Сантаю гарантировали проживание в Москве, вместе с содержанием для его людей и лошадей. На следующий день опасные грамоты дали Якобу Кунцевичу, который все это время находился в Москве. 18-го января 1503 года в Литву, Польшу и Ливонию отправились гонцы с приглашением для Великих послов. Теодорик Пшибрановский, несмотря на инструкции оставаться все время с венгерским послом, также поехал к своему королю с докладом.

* * *

Цели посольства были достигнуты. Основной задачей Сантая являлось добиться от Ивана III опасных грамот для послов, что было им сделано в кратчайшие сроки. Дальше все зависело от умения и изворотливости Великих послов. Поскольку венгр остался в Москве, миссия его не завершилась окончательно. Ему предстояло помочь полякам и литовцам выторговать как можно больше из нового мира.

Разница в польских и русских свидетельствах о венгерском посольстве вызвана тем, что русская канцелярия не отмечала в документах тонкостей, которые не влияли на общий ход посольства и являлись устоявшейся традицией. Польская сторона скрупулезно фиксировала все новшества, которые отличались от заведенного в Польше и Литве порядка. Нам представляется, что если бы про каждую дипломатическую миссию мы имели два варианта документов, они также имели бы не меньшие различий.

Глава 9. Дипломатическое урегулирование конфликта 1500–1503 гг.

Венгерское посольство Сигизмунда Сантая было формально завершено 18-го января 1503 года. Дипломату потребовалось чуть более двух недель, чтобы получить согласие на приезд в Москву польских, литовских и ливонских Великих послов. Это являлось основной его целью при дворе Великого князя, но было и еще одно поручение – венгр должен был всячески помогать литовцам и полякам в ходе самих мирных переговоров. Ему предстояло участвовать в деле согласования условий нового мирного договора. Формально Сантай не был наделен полномочиями, но авторитет Папы Римского и влияние Венгерской короны предоставляли ему право посредника.

К началу 1503 года Александр Ягеллон оказался в довольно затруднительном положении. Теснимый на всех фронтах, он потерял значительную территорию на востоке Великого княжества Литовского. Едва удалось выстоять Смоленску. В такой ситуации мирные переговоры надо было вести как можно осторожнее. Во-первых, мир должен был быть обязательно подписан в самые кратчайшие сроки. Никким образом нельзя было допустить продолжения этой неудачной для Александра войны. Мало того, что он уже потерял наследственные земли своих предков, эта борьба требовала огромных денежных средств, которые отказывались предоставлять ему польские магнаты. Сама же Польша имела немало собственных внутренних проблем, которые требовали немедленного решения. В Москву снарядили большую польско-литовскую дипломатическую делегацию. Ее участники — это не рядовые служащие посольской канцелярии, самые знатные шляхтичи должны были отстаивать интересы Ягеллона.

1. Участники польско-литовской дипломатической миссии

Все посольство прибыло к Великому князю одновременно. Эта знатная делегация включала в себя поляков, литовцев и немцев. Об общей численности говорить сложно, так как ни в отечественных, ни в польских, ни в литовских

документах не сохранилось записей о количестве приглашенных в Москву людей. Доподлинно известно, что, помимо послов и эскорта сопровождения к Ивану III прибыли литовские и польские купцы. Сведения об этом дошли до нас в русской посольской книге, где описано, что 22-го января 1503 года в Вязьму приехал польский посланец Каспер, имеющий поручение от Великого польского посла Петра Мышковского³⁷⁴. Посольское письмо заключало в себе просьбу дать опасную грамоту на двух купцов, польского и литовского, чтобы они смогли въехать в Москву со своими товарами вместе с Великим посольством. Это не какой-то особенный случай, купцы очень охотно присоединялись к различным посольским миссиям, в первую очередь, это было продиктовано безопасностью подобного перемещения. Данное прошение польского посланца было выполнено русской стороной буквально на следующий день.

Поляк Каспер имел при себе и еще один документ – новую инструкцию для венгерского посла Сигизмунда Сантая. К большому сожалению, текст этой грамоты до нас не дошел, но можно предположить, что речь в ней шла о том, как венгр должен себя вести во время мирных переговоров. Каспер был доставлен на подворье к Сантаю, где он передал новые инструкции дипломату.

Во главе польско-литовского посольства стоял Петр Мышковский, воевода Ленчицкий. Формально он был представителем только польской делегации, но фактически возглавлял всю миссию. С тех пор, как Александр Ягеллон стал польским королем, та грань, которая существовала между двумя государствами, Польшей и Литвой, незаметно начала стираться. Конечно, персональная уния между двумя странами была подписана уже давно, но после смерти Казимира IV, когда троны Великого княжества Литовского и Польши достались братьям Яну Ольбрахту и Александру, вновь произошло определенное отдаление. Теперь же, когда оба престола вновь объединились в руках одного человека, Литва отчасти потеряла свою самостоятельность.

³⁷⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 362 – 363. Док. №74.

Выходец из знатной шляхетской семьи, Мышковский начал свою карьеру еще в 1471 году, при дворе короля Казимира IV. Выгодная женитьба на дочери Краковского стольника позволила ему породниться с самыми знатными польскими семействами, чья поддержка обеспечивала хорошие перспективы. В это время он начинает свою дипломатическую службу, которую выполнял с большим рвением. Ко времени смерти Казимира IV он занимал весомое положение при польском дворе, однако, особое влияние Мышковский приобрел во время правления Яна Ольбрахта. Воевода поддержал его в период выборов и оказался в кругу самых доверенных лиц впечатлительного и импульсивного монарха. Он прошел с Яном Ольбрахтом Молдавский поход, был рядом с ним во время любимых охот короля и его болезни. Неудивительно, что в 1499 году Петр Мышковский получает должность воеводы Бельского и главного старосты Русских земель. Теперь основной его задачей стала оборона польской Руси от татар, но несмотря на огромные денежные средства и людские ресурсы, придворный полностью провалил дело. Многочисленные набеги разоряли земли и мирное население, а новоиспеченный староста ничего не мог с этим поделать. За эти несколько лет авторитет Мышковского немного поубавился, итогом стало то, что в 1501 году, с него было снято староство над Русскими землями. После смерти короля Яна Ольбрахта Мышковский вместе со своим давним товарищем Петром Кмитой отправился в Венгрию, чтобы убедить Владислава II выставить свою кандидатуру на элекционном сейме. Когда же пришло время самого выборного съезда, быстро оценив ситуацию, и Кмита и Мышковский голосовали за Великого князя Литовского Александра. Новый король, ища поддержку в своем владении, щедро одаривал Ленчицкого воеводу. После этого хитрый шляхтич уже не покидал монарха, подолгу находясь при монаршем дворе в Польше и Литве. Таким образом, он возглавил русско-польско-литовские мирные переговоры³⁷⁵. Это был знатный, ловкий придворный делец, который не раз выходил победителем из множества дворцовых интриг. На сей раз этот государственный муж прибыл к Ивану III.

³⁷⁵ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław – Warszawa – Kraków. 1977. T. 22. S. 379 – 382.

Формальным главой литовских послов был Полоцкий наместник Станислав Глебович. В отличие от Мышковского этот шляхтич действительно много понимал в литовско-русских отношениях и в ведении мирных переговоров с Иваном III. Выходец из знатной семьи, сын Смоленского наместника, Глебович начал дипломатическую службу в 1492 году. Первой его миссией была как раз поездка в Москву. Позже он бывал при русском дворе еще четыре раза – в 1499, 1503, 1504 и 1511 годах³⁷⁶. Он всегда яростно отстаивал интересы своего государства, снискав большое уважение в Москве.

Помимо этих двух знатнейших придворных Александра, в начале 1503 года ко двору Ивана III прибыли еще Ковенский наместник Войцех Янович, королевский подचाший и староста Мендзыборский Ян Бучацкий, Краковский стольник Петр Врочимовский, наместник Брацлавский Иван Сапега и ксендз Станислав Горецкий, Познаньский каноник и коронный секретарь. Как мы видим, представительство довольно знатное и высокородное. К примеру, Ян Бучацкий начал свою карьеру в 90-е годы как молодой военачальник Александра, принимал активное участие в русско-литовской войне, не раз отбивал Великое княжество от татарских набегов³⁷⁷. Сапегу очень хорошо знали в Москве. Начавший свою карьеру с простых секретарей Казимира IV, он дослужился до самых высоких постов в государстве. При русском дворе он вызывал особый интерес как доверенное лицо и секретарь дочери Ивана III Елены. Будучи далеко не первый раз в Москве, этот сторонник флорентийской унии в начале 1503 года имел особое поручение и письма к отцу и родне от польской королевы и Великой княгини Литовской Елены Ивановны. После смерти Александра Сапега достиг поста главного канцлера Великого княжества Литовского и занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1517 году. Он стал влиятельнейшей фигурой в Литве, положил начало могущественной

³⁷⁶ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław – Warszawa – Kraków. 1960 – 61. T. 9. S. 544 – 545.

³⁷⁷ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław – Warszawa – Kraków. 1937. T. 3. S. 84.

династии Сапегов в Польско-Литовском государстве, и все это исключительно благодаря своему трудолюбию и уму³⁷⁸.

С польско-литовскими послами в Москву прибыла делегация и от Ливонского ордена. Представлял ее Йохан Гилдорп. К большому сожалению, нам не удалось раздобыть о нем сколько-нибудь ценной информации. Этот рыцарь в первый раз приехал в Москву с посольством. Ни в Литовской, ни в Коронной метрике мы не находим никакого упоминания о нем.

2. Ход посольства

Об этом посольстве сохранилось множество документов как в русских Посольских книгах, так и в польских и литовских. Но каждый сборник имеет свою особенность. Если в Москве подробно протоколировали ход дипломатической миссии и переговоров, то Литовская Метрика содержит инструкции, которые имели при себе послы перед выездом в Москву. Коронная Метрика Польского королевства хранит записи, сделанные секретарем находившимся при венгерском после Сигизмунде Сантае. Автором этих записей являлся Станислав Горецкий³⁷⁹. Как и в случае с Пшибрановским, вести протокол поручили канонику. Это было продиктовано как хорошим знанием латыни, так и аккуратностью, характерной для клириков.

Послы прибыли в Москву 4 марта 1503 года. Первая аудиенция состоялась 7 марта. Сигизмунд Сантай побывал у Ивана III до польских и литовских послов и просил Великого князя ласково принять дипломатов. В первый никаких отклонений от посольского обычая не было: дипломаты передали поздравления от Александра, Елены, Польской и Литовской Рады. Затем Петром Мышковским были вручены верительные грамоты³⁸⁰. Эти документы подписаны 9-ым января, следовательно, они были утверждены

³⁷⁸ Polski Słownik Biograficzny. Wrocław – Warszawa – Kraków. 1992. Т. 34. S. 613 – 618.

³⁷⁹ Liber legationum, 1. fol. 130r.

³⁸⁰ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 364 – 365. Док. №75.

королем Александром еще до официального получения опасных грамот на мирное посольство, так как посланцы с «опасом» выехали из Москвы только 18-го января.

Продолжило встречу устное выступление польских и литовских послов. Сначала Петр Мышковский от имени Александра оповестил Ивана III о смерти бывшего Польского короля Яна Ольбрахта и о том, что новым монархом Польши был избран Великий князь Литовский. В своей речи литовский посол Станислав Глебович сетовал на те обиды, которые причинил Великий князь Московский Литве, говорил о несправедности борьбы русской стороны, а в самом конце высказал просьбу отпустить всех пленных литовцев.

После этих слов очередь дошла до ливонских послов, но текст их аудиенции не сохранился в русской посольской книге, относящейся к польским делам. Стоит пометка, что все записи относительно Ливонского ордена были сделаны в немецких тетрадях³⁸¹. Венгерское посольство Сигизмунда Сантая, и более раннее Матвея Чезелицкого, не должны были фиксироваться в польско-литовских посольских книгах, но, по-видимому, в данном случае на первое место выступило то, что эти посольства были предприняты от имени польско-литовской династии Ягеллонов.

Основная встреча завершилась, и большая часть послов удалилась. Остался Иван Сапега, который имел специальное поручение от Елены Ивановны. В московско-литовской дипломатической практике это было новаторство, что в таких важных переговорах участвует кто-то кроме глав государств. Польско-литовская канцелярия решила использовать влияние дочери Ивана III, и в Москву было отправлено несколько грамот от ее имени разным адресатам. Конечно, есть пример восточной дипломатии. Во время переговоров с Менгли Гиреем или Шейх-Ахмедом, Иван III и Александр часто писали членам семей правителя, чтобы они повлияли на его мнение, но в русско-литовских отношениях такое произошло впервые. Можно предположить, что литовцы и поляки переоценили влияние Востока на русскую

³⁸¹ Там же. С. 367.

политическую культуру. Безусловно, многое в посольском обычае Русь позаимствовала у татар, но того влияния, которым обладала семья в мусульманском мире, никогда не было в русском обществе. Все апелляции к отеческим чувствам Ивана III, в вопросах государственной важности, были недопустимы и бесполезны.

Первые две грамоты были адресованы лично Ивану III. Первая — верительная, где Елена предоставляла все права на выражение ее воли в Москве Ивану Сапеге, и вторая — сам текст письма. В нем Елена Ивановна просит отца о скорейшем прекращении войны, осторожно говорит о его вине в развязывании конфликта, в грамоте даже проскальзывает предостережение, что, если он проигнорирует ее просьбу, то все беды обрушатся на ее голову, так как литовские и польские подданные обвиняют во всем случившемся ее. Также она заверяет отца, что свободно соблюдает православную веру и здесь ей не чинится никаких преград.

В русской и польской исторической литературе велись довольно острые споры о том, кому принадлежит авторство этих писем. Некоторые исследователи полагали, что творцом послания мог быть кардинал Фредерик, другие, что сам Иван Сапега. Е.Ф. Тураева-Церетели высказала гипотезу, что письма могла написать сама Елена Ивановна. Исследовательница обнаружила в Польской Коронной метрике два письма, одно от кардинала Фредерика, который просил королеву посодействовать миру, а второе — ответное, где Елена говорит о своем желании помочь скорейшему урегулированию конфликта, если на это будет воля ее мужа³⁸². Кто бы ни был автором, можно говорить о принуждении Елены. Известно, что в Литве и Польше шляхта относилась к жене Александра очень негативно, о чем многократно жаловался король своим приближенным. У Елены Ивановны фактически не было другого выбора кроме, как идти на уступки и слушаться того, что ей советуют при дворе. Примечательно, что после смерти Александра Ягеллона его вдова жила в

³⁸² Тураева-Церетели Е.Ф. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, королева польская. М., 1930. С. 230.

большом притеснении и умерла в 1513 году, как утверждали русские источники, будучи отравленной³⁸³.

Иван Сапега имел при себе также письма к двум братьям Елены, Василию и Юрию, и к матери. Все грамоты пропитаны мольбой хоть как-то воздействовать на Ивана III, чтобы был заключен мир между Русью и Литвой. Польская королева перечисляет те обиды, которые будут ей чиниться, если не придут к перемирию³⁸⁴.

На этом первая аудиенция для послов была закончена. Последовал традиционный званый ужин в честь дипломатов, где присутствовал и Сигизмунд Сантай. По заведенному обычаю в первый день посланников должны были бы крепко подпоить, но в данном случае мы не находим в русских документах упоминания об этом. В источниках проскальзывает фраза «потчивали» с указанием, кто именно из русских «потчивал» литовцев, а кто поляков. Есть еще одна пометка о том, что немецкого посла, то есть ливонца, «не потчивал никто»³⁸⁵. Это было признаком явного неуважения к делегации Ливонского ордена, чем оно было продиктовано, выяснится позже.

Затем последовало несколько встреч послов с боярами – 10, 12 марта. На них присутствовали и литовцы, и поляки, и венгр Сантай, не допускались на великокняжеский двор лишь люди Великого магистра. Все эти дни шли переговоры, обе стороны обменивались взаимными упреками и не желали идти на компромисс.

12 марта от имени Польской и Литовской рады были поданы грамоты, адресованные членам Боярской думы. Как и в случае с письмами Елены Ивановны – эти документы были призваны усилить давление на Ивана III. Но обе попытки не имели никаких шансов на успех. Из этих писем становится очевидным, что ни литовцы, ни поляки не понимали специфики политического устройства Великого княжества Московского. Тот авторитет, которым обладали

³⁸³ Там же. С. 324.

³⁸⁴ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т. 35 (Польша и Литва). С. 372 – 376. Док. №75.

³⁸⁵ Там же. С. 376.

шляхтичи в Польше и Литве, не мог даже присниться думным боярам. Читая польские документы, исследователь постоянно встречается с тем, что на всевозможных сеймах дворяне выступают с критикой действий короля, сетуют на несоблюдение их прав и в открытую указывают на то, что необходимо делать. При Александре был принят закон *nihil novi*, который запрещал принятие в Польше любых законов без единогласного одобрения Сейма и который заложил основу магнатской власти в Речи Посполитой. На Руси такого положения дел никогда не было, особенно если речь идет о Москве. При сильном государе, каким, безусловно, был Иван III, бояре не имели права вмешиваться в столь значимые для Великого князя вопросы. Любой, кто по собственной инициативе взялся бы что-либо советовать князю, мог тут же лишиться головы. Конечно, в Новгороде и Пскове с давних времен существовал вечевой строй, где князья по сути дела играли второстепенную роль, но для других регионов Руси такое положение дел не было характерным.

Огласив все грамоты, предназначенные боярам, послы удалились и стали дожидаться следующего вызова. Но 14-го, 15-го и 16-го марта при русском дворе появились не они, а Сигизмунд Сантай, миссией которого являлось склонить обе стороны к взаимным уступкам. Много споров было между боярами. Шляхтичи требовали заключения мира по примеру 1494 года, где все захваченные русской стороной земли, вновь стали бы частью Великого княжества Литовского. Но Иван III не мог пойти на это, так как подобный шаг уничтожил бы все достижения этой военной компании и обесценивал все жертвы.

Венгерский посол прибегал к тем же методам убеждения, что и в первой части своего посольства: апелляция к крестовому походу, попытка запугать гневом Святейшего престола. Кроме того Сантай поведал, что турецкий посол находится в Вильно, и в случае отрицательного результата переговоров в Москве Александр подпишет с Портой союз. Но на русскую сторону эти речи не производили большого впечатления. Бояре продолжали упорствовать. Переговоры шли тяжело и медленно, никто не хотел уступать. Венгр начал предлагать, как альтернативу миру, перемирие на определенный срок, чтобы

между государствами прекратилось кровопролитие. Наконец, терпение послов кончилось, они поставили ультиматум, или Великий князь дает ответ относительно заключения мира или отпускает послов. 22-го марта в Москве, наконец-то, предложили план 6-летнего перемирия с Великим княжеством Литовским и Польшей. Основной вопрос был решен, теперь дело оставалось за оформлением.

3. Результаты посольства

25 марта 1503 года Иван Сапега в посольской избе совместно с дьяками составлял текст грамот, которые регулировали условия перемирия. Большая территория юго-западной Литвы перешла Великому княжеству Московскому. Такие города как Вязьма, Дорогобуж, Брянск, Гомель, Чернигов, Новгород Северский и многие другие вновь вошли в состав Руси. Смоленск оставался в руках литовцев, но на пути к его приобретению был сделан серьезный шаг.

После урегулирования конфликта еще оставались нерешенные вопросы с Ливонским орденом. На аудиенции 30 марта поляки, литовцы и Сигизмунд Сантай просили Ивана III принять немецких представителей, что и было сделано. Однако, для заключения мира представители рыцарей были отправлены к наместнику Великого Новгорода, ссылаясь на установленную традицию. Было решено, что немцы получают перемирие в Новгороде сроком на 6 лет. В итоге ливонцы получили мир на 50 лет, но на условии ежегодной выплаты Москве дани.

Кровопролитная война, которая длилась с 1500 по 1503 год, подошла к своему завершению. Русские получили значительные земельные приобретения, поляки и литовцы – мир. Но стратегические пункты, такие как Смоленск, еще оставались в руках неприятеля и еще долгие годы были проблемой в польско-русских отношениях.

Почему же случилась эта война? Нам представляется, что первоначально у Ивана III не было планов глобальных территориальных захватов. В тот период престарелого государя уже не так волновали новые приращения его земель. Намного острее стоял вопрос о спокойном и легитимном переходе власти.

Конец XV – начало XVI столетия ознаменовался серьезным семейным кризисом, который был вызван вопросом престолонаследия в Москве. После смерти в 1490 году Ивана Молодого, оставался его сын Дмитрий, который являлся соправителем деда с 1498 по 1502 год. Но вторая жена Ивана III всеми силами старалась закрепить трон за своим сыном Василием, будущим Василием III. Путем интриг против Елены Волошанки и ее сына, Софье Палеолог удалось это сделать в 1502 году³⁸⁶. Все это время, с 1490 года обстановка на Великокняжеском дворе была отнюдь неспокойной, семейная склока грозила вылиться в новый виток «Московской междоусобной борьбы», как во времена малолетства Ивана III.

По нашему мнению, конфликт 1500–1503 гг. был спровоцирован наступлением католичества на восточные земли Великого княжества Литовского, притеснением местного православного населения и агитацией перехода православных в лоно Римско-Католической Церкви. В этих условиях Великий князь Московский понимал, что в случае успеха политики Рима, возвращение этих земель под власть Рюриковичей будет практически невозможным. Население, потеряв свою исконную веру и вступив на иной западный культурно-исторический путь развития, перестало бы идентифицировать себя русскими. На этих территориях национальная идентификация происходила по религиозному принципу: православный — значит русский, католик — поляк. Это означало, что Ивану III необходимо было как можно быстрее изменить ситуацию. Поэтому он упорно настаивал на православном вероисповедании своей дочери Елены и на немедленном прекращении католизации православных князей Литвы. По мере успехов на поле боя, русская сторона решила попробовать овладеть Смоленском, давней стратегической целью во взаимоотношениях с Литвой и Польшей.

Вклад венгерского дипломата Сигизмунда Сантая в установление мира довольно велик. Он выступил в качестве третьей стороны, способной примирить два враждующих лагеря. Посол умело лавировал, настаивал, убеждал, подчеркивая при этом авторитет своего короля Владислава II и

³⁸⁶ В 1505 году, уже после смерти Ивана III, его внук Дмитрий будет заточен и умрет в 1509 году.

Апостольского престола. Вряд ли в Москве верили в реальную антитурецкую коалицию, и уж, тем более, в собственное участие в ней. В тот период Русь имела дружественные отношения с Портой³⁸⁷ и не собиралась портить их по прихоти Папы. Тем не менее, венгерское посредничество помогло, и 6-летние перемирие, столь необходимое Александру Ягеллону, было заключено. На обратном пути из Москвы в Буду Александр передал Сантаю письмо для своего брата Владислава II³⁸⁸. В нем он благодарит Венгерского короля за помощь, оказанную в урегулировании конфликта, а также говорит, что Сигизмунд Сантай помог его послам и добросовестно выполнил все поручения.

4. Иван III и Ягеллоны после войны 1500–1503 гг.

Основные действующие лица этого конфликта ненадолго пережили заключение перемирия. В 1503 году умирает папа Александр VI и польский кардинал Фредерик Ягеллон. 27 октября 1505 года не стало Ивана III. Польский король Александр с середины 1505 года был разбит параличом, но смерть настигает его только в 1506-ом. Жизненный путь главных участников польско-московского конфликта завершился. Но внешнеполитические задачи и государственные приоритеты как Москвы, так и Кракова остались неизменными и могли столкнуть (и столкнули) оба соседних государства в недалеком будущем.

Если говорить о польской дипломатии, то после войны с Иваном III основным вопросом оставалась ленная присяга крестоносцев. Для рассмотрения этого дела, а также Торуньского соглашения, в 1502 году к Папе были отправлены польские послы³⁸⁹. Но никаких изменений не произошло: Максимилиан Габсбург поддерживал тевтонцев, и те не желали приносить

³⁸⁷ 27 июня 1492 года в своей грамоте к Ивану III крымский хан Менгли Гирей советует Великому князю Московскому написать турецкому султану (РХО. Т. 41. С. 148–156. Док. №35). 30 августа 1492 года Иван III отправляет грамоту Баязиду II (Там же. С. 156–165. Док. №36). В сентябре 1496 года состоялось первое русское посольство к турецкому султану Баязиду II, русский посол Михаил Андреевич Плещеев (Там же. С. 231–236. Док. №50).

³⁸⁸ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. Kraków, 1927. №175. S. 297 – 298.

³⁸⁹ Historia dyplomacji polskiej. W., 1980, t.1. S. 560.

присягу польскому королю, чтобы бы им ни предписывала Римская курия. Александр Ягеллон умер, так и не получив от немцев ленной присяги.

Что касается русско-польских отношений, то они вошли в спокойное русло. Каждый из правителей сосредоточился на решении внутренних проблем и на иных внешнеполитических задачах. Мелкие пограничные стычки продолжали происходить, но о новом серьезном конфликте не могло быть и речи.

Относительно молдавских земель у польской дипломатии главная задача состояла в возвращении себе аннексированного Покутья. Для этого при посредничестве Владислава II Венгерского были отправлены послы к Стефану Молдавскому. Но, по стечению обстоятельств, 2 июля 1504 года Стефан Великий умер³⁹⁰. Проблема так и не решилась, поскольку в Молдавии после смерти воеводы начался хаос. В этой ситуации в регионе снова активизировались османы. Действовать в подобной ситуации для польской стороны было невозможно.

В вопросе отношений с Портой и антитурецкой коалицией момент для Польши был упущен. Никому в Европе не было выгодно воевать с Турцией. Ягеллоны постепенно склонялись к тому, что выгоднее заключить мир с османами, чем впутываться в новую военную авантюру. В 1503 году Венгрия и Польша подписывают с Османской империей мирный договор.

Остальная Европа после смерти Папы Александра VI Борджиа оставила идеи антитурецкой коалиции. Борьба внутри Италии и франко-имперское противостояние стали основными темами в международных отношениях начала XVI столетия. Уже не появлялось такого количества эмоциональных сочинений гуманистов, призывающих немедленно взяться за оружие против турок. Угроза стала менее заметной, но не менее острой, лучше всего это понимали в Венгрии, но ресурсов для противостояния у Владислава II не было, так же, как и надежды на помощь остальных европейских государей.

³⁹⁰ Ibid. S. 565.

Максимилиан Габсбург продолжал проводить антиягеллонскую политику, поддерживая тевтонцев и венгерских магнатов. Хорошие отношения с Москвой входили в планы императора Священной Римской империи. Последствием русско-польско-литовского конфликта 1500–1503 гг. явилось два посольства в Москву из Германии. В июле 1505 и октябре 1506 года послы от императора Максимилиана и его сына Филиппа просят отпустить ливонских пленников, которые оставались после войны³⁹¹. Иван III выполнил просьбу своего давнего союзника. Император решил вступить за пленных немцев не только поднятия своего престижа в Ливонии, но и для поддержания дипломатических контактов с Русью, надеясь на дальнейшее сотрудничество против династии Ягеллонов.

³⁹¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. (по 1800 год) Часть 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М., 1894. С. 4.

Заключение

Во второй половине XV столетия польско-литовская династия Ягеллонов была одной из самых могущественных в Европе. Завоевав троны Литвы, Польши, Чехии и Венгрии, они осуществляли протекторат над Тевтонским орденом и Молдавией. На востоке государства подвластные Ягеллонам граничили с русскими княжествами, самым влиятельным из которых было Великое княжество Московское. С 1425 по 1453 года Москва переживала кровопролитную междоусобную борьбу, которая сильно ослабила государство. Пришедшему к власти в 1462 году Ивану III удастся постепенно стабилизировать ситуацию в стране, московский князь продолжает курс на централизацию державы и выход из-под власти татар. В первые годы правления Великого князя Московского не могло быть и речи о конкуренции с Ягеллонами.

В начале 70-х годов у Ивана III не было союзников за пределами своих владений, поэтому он не мог позволить себе открытого конфликта с Ягеллонами. Первые столкновения интересов Ивана III и Польского короля произошли во время подчинения Москвой богатейшей Новгородской боярской республики, начатого в 1471 году. В начале 70-х годов Казимир IV рассматривал новгородские земли как плацдарм для укрепления польских торговых позиций на Балтике. Переговоры боярской республики с Польшей и Литвой были озвучены Иваном III в качестве причин похода на Новгород в 1471 году. Тогда Казимир IV не поддержал новгородцев, что предопределило исход новгородско-московской войны в пользу Ивана III. Победа Москвы отражает специфику последующих взаимоотношений Ивана III и Казимира IV на международной арене. С одной стороны, планомерное и расчетливое достижение своих целей Москвой и, с другой, отсутствие у Польши и Литвы последовательной стратегии сдерживания Ивана III. Канцелярия польско-литовской династии конца XV – начала XVI вв. продолжала воспринимать Москву как слабое, внутренне нестабильное государство, не заслуживающее серьезного противодействия.

Даже после покорения Москвой богатейшего Новгорода, Казимир IV обладал значительным преимуществом. На международной арене он мог опираться не только на тандем с Большой Ордой, но и на крымских татар, с которыми при Хаджи Гирее был заключен союз. Иван III находился в международной изоляции, поэтому это было удачное время для атаки на Москву, но Казимир IV медлил, не видя в Великом княжестве Московском серьезного противника. Этим не преминул воспользоваться Иван III, и после того как Крымское ханство было подчинено Турции, смог перетянуть крымско-татарского хана на свою сторону. Это явилось серьезной победой, так как Москва получила первого союзника против тандема «Польша—Орда».

К концу 70-х годов XV века к антиягеллонскому союзу Великого княжества Московского и Крымского ханства присоединяется Молдавия. Сближение со Стефаном Великим начинается с 1479 года и завершается заключением брака между Иваном Молодым и Еленой Волошанкой в 1483 году. Скрепление политического союза династическим браком являлось обычной практикой для международных отношений. Об антиягеллонском характере русско-молдавских переговоров свидетельствует активное посредничество в них Крымского хана и Османской империи. Казимир IV пытался подорвать позиции Москвы, активно поддерживая ордынские набеги на Русь и предпринимая попытки перетянуть на польско-литовскую сторону крымского хана Менгли Гирея. Отсутствие понимания внешней политики Крыма и ее зависимости от Османской империи после 1475 года, а также отказ в военной помощи хану Большой Орды Ахмату в решающий момент «стояния на реке Угре», свели на нет всю антимосковскую политику Казимира IV.

Османская империя сыграла ключевую роль в сотрудничестве Ивана III с крымским ханом Менгли Гиреем. В историографии традиционно считают решающим фактором крымско-московского союза совместное стремление противостоять Большой Орде. На наш взгляд это важный фактор, но не определяющий для сближения крымских татар с Москвой. После 1475 года внешняя политика Крымского ханства координировалась с Турцией. Для понимания действий Менгли Гирея на международной арене необходимо более

пристально изучить внешнеполитические задачи Порты. Захват молдавских территорий, а именно важнейших торговых портов Килии и Аккермана, составлял цель внешней политики турецких султанов в этом регионе. Для достижения этих задач использовались как военные, так и дипломатические инструменты. Молдавский воевода являлся ленником польского короля, что создавало проблемы для осман, так как на выручку Молдавии мог прийти Казимир IV. Для нейтрализации Ягеллона турки решили прибегнуть, во-первых, к дипломатическому обману, притворяясь союзниками Польши и, во-вторых, к ослаблению Казимира IV через поддержку Московского княжества посредством крымских татар.

Неприсоединение Казимира IV к войскам хана Ахмада во время ордынского похода на Москву 1480 года продиктовано дипломатическими усилиями Ивана III. Эти события показали эффективность выбранной Московским государем тактики противодействия Ягеллонам с ориентацией на совместную деятельность союзников. Менгли Гирей осуществлял разрушительные походы на южные земли Литвы, в то время как Стефан Молдавский сообщил польскому королю ложную информацию о наступающей османской армии. Покушение на Ягеллона, организованное литовскими вельможами, предпринятое, с большой долей вероятности, с одобрения Москвы — все это не позволило Казимиру IV выступить с войском и поддержать хана Ахмата в период «стояния на реке Угре».

После 1480 года внимание Казимира IV полностью сосредоточилось на решении польских и литовских проблем. Просчеты во взаимных контактах с Блистательной Портой аукнулись для Польши тяжелой утратой торговых портов Килии и Аккермана, через которые велась южная торговля Польши. Это стало причиной открытого конфликта с османами. И хотя в 1489 году Польше удалось прийти к миру с султаном, но причерноморские города так и не были возвращены, и польская дипломатия продолжала искать возможных союзников против турок. В это время Иван III укрепляет существующий антипольский союз с Молдавией и Крымом и налаживает дипломатические отношения с новыми для Руси государствами Венгрией и Священной Римской Империей.

Два европейских противника Ягеллонов — Матияш Корвин и Габсбурги — увидели в Москве потенциал по сдерживанию мощи польско-литовской династии.

После смерти Корвина Казимиру IV удалось посадить своего сына Владислава на венгерский трон, однако, внешняя политика Польши и Литвы по отношению с Москвой к 90-м годам XV столетия выглядела неутешительно. Последний союзник Польши против Ивана III, Большая Орда, пребывала в хаосе после смерти Ахмата, новых партнеров у польского короля не было. Казимир IV умер монархом огромной державы, оставив сыновьям троны четырех государств, но соседство с набравшей силу Москвой не предвещало ничего хорошего.

В 1492 году в Центральной и Восточной Европе на тронах Чехии, Венгрии, Польши и Великого княжества Литовского оказались родные братья — Владислав II, Ян Ольбрахт и Александр, что привело к возникновению такого феномена, как «совместная дипломатия Ягеллонов». На первом этапе представители польско-литовской династии попытались сформировать общую внешнеполитическую стратегию. Самым ярким событием, иллюстрирующим эту тенденцию, является съезд Ягеллонов в Левоче. Тогда были определены основные приоритеты династии на международной арене, а именно противостояние усилению Габсбургов и борьба с Османской империей.

Отношения с Москвой не входили в круг первичных приоритетов Ягеллонов, опираясь на старую привычку польской канцелярии не принимать в расчет деятельность Ивана III. Под влиянием Рима, начиная с 1494 году в землях Великого княжества Литовского начинается активное насаждение католической веры среди местного православного населения. Это спровоцировало не только массовый переход православных литовских магнатов на службу Московского государя, но и начало войны между Москвой и Литвой в 1500 году. Военное столкновение носило ярко выраженный религиозный характер и было принципиальным для Ивана III. На стороне Москвы выступил старый союзник Менгли Гирей, сдерживающий Шейх-Ахмеда от разорения южной Руси. Максимилиан Габсбург оказал Ивану III содействие, создав

проблемы Ягеллонам с Тевтонским орденом и польскими городами Поморья. Война с Москвой требовала огромных ресурсов, что отвлекало Ягеллонов от достижения целей, поставленных на совместной съезде в Левоче. Династическая политика Ягеллонов проявилась во время мирных переговоров по урегулированию конфликта между Александром и Иваном III, где посредниками выступили Владислав II и папа римский.

Династия Ягеллонов не смогла сохранить выгодную для себя ситуацию на международной арене. Ни одна из задач не была решена: Тевтонский орден вышел из вассальной присяги Польскому королю, династия Габсбургов продолжала наращивать свое влияние, а захваченные причерноморские порты оставались в руках осман. Кроме этого, Москва усилила свои позиции по сравнению с 1492 годом, в ходе войны 1500–1503 гг. Литвой были потеряны важные приграничные территории, что создавало опасность для обороны Смоленска. В 1503 году умирает видный политический деятель Польши кардинал Фредерик Ягеллон, а вскоре и сам польский король и Великий князь Литовский Александр. С 1506 года из всех братьев в живых остались только Владислав II и Сигизмунд — будущий Сигизмунд I Старый, король Польши и Великий князь Литовский. Теперь им двоим предстояло сопротивляться натиску Габсбургов, османов и Москвы.

Спецификой родовой дипломатии польско-литовской династии с 1492 по 1506 год являлось отсутствие четкого центра, который бы занимался общей координацией деятельности семейства. Оставшиеся после смерти отца братья-Ягеллоны Владислав, Ян Ольбрахт, Александр, Сигизмунд и кардинал Фредерик были независимыми «партнерами», каждый из которых преследовал в первую очередь свои собственные интересы. Проведение ими совместных мероприятий имело целью укрепление личного положения, но не процветание династии.

На примере рода Габсбургов мы можем видеть другой вариант функционирования семейной политики. У Габсбургов прослеживается четкая централизация принятия решений и проведения мероприятий. Неофициальным главой династии считался тот, кто занимал трон Священной Римской империи.

Все остальные родственники должны были совместно работать на укрепление престижа и могущества династии, чтобы она не потеряла свое особое положение и статус. Сюда входила как военная поддержка в случае возникновения конфликтов, денежные субсидии, помощь советом, так и совместное управление землями семейства.

Такое различие в ведении политики этих двух соперничающих родов предопределило падение первого и процветание второго. Все действия Ягеллонов носили в немалой степени противоречивый и непоследовательный характер. У Габсбургов подобного не наблюдается, все разногласия внутри династии строго пресекались. Благодаря этой внутренней династической дисциплине выходцам из Швейцарии со временем удалось занять лидирующие позиции в Европе и создать империю, в которой «не заходит солнце». Представители польско-литовского рода не смогли удержать в своих руках того, что имели к концу XV века. В результате после 1526 года за Ягеллонами остались только Польша и Литва.

Это не единственная ошибка, которую допустили Ягеллоны после занятия тронов Венгрии, Чехии, Польши и Литвы. Разногласия внутри семьи усугубились и внешнеполитическим просчетом. Вместо того, чтобы налаживать добрососедские отношения с теми регионами, которые граничили с их странами, Ягеллоны начали ввязываться в западноевропейские авантюры. Сближение с Францией напугало и спровоцировало агрессию по отношению к польско-литовской династии немецкого соседа, Габсбурга. Заигрывание с Папой и католическими орденами решительно настроило против Литвы и Польши Великого князя Московского. Но ни один из этих далеких «союзников» не был готов прийти на помощь Ягеллонам: их использовали — французский король для создания неприятностей Габсбургам, а Папский престол для укрепления своей власти и пополнения казны за счет польских «вливаний». Дипломатия Ягеллонов представляла пример внешней политики «старого формата», что проявилось в конфликтах с Москвой. В условиях конца XV столетия на первый план выходит союзные действия против врага. Иван III пытался максимально расширить круг сторонников Москвы в борьбе против

Ягеллонов. Польша и Литва наоборот в основном рассчитывали на свои силы, к союзникам относились без должного внимания и поддержки, что в итоге привело к неудачам на поле боя. Таким образом, и Венгрия с Чехией, и Польша с Литвой оказались в плотном кольце неприятелей, которые истощали денежные ресурсы семейства и подрывали его международный авторитет.

Начало XVI столетия — это время развития международных отношений и становления дипломатической службы как таковой. Формирование национальных государств приводит к возникновению ведомств, задачей которых было ведение внешней политики государства. Складывается штат дипломатов, постепенно формируются нормы международного права, наконец, делаются первые шаги по оформлению института постоянных представителей-послов за границей.

Государственная дипломатия на заре своего появления еще не рассматривалась в контексте защиты и продвижения национальных интересов государства, это скорее характерно для более позднего периода (XVII век). В сознании людей XV столетия еще продолжала существовать тождественность «государства» и «вотчины» монарха. Дипломатическая служба была призвана отстаивать в первую очередь династические или личные цели своего правителя, а не государственные интересы страны. Внешняя политика Ягеллонов яркий тому пример. Достаточно вспомнить эпизод, когда польский посол Николай Розенберг представлял на имперском Рейхстаге в Германии интересы сразу несколько государств, подвластных Ягеллонам. Ситуация на мирных переговорах Москве в 1501 году, когда польский посол Олехно Скорута делает заявления и от имени венгерского короля Владислава II, идентична. В представлении русской стороны, также как и ранее на немецком Рейхстаге, действия посланника польского короля легитимны. Это характерно не только для польско-русских или польско-немецких, но и для мировой системы международных отношений в целом.

По мере развития дипломатических связей возникают ситуации, когда один посол проводит миссию не только от имени династии, но и от государей, не являющихся родственниками. В 1503 году Сигизмунд Сантай имел

поручения одновременно от венгерского короля, польского и Римской курии, но если Владислав II и Александр были связаны кровными узами, то с Папой Римским объединяло стремление к созданию антитурецкой коалиции. Венгерский дипломат в одном лице являлся представителем как светской, так и духовной власти, что, на наш взгляд, представляется интересным фактом истории становления дипломатической службы и права.

На рубеже XV – XVI столетий расширяется представление людей об окружающем мире, открываются новые территории. И это «открытие» было не только географическим, но, если можно так выразиться, и психологическим. Россия, представлявшаяся ранее для Западной Европы диким и варварским краем, постепенно выходит из тени и становится полноправным игроком на международной арене. Включение московских земель в европейскую орбиту происходит в первую очередь за счет иностранных дипломатов и купцов. Сигизмунд Герберштейн, имперский посланец, создал одно из первых популярных в Европе описаний Руси. В эпоху Ивана III Московское княжество представляло собой экзотику для западного человека ничуть не меньшую, чем Османская империя, можно даже утверждать, что и большую. Православие, иные обычаи, архитектура, суровый климат и жестокие нравы – все это создавало сложности в восприятии европейцами России. Большинство жителей Старого Света и вовсе не задумывались о существовании княжества Московского, а картографы с изрядным упорством обозначали на картах просто «Tartaria». Турок в Европе знали значительно лучше, так как сталкивались с ними в той или иной форме еще со времен Крестовых походов, но что было в Москве – это ставило европейцев в тупик.

Ближайшие соседи – литовцы и поляки должны были иметь представления о политической жизни на Руси, но посольства, и в том числе 1503 года свидетельствуют об обратном. Письма Елены Ивановны к Ивану III и братьям были абсолютно неуместными для политической культуры Великого княжества Московского. Ее вмешательство во внешнеполитические дела вызвало при русском дворе недоумение. На Руси не было традиции участия женщин из числа родственников в политических вопросах, что можно

наблюдать в мусульманских странах, таких как Османская империя, Большая Орда или Крымское ханство. Того авторитета, которым на Востоке обладала мать и жена, несмотря на все внешние атрибуты «угнетения», не существовало на Руси.

В ходе посольства в Москву 1503 года был допущен еще один промах, который свидетельствует о непонимании особенностей функционирования политической власти в Великом княжестве Московском. Высшие государственные мужи Литвы, Польши и Венгрии посчитали, что Боярская Дума на Руси обладает теми же правами и влиянием, что и высшие дворянские сеймы и собрания в землях Ягеллонов. Отправляя письма с просьбой содействовать миру, думным боярам приписывали шляхетские и магнатские вольности, что отражает полное незнание западными соседями основ политической культуры Русского государства. Не было такого князя и боярина, который бы осмелился по собственной инициативе советовать Ивану III, одно из прозвищ которого при жизни было «Грозный». В Польше, Литве и Венгрии управление магнатов было нормой, а король или Великий князь иногда вообще оказывался в положении марионетки.

Отмечая ошибочные представления об обычаях на Руси у ближайших соседей, становится очевидным незнание Руси Западом. Дипломаты в XV веке только начали осваивать дорогу в Россию. Посольства от Папы, Венгрии и Габсбургов — шаг за шагом открывали Москву для Европы. Приходит понимание, что этот безграничный край можно использовать в своих интересах, а правителя выгоднее иметь союзником, чем врагом. Долгое время Россия еще будет находиться на периферии международных отношений, но богатство и потенциал, который она имела, сулил славное будущее.

Библиография

Источники

Неопубликованные

1. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD), Liber legationum, 1. fol. 46r – 52r.
2. AGAD, Liber legationum, 1. fol. 61a – 61r.
3. AGAD, Liber legationum, 1. fol. 125a – 134r.

Опубликованные

4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. — 428 с.
5. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800). М., 1894. Ч.1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). — 304 с. М., 1896. Ч. 2 (Польша). — 322 с. М., 1897. Ч. 3 (Пруссия). — 322 с.
6. Любавский М. Литовско-русский сейм. СПб., 1907. — 1160 с.
7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою с 1488 по 1594 год, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1851. — 852 с.
8. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. — 303 с.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (РИО). СПб., 1882. Т.35 (Польша и Литва) — 952 с; СПб., 1884. Т. 41 (Хан и Крым). — 638 с.
- 10.Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть пятая. М., 1894. — 562 с.
- 11.Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV – XVI вв. М., 1887. — 244 с.

12. Akta stanów Prus Królewskich. T. 3, cz. 1, (1492–1497) — 304 c; T. 3, cz. 2, (1498–1501) — 305 c; T. 4, cz. 1, (1501–1504) — 234 c; T. 4, cz. 2, (1504–1506) — 365 c. / wydali Karol Górski i Marian Biskup.

13. Deutsche Reichstagsakten. Bd. 6. Reichstage von Lindau, Worms und Freiburg 1496 – 1498. Göttingen, 1979. — 737 s.

14. Dogiel M. Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, in quo pacta, foedera, tractatus paci etc. Vilnae, 1758. T. 1 — 689 s; T. 4: in quo totius Prussiae res continentur. Vilnae, 1758. T. 5: in quo ut universae Livoniae, ita speciatim Curlandia et Semigalliae ducatum res continentur. — 560 s.

15. Dogiel M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplis authenticis descripti et in lucem editi. Vilnae, 1758. — 225 s.

16. Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506. (Księga skarbowa króla Aleksandra Jag.) Warszawa, 1897. — 126 s.

17. Lietuvos metrika Kn.5.(1427–1506). Vilnius, 1993. — 402 s.

18. Materiały do dziejów dyplomacji Polskiej z lat 1489–1516 (Kodeks Zarebskij). Kraków, 1966. — 220 s.

19. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Tomus III (1392–1501). Cracoviae, 1894. — 665 s.

20. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. Kraków, 1927. — 631 s.

21. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gestiumque finitimarum illustrantia. T. 2. Romae, 1861. — 818 s.

Литература

20. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. — 541 с.

21. Балязин В.Н. Россия и Тевтонский орден в 1461–1525 гг.: Автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук, М., 1963. — 16 с.

22.Баронас Д. Католичество и православие в едином пространстве Великого княжества Литовского, XV – нач. XVI в. // Религия и Русь, XV – XVIII вв. М., 2020. — С. 20–32.

23.Белокуров С.А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (1486–1800). Вып. 1. Австрия. Венгрия. // Россия. Министерство иностранных дел. Московский главный архив. Сборник. — Вып. 5. — М., 1893. — 98 с.

24.Виноградов А.В. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.-СПб., 2015. — 440 с.

25.Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI века. М., 2007. — 197 с.

26.Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI вв. Кишинев, 1984. — 154 с.

27.Гонца Г.В. Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М., 1979. — 392 с.

28.Грессинг З. Максимилиан I. М., 2005. — 336 с.

29.Гулевич В.П. Большая Орда в 1481–1485 гг. и попытка хана Муртазы захватить Крым. // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. Нур-Султан, 2019. — С. 294–307.

30.Гулевич В.П. Малоизвестный крымский хан Джанибек (1476–1477 гг.) // Золотоордынская цивилизация. №10. Казань, 2017. — С. 315–320.

31.Зайцев И.В. Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI в. // Крымское историческое обозрение. — №2. — Казань — Бахчисарай, 2016. — С. 35–51.

32.Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV – XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. — 304 с.

33.Заллет, Рихард. Дипломатическая служба. Ее история и организация. М., 1956. — 382 с.

34.Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982. — 333 с.

35.Зими́на Е. С. Венгерское посредничество Сигизмунда Сантая в Русско-польской войне 1500–1503 года. // *Per aspera*. Сборник статей победителей конкурса научных студенческих работ исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и материалы научных конференций. — Выпуск 1. — Москва, 2009. — С. 194–213.

36.Зими́на Е. С. Внешняя политика Крымского ханства после османского завоевания. Между Польшей и Москвой // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. – 2022. – Т. 13. – Выпуск 11 (121). URL: <https://history.jes.su/s207987840023353-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840023353-7

37.Зими́на Е. С. Молдавия и Польша во второй половине XV столетия. Короткий путь от вассала до врага // *Клио*. — №6 (198). — СПб, 2023. — С. 24-28. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_06_24

38.Зими́на Е. С. Отношения Польши и Литвы с Великим княжеством Московским накануне Стояния на реке Угре // *Клио*. — №2 (194). — СПб, 2023. — С. 38–41. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_02_38

39.Зими́на Е. С. Польско-литовская династия Ягеллонов в контексте международных отношений в конце XV – начале XVI столетия. // *Вестник Московского университета*. — Серия 8. История. — №3. — Москва, 2013. — С. 20–43.

40.Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М., 2000. — 197 с.

41.Ивонин Ю. Е. Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI века: Очерки. Смоленск, 2001. — 132 с.

42.Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. — 160 с.

43.История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1959. — 896 с.

44.История Польши. Т. 1. Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М., 1954. — 583 с.

45. Казакова Н.А. Грамота Ивана III папе Александру VI. – Археографический ежегодник, 1973. М., 1974. — С. 26 – 28.

46. Карамзин Н.Г. История государства Российского. Сочинение в 12 томах. Том V–VI. СПб., 1852. — 790 с.

47. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв. Проблемы торговли. М., 1990. — 335 с.

48. Катаев И.М. Россия и Австрия. М., 1914. — 48 с.

49. Климанов Л.Г. Документы венецианского дипломатического обихода XIII – XVI вв. и деловая техника дипломатии. Автореф. канд. дисс. Л., 1987. — 17 с.

50. Кудрявцев О.Ф. Географические открытия на востоке Европы и их влияние на самосознание ренессансной эпохи. // Новая и новейшая история — Том 67 — №4 — 2023. — С. 82–88.

51. Кудрявцев О.Ф. Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020. — 389 с.

52. Лурье Я.С. Внешнеполитические и международные отношения Российского государства в начале XV – первой половине XVI вв. // Очерки истории СССР истории феодализма. М., 1956. — 866 с.

53. Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2017 — 304 с.

54. Матасова Т.А. Участие Софьи Палеолог в придворных церемониях. // Средние века — Том 84 — №3 — 2023. — С. 85–107.

55. Моисеев М.В. «Иже где лихих нет...» нападения в степи на дипломатические миссии и их урегулирование в XV – XVI вв. Россия, Татарские государства и Османская империя перед криминальным вызовом «вольных сообществ». // Новое прошлое/New Past. — №4. — 2019. — С. 28–39.

56. Моисеев М.В. Переводчики и толмачи с восточных языков в Московском государстве конец XV – XVI вв. // Восток (Oriens). — №4. — 2021. — С. 72–82.

57. Никольсон, Тарольд. Дипломатия. Пер. с англ. М., 1941. — 156 с.

58. Османская империя и страны центральной, восточной и юго-восточной

Европы в XV – XVI вв. М., 1984. — 302 с.

59. Пашуто В.Т. Древняя Русь и Австрия. // *Ost-West-Begegnung in Osterreich*. — Wien, 1976. — S. 235–239.

60. Пирлинг П.О. Россия и папский престол. М., 1912. Т. 1. — 465 с.

61. Ранке Л. Римские папы. Их церковь и государство. СПб., 1869. Т. 1. — 480 с.

62. Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. — 221 с.

63. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь, 2014. — 308 с.

64. Савва В. И. О Посольском приказе XVI в. Харьков, 1917. — 409 с.

65. Семенова В.Н. Польско-габсбургские отношения в первой четверти XVI века. Автореферат. М., 1953. — 16 с.

66. Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешнеполитической истории). М., 2006. — 424 с.

67. Сказкин С.Д. Международные отношения в Европе в конце XV и первой половине XVI в. // Сказкин С.Д. Из истории социально-исторической и духовной жизни западной Европы в средние века. М., 1981. — 298 с.

68. Сказкин С.Д. Итальянские войны. // Сказкин С.Д. Из истории социально-исторической и духовной жизни западной Европы в средние века. М., 1981. — 298 с.

69. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинение в 18 книгах. Книга III. М., 1989. — 784 с.

70. Сочинение Геннадия Карпова. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508. М., 1867. — 448 с.

71. Тоскин Л.Ф. Борьба за господство в Дунайском бассейне во второй половине XV века. Автореферат. М., 1954. — 16 с.

72. Тураева-Церетели Е.Ф. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, королева польская. М., 1930. — 358 с.

73. Форстен Г. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. — 620 с.

74.Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005. — 416 с.

75.Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века. М., 1973. — 224 с.

76.Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. М., 1978. — 302 с.

77.Хорошкевич А.Н. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. М., 1980. — 294 с.

78.Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI века. М., 2001. — 336 с.

79.Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002. — 699 с.

80.Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. — 218 с.

81.Abrahamowicz, Zygmunt. Katalog dokumentów tureckich. Dokumenty do dziejów Polski I krajów ościennych w latach 1455–1672. Warszawa, 1959. — 361 s.

82.Adams, Robyn, and Cox, Rosanna. Diplomacy and Culture in Early Modern Europe. London, 2010. — 200 p.

83.Allen E.J.B. Post and Courier service in the Diplomacy of the Early Modern Europe. The Hague, 1972. — 162 p.

84.Anderson M. S. The Rise of Modern Diplomacy., 1450 – 1919. London, 1993. — 330 p.

85.Austria Polska: z dziejów sąsiedztwa: Praca zbior. Pod red/ W. Leitscha: M. Wawrykowej. Warszawa. 1989. — 278 s.

86.Baczkowski K. Działalność polsko-węgierskiej dyplomacji w Rzeszy Niemieckiej w latach 1498 – 1500 oraz sojusz Jagiellonow z Francją. // Studia Hstoriczne, — 1977, — Z. 4. — S. 355–376.

87.Baczkowski K. Walka o Węgry w latach 1490 – 1492. Kraków, 1995. — 168 s.

88. Baczkowski K. Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku. // *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII – XVII wieku, ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. Z. H. Nowak, Toruń 1992. — S. 37–49.

89. Carter Ch. *The Western European powers, 1500–1700*. New York, 1971. — 347 p.

90. Curch, *Politics and Patronage in the Fifteenth Century*. Gloucester. New York, 1984. — 245 p.

91. Daniłowicz I. *Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów*. T.2. Wilno, 1862. — 188 s.

92. *Das Osmanische Reich und die Habsburgermonarchie*. /M. Kurz, M. Scheutz. Wien – Muenchen, 2005. — 650 s.

93. *Diplomatie und Aussenpolitik Österreichs: Elf Beitr. Zu ihrer Geschichte*. / Hrsg von E. Zöllner/. Wien, 1977. — 188 s.

94. Donnert E. *Der livlandische Ordenstaat und Russland*. Berlin, 1963. — 316 s.

95. Dover, Paul, and Scott, Hamish. *The Emergence of Diplomacy*. London, 2015. — 244 p.

96. Fabisz W. *Wiadomość o legatach i nuncyuszach apostolskich w dawnej Polsce (1075 – 1863)*. Ostrów, 1894. — 374 s.

97. Finkel L. *Zjazd Jagiellonów w Lewoczy w r. 1494 // Kwart. Hist.*, — 28 — (1914). Lwów, 1914. — 36 s.

98. Finlay, Robert. *Venice Besieged: Politics and Diplomacy in the Italian Wars, 1494–1534*. London, 2008. — 302 p.

99. Fletcher, Catherine. *Diplomacy in Renaissance Rome, The Rise of the Resident Ambassador*. 2015. — 194 p.

100. Forstreuter K. *Vom Ordenstaat zum Fürstentum Geistige und politische Wandlungen im Deutschordensstaate Preussen unter den Hochmeistern Friedrich und Albert 1498–1525*. Kitzingen am Mein, 1950. — 151 s.

101. Forsteuter K. Preussen und Russland im Mittelalter. Die Entwicklung ihrer Beziehungen von 13. bis 17. Jahrhundert. Berlin, 1938. — 272 s.

102. Forstreuter K. Deutschland und Litauen im Mittelalter. Köln, 1962. — 82 s.

103. Gilbert F. The Pope, his Banker, and Venice. Cambridge, Mass, 1980. — 157 p.

104. Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów, t. III., Warszawa, 1848. — 433 s.

105. Górski K. Łukasz Watzenrode, Życie i działalność polityczna (1447 – 1512), Wrocław, 1973. — 159 s.

106. Grala H. Jagiellonowie a Moskwa. // Europa Jagellonica. Sztuka, kultura i polityka w Europie Środkowej za panowania Jagiellonów. Warszawa, 2015. — S. 57–82.

107. Grill, Heinz. Maximilian I und seine Zeit. Tyrolia, 1977. — 152 s.

108. Hill D. J. A history of diplomacy in the international development of Europe. 3 vols. NY, 1967. — 567 p.

109. Historia dyplomacji polskiej. W., 1980. T. 1. — 876 s.

110. Höflechner W. Die Entwicklung österreichischer Diplomatie im Mittelalter und die Aussenpolitik Maximilians I. // Diplomatie und Aussenpolitik Österreichs. Wien, 1977. — 188 s.

111. Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London, New York, 1973. — 258 p.

112. Kolannowski L. Polska Jagiellonów. W., 1936. — 374 s.

113. Lakatos, Bálint. Diplomats of the kings of Hungary and Bohemia (1490–1526). // Reform and Renewal in Medieval East and Central Europe: Politics, Law and Society. Ed. by Suzana Miljan, Éva B. Halász, Alexandru Simon. Cluj—Napoca—Zagreb—London, 2019. — P. 305–338.

114. Lazzarini, Isabella. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. London, 2015. — 326 p.

115. Macek J. Jagellonský věk v českých zemích (1471 – 1526). Praha, 1992. — 342 s.

116. Mattingly G. *The First Resident Embassies: Medieval Origins of Italian Diplomacy* // *Speculum*, — XII. — Cambridge, 1937 (Oktober). — P. 423–439.
117. Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. London, NY, 1973. — 284 p.
118. Mowat R. B. *A History of European Diplomacy (1451 – 1789)*. Hamden, Connecticut, 1971. — 311 p.
119. Natalson-Leski J. *Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz.1. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego warszawskiego. T. 1, z. 3. Lwów – Warszawa, 1922. — S. 77–80.*
120. Neumann, Tibor. *Dienstleister der Dynastie. Die neue Aristokratie von König Wladislaw II. und der Wiener Fürstentag. // Das Wiener Fürstentreffen von 1515. Beiträge zur Geschichte der habsburgisch-jagiellonischen Doppelvermählung. Hg. von Bogusław Dybaś, István Tringli. (21st-Century Studies in Humanities) Budapest, 2019. — S. 161–188.*
121. Nicolson, Harold. *The Evolution of Diplomatic Method*. 1977. — 100 p.
122. Oberländer P. *Hohmeister Friedrich von Sachsen, Magdeburg, 1914. — 120 s.*
123. Papée F. *Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1999. — 121 s.*
124. Papée F. *Jan Olbracht. Kraków, 2006. — 126 s.*
125. Petrie Ch. *Earlier Diplomatic History, 1492 – 1713. London, 1949. — 251 p.*
126. Pietkiewicz K. *Polska i Litwa pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. = Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. — 256 s.*
127. *Polska służba dyplomatyczna XVI – XVIII wieku. Warszawa, 1966. — 487 s.*
128. Przyboś A., Żelewski R. *Dyplomaci w dawnych czasach. Kraków, 1956. — 450 s.*
129. Queller D. E. *The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967. — 251 p.*
130. Rekettyés M. *Stosunki polityczne i kulturalne polsko-węgierskie za Władysława Jagiellończyka. Wrocław, 1999. — 160 s.*

131.Reumont A., von. Della diplomazia italiana dal secolo XIII al XVI. Firenze, 1857. — 400 p.

132.Rill G. Fürst und Hof in Österreich von den habsburgischen Teilungsverträgen bis zur Schlacht von Mohács (1521/1522 bis 1526). Band 1: Aussenpolitik und Diplomatie. Bühlau Verlag. Wien—Köln—Weimar. 1993. — 304 s.

133.Russell J. G. Peacemaking in the Renaissance. L., 1986. — 278 p.

134.Smołucha J. Papiestwo a Polska w latach 1484 – 1526. Kraków, 1999. — 246 s.

135.Sroka L. S. Historia Węgier do 1526 roku. Bydgoszcz, 2000. — 148 s.

136.Sułkowska-Kusiowa I. Polska kancelaria królewska w latach 1447 – 1506. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. — 181 s.

137.Sułkowska-Kusiowa I., Wejchertowa J. Księgi Poselske (Libri Legationum) Metryki Koronnej // Archeion. — 1968. — T. 48. — S. 61–75.

138.Tardy L. A tatárországi rabszolgakereskedelem és a magyarok a XIII – XV. században. Budapest, 1980. — 256 s.

139.Ulmann H. Kaiser Maximilian I. Stuttgart, 1884–1891. — 381 s.

140.Übersberger, Hans. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien—Leipzig, 1906. — 586 s.

141.Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Band III. Auf der Höhe des Lebens, 1500 – 1508. Der grosse Systemwechsel. Politischer Wiederaufstieg. Wien, 1977. — 520 s.

142.Wolter von Plettenberg: Deutschordensmeister in Livland / Hans Friedrich Blunck. Hamburg, 1938. — 284 s.

143.Wolter von Plettenberg. Der größte Ordensmeister Livlands. Beitr. von Norbert Angermann. Lneburg, 1985. — 381 s.

144.Zeids T. Wolter von Plettenberg und seine Stellung in der Geschichte Lettlands // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hg v. N. Angermann und I. Misans. – Lüneburg, 2001. — S. 9–32.

Приложение 1

1. Liber legationum, I. fol. 46r – 52r.

Часть текста в Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 19. Acta Aleksandra, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego (1501–1506)/Wyd. Papée F. Kraków, 1927. №87. С. 107 – 108.

В Москву из Венгрии.

Со стороны его величества короля Венгрии инструкции для благородного Сигизмунда Сантая к королю Польши Александру и далее к князю Московии и

Т.Д.

Прежде всего, пусть он посетит его величество светлейшего короля Польши и от нашего имени пожелает ему благополучия, так как он самый близкий наш родственник, которому мы желаем невредимости и процветания во всех делах, чего желали и хотели бы слышать по отношению к себе.

Затем, пусть он узнает (хотя мы не сомневаемся), как тот относится к нашему брачному союзу и к светлейшей королеве Анне де Конделе, происходящей из царственного рода и состоящей в родственных отношениях с наихристианнейшим королем Франции, с которой мы собираемся вступить в брак (надеюсь счастливый и благополучный), которую [Анну] светлейшую правительницу привезет князь в этом месяце Господнем. И пусть во всех наших землях выскажут мнение об этом. Встреча наша скоро состоится в присутствии примечательных правителей с множеством рыцарей, посланных Венецией, в праздник Успения Богородицы, когда, по обычаю, будет совершена коронация; и, наконец, сразу после коронации с Господней помощью будет заключен брак. Что бы мы ни решили относительно нашего брака и светлейшей правительницы, прежде следует узнать мнение родственников наших и светлейшего брата нашего, но не через письма и не через послов. Это не могло

быть совершенно по множеству причин, прежде всего, из-за того, что не было точно решено, в какой день и как будет проходить коронация и бракосочетание. Вопреки нашему ожиданию, это стало известно достаточно поздно.

Поэтому пусть его величество не соизволит ставить нам в вину, и приписывать такую небрежность и беспечность, а пусть соизволит расценивать наш брак как служащий нашей чести и интересам семьи нашей, и также радостный нам и приятным нашей душе.

Далее пусть он посетит светлейшую правительницу королеву, нашу мать, а также жену теперешнего короля Польши, а также нашего ... и господина Фредерика, светлейшего кардинала, и светлейшую незамужнюю госпожу сестру нашу; и пусть пригласит их на наше бракосочетание после приветствия их, как уже было изложено. И она пусть также извинит нас за промедление.

После этого пусть сам Сигизмунд пригласит всех их на наше бракосочетание, снова пусть [он] посетит его величество брата и скажет, что послан также по той причине, по какой он отправлен в Москву по делу его величества и для достижения согласия, как того желает его величество. И пусть также скажет его величеству, что он [Сантай] будет действовать в этом деле, в соответствии как с информацией, полученной от его величества, так и с той, которую имеет от нас. Потому пусть он просит у его величества информацию и, в соответствии с тем, что его величество ему даст, пусть поступает и действует. Однако пусть во всем будет соблюдена умеренность, чтобы не разгневать еще больше князя Московского и побудить его к согласию.

Дальше когда его величество прикажет, пусть он отправляется в Московию и пусть действует в этих делах в соответствии с тем, какую информацию ему даст его величество, однако, во всем сохраняя честь, и пусть будет употреблено во всем трудолюбие; и пусть он продвигается в этих делах так, чтобы, желая устроить мир, не ожесточил сильнее войну между ними. И сразу как прибудет к князю Московскому, пусть дружественно с ним говорит, и в первую очередь пусть передаст наш привет, и пусть засвидетельствует ему нашу искреннюю дружбу.

Инструкции господина короля Венгрии [послу Сантай] посылаемому к князю Московскому в пользу дела великого князя Литовского, ради этого дела должно быть предпринято посольство его величеством королем Польши так, чтобы он устроил дела государства Литовского.

Далее ... так мы послали к вам в прошлом году верного нашего дворянина Матиаса Чещельского придворного нашего. И как через него, так и в письмах мы указывали и внушали, как тягостен для нас этот раздор между вами и светлейшим господином Александром, великим князем Литовским, сейчас еще и королем Польши, братом нашим дражайшим. И он [раздор] тем более тягостен, что враждуют между собой родственники.

И мы просили его [польского короля], чтобы он этот раздор прекратил и от него отступился, и чтобы они с названным братом своим жили в добром мире и взаимном уважении, и лучше помогали друг другу всеми силами против других, как подобает таким родственникам и добрым друзьям. И пусть также сам князь через своего [посла] Чещельского проявит достаточную благосклонность и ответит также достаточно дружественно; и мы верим, что таким образом мир и согласие между ними установится. Однако поскольку мы понимаем, что до сих пор сохраняется разногласие, повлиять на которое мы не можем, то опять мы посылаем [посольство] от своего имени, а именно мы посылаем этого Сигизмунда, призывая ваше величество к тому, чтобы вы, родственник и друг наш дражайший, соизволили таким образом раздоры отложить и с названным братом нашим снова жить в мире и согласии, как подобает таким друзьям и хорошим соседям. И пусть ваше величество соизволит подумать, что такой друг его величества, который пользуется уважением и славой, а также сам питает уважение к его величеству, делает ему почет и пользу, и мог бы помочь против других, которые действуют против него столь враждебно, ... пусть он подумает о том, что турки и татары со всех сторон окружили [его] и если только получают время и случай, то не пощадят их и тотчас задавят большим числом. Поэтому было бы полезнее и достойнее

проявить единодушие тем, кто, подобно хорошим христианам, должен объединиться против таких племен, состоящих в родстве, и подлых народов. И особенно, если будет Господня воля на то, чтобы совершить подобный всеобщий поход против турок, врагов веры христиан (а она [воля] без сомнения будет дана, и [поход будет] начат), чтобы они [христианские государи] сами лучше сберегали образ христианских монархов, и предприняли бы такие действия, за которые сам Господь был бы благодарен христианам, собравшихся защитить самих себя. И чтобы они таким образом между собой не продолжали раздоры, пусть названный Сигизмунд использует всевозможные слова и действия, однако, не умаляя чести нашей и брата нашего, пытаюсь вышеназванного князя к миру побудить. О том, как ему следует поступать, он, без сомнения, будет иметь достаточно обильную информацию от вышеназванного короля Польши, брата нашего. Также пусть Сигизмунд не забудет извиниться за нас перед князем Московским за то, что мы раньше не послали к нему [посла]. И пусть скажет, что это произошло по причине гибели светлейшего (некогда) короля Польши Альберта [Яна Альбрехта], и затем из-за смерти нашего посла ученого Власиуса, что более подробно мы изложили на словах лично Сигизмунду.

Затем пусть не забудет сам Сигизмунд сказать, их величествам матери и брату о последних новостях по поводу турок и о победе над ними, которую господь нам даровал.

Кроме того, пусть также сообщит, и в особенности в посольстве к великому князю Московскому, о том как турки сейчас притесняются и имеют в качестве врага не только весь христианский мир, но даже и собственные народы и подданных, а также соседей своих той же веры.

Также, если зайдет речь [о том], почему воевода Молдавский также не отправил своих послов к князю Московскому, сказать, что потому не послал (за что просит извинения, и на что [он] жаловался нам, что он охотно послал бы), что сам господин король Польши не разрешил им идти через свои земли и владения, и их вернул, что совсем не приятно воеводе и князю Московскому. Предписано также, что если он не будет спрошен, сам Сигизмунд Сантай пусть

этого не рассказывает, и т.д.

Со стороны кардинала, королевского посла, нижеследующие инструкции, скрепленные печатью, и т.д.

Господин Сигизмунд! Когда с помощью всемогущего Господа увидишься с возлюбленным князем Московским, прежде всего, коротко выскажи почтение и любовь от нашего Светлейшего господина [Папы], представь письма наши его Величеству, а также поприветствуй его от нашего имени.

И скажи его величеству, что ... , что мы утверждаем собственного и специального посла к его Величеству, который раньше не мог прибыть из-за некоторых возникших препятствий.

Далее действуй от имени нашего. Каких бы вопросов ты ни касался, убеждай, чтобы (его Величество, князь Московский) сам заключил мир со светлейшим королем Польши, родственником своим; следуй инструкциям, которые даст тебе светлейший князь, добавляя также то, что тебе покажется полезным для его убеждения, ибо недостойно единокровных [братьев] и родственников испытывать между собой оружие, в то время как они должны оказывать друг другу помощь. Также совсем недостойно вести между собой войну тем, кто является христианами, верит в одного Господа и Евангелие, и давать повод тем, кто является врагами христианского имени.

Однако еще более позорно, что это происходит вопреки всеобщему благочестию, в то время, когда все прочие христиане объединились в одно целое против варваров и злейших врагов, жаждущих христианской крови, турок. Если же между ними будет особое согласие, то может появиться вернейшая причина победы, если же нет, то наступит тяжелейшее зло. Поэтому как над самим князем, так и над прочими христианами, нависла гибель, и не должно верить, что если турки и татары победят, что не является действительностью, то сам князь избежит гибели. Далее узнаешь [у князя Московского] причину разногласия.

И если найдешь, что король Польши хотел (*возможно, пропущено «не»), чтобы жена его следовала Греческому обряду, то он [кардинал Регнус] поручает тогда внушить и научить, что та разница, которая существует между Римской верой и Греческой, которой сам князь следует, весьма небольшая, и не должно делать так, чтобы по этой причине вера была по обе стороны одного Христа, нашего спасителя, которую должны защищать все, кто является христианами, и обязаны оказывать друг другу обоюдную помощь.

А также в этом месте должны быть представлены союзы всех христианских монархов и их большие военные приготовления к войне против вероломнейших турок. После того, как ты выскажем ему [князю Московскому] свои предложения, если ты увидишь, что он [князь Московский] движется к задуманному миру или по крайней мере к союзу или к заключению другого взаимопонимания со светлейшим польским королем; то в дальнейшем действуй и продолжай дело и склоняй его, чтобы он хотя бы что-то предпринял или против турок, или по крайней мере против татар, если только те замыслили что-либо против христиан.

Если же эти и другие аргументы не продвинут дело к такому согласию, которое должно быть достигнуто, тогда ты можешь употребить с этим и другие слова, и сказать ему, что (точно так же как) Христос спаситель наш, о вере в которого идет речь, не может не помочь христианам достичь победы против жесточайших врагов креста, и что есть крепчайшая вера в такое согласие всех христианских монархов; и что тем более в этой войне против чудовищнейших турок приготовление христианской победы никоим образом не может быть нарушено, когда победа будет достигнута; также христианские монархи и особенно светлейший король Венгрии не оставят без помощи короля Польши и брата своего, но эту благосклонность по отношению к князю [Московскому] отринут и обратят против него оружие. И мы окажем действие авторитетом светлейшего господина нашего и властью, уступленной нам его святейством, против него, мы предпримем меры для наложения индикта и других церковных наказаний, а также юридические меры.

Точно так же как господин король Венгрии и посол передали, что его

величество король Польши назначил посла Сигизмунда для ведения дел с Московитами, так светлейший господин король Александр, и т.д., великий князь, и т.д. приказал, что первым делом нужно начать с приветствия и письма, далее то, что нужно сказать в посольстве, что ответить, полученная информация таким образом должна быть записана и Сигизмунду сказал, что необходимо, чтобы следовали нижеследующему порядку.

Приветствия папы Ивану великому князю Московскому должны быть
высказаны таким образом

Светлейший во Христе отец и господин, господин Александр папа, верховный понтифик всей христианской церкви передает вашему светлейшему величеству свое отеческое благословение.

Его святейшество желает вашему светлейшему величеству здоровья и вместе со здоровьем души почет от христианского папы.

[От] Его величества короля Венгерского

Светлейший князь и господин, господин Владислав, милостью Божьей король Венгрии, Чехии и т.д. высказывает братское приветствие, дружбу и желает преумножения всех благ и сообщает вашему светлейшему величеству, и ему желает добра, как брат и ближайший родственник, благополучия и преумножения желаемого.

[От] легата

Почтеннейший во Христе отец, господин Регинус легат светлейшего во Христе отца и господина, господина Александра папы, и Римской церкви в Венгрию, Польшу, Чехию, и другие королевства, а также в княжества

Литовское, Московское, Прусское, Ливонское, и др. говорит [папский легат] дружественное приветствие и добрые пожелания его [папы] вашему светлейшему величеству.

При этом письма будут переданы

Светлейший господин во Христе отец, господин наш папа Александр пишет это письмо и посылает вашему светлейшему величеству.

Светлейший господин, господин мой король Венгрии милостивейший свои письма дает и передает вашему светлейшему величеству.

Почтеннейший во Христе отец, господин кардинал Регнус, легат светлейшего господина нашего Папы также дает свои письма.

Пусть при этом господин Сигизмунд молчит, но когда ему скажут, пусть господин Сигизмунд обстоятельно говорит, и как бы неприветливо его ни встретили, пусть действует именно так.

Я намереваюсь беседовать с посольством светлейшего во Христе отца и господина, господина Александра папы, под руководством легата почтеннейшего господина кардинала Регнуса, будучи облеченным мандатом его священного величества правителя, господина нашего короля Венгрии, и т.д. почтеннейшего, его величество почитает кардинальское достоинство, он должен, во-первых, кратко изложить вашему светлейшему величеству порученное папой, а именно то, что его святейшество поручил, чтобы было передано, что было доверено папскому легату, после того я подхожу к посольству королевского величества ... которое или непосредственно после папского, или в другой раз, когда соизволит ваше светлейшее величество ...

Я должен буду совершить порученное по приказу царского двора Венгрии, господина нашего почтеннейшего так, однако не по поручению своего величества, а по папскому поручению, которое было доверено легату.

Посольство верховного понтифика Александра [находящееся] под опекой
его святейшества [предпринятое] ближайшим легатом к светлейшему великому
князю

Издавна этот светлейший престол, где восседает его святейшество господин наш папа, и предшественники его святейшества высшие понтифики имели обычай, чтобы был возвращен из рук неверных, ради защиты всей православной веры, христианский престол императорский Константинополь, откуда происходят все военные махинации магометян; по обычаю этих господ предшественников святейший господин наш папа Александр милостивейший, среди других полезных его забот, привык бодрствовать, радея о благополучии всей христианской веры, и в этом он усердствует ежедневно вплоть до сегодняшнего времени, чтобы наконец это желание того времени, как и его собственное, так и его предшественников, имело осуществление, чтобы, вернув из рук неверных христианскую империю [Константинополь], было бы легче освободить все христианские владения от постоянной резни и войн могущественных турок.

Однако кажется, что в первую очередь должна быть объединена власть тех правителей, к которым ближе находятся турки, и из территорий владений которых (чем из других более далеких христианских владений) поход мог бы [продвигаться] быстрее и легче.

Светлейший господин папа, по данному делу, специально назначил дражайшего господина кардинала Регнуса послом в Венгрию, Польшу, Чехию и другие королевства и в княжества Литовское, Московское, Прусское и Ливонское со всей полнотой власти, чтобы он сделал все, что может апостольский престол в тех владениях, для обеспечения мира, единства, братской дружбы, взаимопонимания между королями и правителями тех королевств и владений, ради похода против язычников, чтобы наконец апостольский престол, полагаясь на их сыновне послушание и на

предоставление ими помощи против неверующих, чтобы апостольский престол возглавил бы наконец поход более быстрый и надежный против язычников. Чтобы притом дражайший господин кардинал Регнус всей силой своего посольства в то время, когда прибудет в Венгрию, действовал самым старательным образом перед этими королями и князьями, к которым имеет посольство. Также должно быть этим достигнуто то, чтобы также его величество по необходимости с вашим сиятельством имел бы переговоры.

Во-первых, пусть он [посол] объявит вашему светлейшему господину [князю Московскому], что есть склонность души святейших королей и других князей христианских к такому походу христиан.

Однако, так как эти светлейшие короли, мой дражайший [король] Венгрии и Богемии, а также светлейший князь, господин Александр король Польши, и т.д. великий князь Литовский, родной брат его величества короля Венгрии и зять вашего светлейшего величества и также сын, присоединятся к такому походу не ранее в будущем, до тех пока, во-первых, владения короля Польши и великого князя Литовского, как его имущество они защищают как от непосредственных угроз от вашего светлейшего величества, так от турецких козней; однако присоединятся к созданию [похода], как предпишет апостольский престол и совершат христианские монархи, лишь бы только утвердился мир на этих владениях, помехи на которых причиняет ваше светлейшее величество. В этом деле дражайший господин кардинал легат хотя и потратил много труда, побуждая таких славнейших королей к такому походу, однако, так как оба величества не желают оставлять беззащитными владения королевства Польши и великого княжества Литовского, ввиду этого дражайший господин кардинал легат исчерпал возможности своего посольства в проведении переговоров вашего светлейшего величества.

После того, как он [кардинал Регнус] смог добиться у светлейшего и милостивейшего моего господина короля Венгрии, чтобы тот поручил мне отправиться по этому делу, то он [легат] поручил, чтобы я обратился к вашему светлейшему величеству и изложил бы ему все то, о чем уже говорилось, о том

что ныне препятствует походу против неверных и всеобщему утешению верующих во Христа.

Итак, [мне поручено] чтобы я сказал, что так как войны, до сих пор имеющие место между вашим светлейшим господином и Великим княжеством Литовским, мешают этому благочестивому делу, дражайший господин кардинал хочет авторитетом своего посольства [действуя] через меня побудить и убедить ваше светлейшее величество, и он [Регнус] хочет, чтобы я сказал, как католический монарх жалеет всю христианскую церковь и растоптанную и даже захваченную христианскую константинопольскую империю, и препятствие это, которое мешает этому святому походу, отодвинуть; объединить свои силы с теми же самыми королями Венгрией и Польшей для всеобщего похода, за [проведение] которого было [подписано] между монархами реальное постановление, и с вашим светлейшим величеством в будущем будет [достигнуто], а эту же войну, которую он [князь Московский] с зятем ведет, на равных условиях усмирить настолько быстрее, насколько светлейший господин наш папа желает предпринять быстрее поход против турок. Что при этом господин кардинал легат не сомневается в будущих действиях вашего светлейшего величества, особенно, так как он не понимает истинной причины ведения этой войны, и ее справедливости ... и вследствие этого возможно ваше светлейшее величество откажется от ведения войны со своим светлейшим зятем. Так как это очевидно, кажется, что ведущаяся война эта ведется между ближайшими родственниками, и думает его дражайшее величество, что настолько легче отодвинуть, насколько представляется преследовать честь и разум человека невозможным и недостойным.

Если он [князь Московский] соизволит сделать иначе, пусть ваше светлейшее величество не сомневается в том, что пренебрежение этим походом, спасительным не только для его души, является преступным, а также ненавистным всем христианам и опасным. И чтобы препятствие благополучию было уничтожено, о чем привык заботиться апостольский престол, и чтобы причины такой их вражды были разрушены, дражайший господин кардинал авторитетом апостольской церкви побуждает и уговаривает, чтобы он отодвинул

хитрости своих войн от владений этого князя Литовского, чтобы светлейшие короли Венгрии и Польши, которые для защиты имущества [денежных средств на поход] выставляют свои действия и поступки, чтобы они не имели случая, чтобы отказаться от похода, пытаюсь извинить себя, и на это пусть соизволит ответить ваше величество.

Я мог бы также ответами, исходя из поручения, таким образом поступать, чтобы, разумеется, наилучшим и быстрее образом было достигнуто то, чего желает добиться апостольский престол от (этого) вашего светлейшего величества как через короткие письма, так и через дражайшего господина кардинала своего легата.

Посольство светлейшего и славнейшего правителя и господина, господина Владислава, короля Венгрии, Богемии и т.д., [предпринятое] по воле апостольского престола, что было сделано через почтенного Сигизмунда Сантая, к светлейшему Великому князю Московскому.

Так как была воля нашего святейшества господина [Папы], чтобы дражайший господин кардинал Регнус, легат его святейшества, предложил светлейшему и величественнейшему моему господину, королю Венгрии, чтобы его величество послал меня к вашему светлейшему величеству с посольством нашего святейшего господина папы; и его величество дал мне свои особые [грамоты] и письма, и некоторые поручения для обсуждения, что я должен буду сказать подробно отдельно от имени его величества короля вашему светлейшему величеству все, что соизволяется передать.

Светлейший господин король Венгрии знает то, что известно всем католическим правителям, и понимает ваше светлейшее величество, что все так происходит, как было сказано от имени дражайшего господина легата и [что] обнаруживается из писем его дражайшего величества [кардинала Регнуса], ваше светлейшее величество знало, и пусть не сомневается понимать, какое усердие и беспокойство сам апостольский престол проявлял через своих послов

[находящихся] возле (этого) светлейшего господина моего, короля Венгрии, и светлейших господ своих братьев королей, некогда господина Альберта [Яна Ольбрахта], когда он был жив, наконец, возле нынешнего вашего светлейшего господина зятя, светлейшего господина Александра короля Польского, чтобы осуществление этого святого похода против врагов христианской веры можно было [им] вверить.

Однако его величество моего славнейшего господина сказал ... в связи с войной ведомой вашим светлейшим высочеством против Великого Княжества, они не могут вручить все илы своих королевств к такому всеобщему походу; побуждаемые человеческой и естественной причинами; что, хотя они намереваются прийти другим на помощь, они будут заботится в первую очередь о том, что их есть и чтобы не был причинен ущерб и позор светлейшей королевской семьи Польши, как этого требует и к чему взывает справедливость.

В самом деле, ни у кого нет сомнения, что предки моих святейших господ королей происходят из князей Великого княжества Литовского, истина и [то, что] великое княжество Литовское является их подлинным владением, и [их имущество и] те владения, которые ваше светлейшее величество забирает у великого княжества Литовского. Когда милостивейший господин мой король узнал, что давит войной ваше светлейшее величество, то он отправил по этому [делу] в тот же ближайший год своего посла благородного придворного Матвея Чещельского.

Что Матвей именем его величества короля этого королевства сделал перед вашим светлейшим величеством, ваше светлейшее высочество знает, когда из этого [посольства] тот вернулся, таким образом его королевское величество узнал, что был любезный ответ ему, что он не сомневается в соединении вашего светлейшего высочества со светлейшим господином Александром в то время князем Литовским, теперь уже королем Польским, так как положено между родственниками.

Поэтому его величество [Венгерский король] не приложил никакого усердия, чтобы или сделать это, или содействовать в этом деле, пока недавно его величество именем апостольского престола не побудил обе стороны, точно

так же как сами светлейшие братья убедили некогда жившего светлейшего короля господина Яна Ольбрахта к всеобщему походу против неверных, к которому его величество естественно сделал бы все, что решили братья, и что должны были решить христианские государи.

Когда мой милостивейший господин признал не без стыда в этом прощении к его святейшеству, короли Венгрии и Польши освободились [от обязательства], таким образом необходимо признать, что им в этом препятствуют, отсюда на дружбу и другие дружественные дела должна оставаться надежда со стороны этого родственника близкого, любимого и дорогого.

В самом деле никого не восхищает такая постоянная враждебность этих величеств в родных княжествах, и такое проявление неприязни со стороны вашего светлейшего высочества, которую до сих пор причиняет [разрушения] ваше светлейшее величество не только великому князю Литовскому и светлейшему господину королю, господину Александру, вашему зятю, но также и светлейшей королеве госпоже Елене, дочери вашей, которую если он поставил браком править в том королевстве, он [князь Московский] должен был делать больше [для нее] и [сейчас] должен править для увеличения царствования и благополучия, чем для разрушения.

Итак, я по приказу как почтеннейшего господина кардинала легата, так и моего милостивейшего господина короля Венгрии в действительности видел собственными глазами светлейшую княгиню госпожу Елену, которая своим уважением во владениях его величества супруга помогает вести переговоры, и также своей обычной врожденной привычкой, чтобы возможно понравиться вашей чести и быть приятной.

Однако, в самом деле его светлейшее величество мой милостивейший господин король Венгрии жалуется, что без справедливой причины опустошается отеческое владение, Великое Княжество Литовское вашим светлейшим величеством, и не по справедливости ли будет восстановить законность для возвращения дружбы, напротив продолжать события такого рода будет пренебрежением этим святым походом.

В самом деле, оба величества никоим образом не согласятся на этот святой поход, до тех пор, пока продолжают трудности этой литовской войны,

Этот всеобщий поход против неверных, пусть апостольский престол и все католические правители и привыкли называть святым, однако, милостивейший господин мой король Венгрии, к королевству которого и к княжествам Венгрии, Польши, Литвы и Москвы неверные являются соседями, без сомнения называет его священнейшим, через который [поход] не только это королевство и эти княжества постоянно освобождаются от нападений и разорений ничтожнейших врагов креста Христова, а также в действительности вновь будет обретена греческая империя, из которой в наши времена во всех христианских владениях ведутся войны и татары через тех, которые этот константинопольский престол несправедливо занимают, направляются против более далеких [соседей], каким есть ваше светлейшее высочество.

Это, однако, так же милостивейший господин мой король считает достоверным, что если не только случится возвращения этой империи, и если не будет растоптана эта власть татар и неверных добродетелью Господа через всеобщий поход, которая [власть] окружает эти владения, а именно вашего светлейшего величества, и великого князя литовского, то есть опасение, как бы из-за этого случая войны и различий не легло ярмо рабства на эти владения.

Ввиду этого светлейший господин мой, милостивейший король Венгрии, побуждению или воле апостольского престола и почтеннейшего господина кардинала легата охотно подчинился и решил послать меня к вашему светлейшему величеству, и хотел, чтобы князь Московский имел это желание и убеждение, чтобы соизволил соединить свою волю с волей, в первую очередь, апостольского престола, и наконец всех католические правители, и желанием как своим, так и короля братской Польши и своих королевских родственников, не мешать стремлению к святому походу враждой своей и войной, в которую втянута Литва, и даже напротив (влиянием) своим пусть соизволит объявить своим другом, что должно быть вследствие родства по жене, сложить оружие, успокоить войну и родственнику своему, его величеству родственнику, светлейшему королю Польши захваченное, и плененное равное нанесенному

ущербу вернуть, и таким образом поступить, чтобы его величество без помех войны со стороны вашего светлейшего высочества обратил свои силы и возможности владений королевства Польского на святой поход и другое, что другие попытаются сделать христианские монархи для возвращения Константинопольской империи, и в защиту веры христианской; и как его величество король брат, так и ваше светлейшее высочество наподобие добрых христианских монархов пусть скорее сойдутся и сделают такое достойное деяние и любезное самому Господу ради христианства, чем сами [по отдельности] также защитить, и чем напротив, разойдясь друг с другом, враждебным неверным соседям, туркам и татарам, владения обоих отдадут ваших величеств для разрушения и окончательной победы.

[Инструкции, полученные послом от литовской канцелярии]

Я сказал это от имени светлейшего господина короля Венгрии. Кроме того, когда я узнаю мнение вашего светлейшего величества как в связи с посольствами почтеннейшего господина легата, который именем и авторитетом светлейшего господина нашего папы написал через меня и сказал; так теперь и по поводу подробно изложенном желании господина короля и убеждении, и наконец я имею многое другое в поручении, что должен говорить и делать после этого, чтобы был достигнут хороший и даже самый лучший исход и был наведен порядок в тех делах, по которым я послан к вашему светлейшему высочеству.

Кроме того, светлейший господин мой, милостивейший король Венгрии, сообщает вашему светлейшему высочеству, насколько давимы сейчас турки и имеют в качестве врага не только все Христианство, но в действительности также свои собственные народы и подданных, а также своих соседей, той же самой веры.

Искать случай, чтобы подробно говорить в посольствах, чтобы москвит [Московский князь] понимал, что нет необходимости уговаривать на мир господина короля Польши, как ниже

Следует сказать, чтобы Вы, господин Сигизмунд, побудили именем папы и именем господина короля Венгрии и короля Польши, а также господ своего королевства, чтобы они заключили мир с вами и тотчас же отправили своих послов после Вас, и вы скажете, что я потом распоряжусь, чтобы они были приняты и им были отправлены письма безопасного проезда, и т.д. Они придут и окажут мне помощь в урегулировании мира и его условий, ради святой экспедиции.

Инструкции для ответов

Если спросят, почему после Матвея Чешельского король не отправил посла для обеспечения этого мира, пусть будет сказано:

Из-за смерти некогда короля Альберта, и, кроме того, когда его величество король узнал через Матвея Чешельского дружественный ответ, его величество решил, что оставшееся разногласие великие князья, как родственники, должны были бы сгладить между собой дружественно. Кроме того, не представлялось случая [для посольств], пока в настоящее время папа не пожелал сделать так, чтобы ваше светлейшее величество послал меня, исходя из посланий и королевских и господина легата.

Если спросят, почему Молдавский воевода не послал своих послов, или если скажут, или когда Молдавский воевода, который является соседом турок это дело будет предпринимать, или если предпринято и оговорено и т.д.:

И на оба будет один ответ, что апостольский престол связывает главные дела, а именно этот всеобщий поход, прежде всего с королями, которые являются защитниками веры и всеобщей церкви, после этого он будет обсуждать это дело с другими правителями. Итак до тех пор эти светлейшие короли не согласятся на поход, и они не захотят, пока они не умиротворили это

свое отеческое владение. Также с молдавским воеводой и с другими будет решено, что в конце концов и как следует сделать. Отсюда следует, что только тогда послы воеводы понадобятся и будут призваны и они придут также к вашему светлейшему высочеству.

Далее, если спросят, кто совещался относительно святого похода, пусть будет сказано:

Короли и правители христианские. Однако в первую очередь папа Римский постановил это святое и христианское дело.

Далее, [какое будет] будущее, будет сказано:

Когда ваше светлейшее высочество заключит [мир] со светлейшим господином королем Польши. Также сам его величество договорится со своим братом господином королем Венгрии по поводу святого похода, тогда только в-первых пойдет обсуждение относительно времени [похода], понадобится совет и помощь вашего светлейшего величества.

Далее, чем война Литвы и наша является опасной для христианства, должно быть сказано:

Так как короли братья иначе не хотят соглашаться на этот поход, если только без первоначального умиротворения войны и не [защита] полученного от предков Великого Княжества, что я говорил раньше. Следовательно, есть опасность христианству и пренебрежение святым походом.

Если спросят, что папа хочет сделать тем, кто помешает походу, или не предоставит совет и помощь:

Есть давнее постановление святых канонов, что такие считались за еретиков и врагов веры христианской ... на которых должен быть наложен интердикт и отлучение от церкви. И такое наказание налагается всем христианским миром против такого преступления.

Если спросят, если уже есть наказание, или отлучение, или наложен интердикт на таких, должно быть сказано:

Пусть он скажет, я говорил и так повторяю снова сказанное так, что еще не сделано, но ... [есть обыкновение] ... что дается обещание [наказать] его святейшеством нашим папой таким господам, которые мешают этому святому походу.

Если спросят, насколько ... король Польши и короли накажут ... или как...

возможно, что светлейший господин Александр, польский король, имеет к этому приказы и право, все это мне не совсем известно как венгру. Однако, если мы придем к переговорам об условиях мира и согласия, как их сделать и как их следует заключить, то тогда скажут [причину] вашему светлейшему величеству, и будет сказано также другое, что может быть уже должен был бы сделать ваше светлейшее величество.

Если спросят, что у тебя еще есть, что сказать, а именно ты скажешь, что должен сказать после того, как выслушаешь ответы:

я сказал в своих посольствах, что я еще кроме этого должен буду сказать, если я пойму ответы, я понял так, чтобы еще и еще раз склонять ваше светлейшее величество к миру, или по крайней мере к заключению тройного взаимного мира, чтобы на этих условиях другие [товарищи] присоединились бы ко мне, достопочтенные господа и из королевства Польского, и Великого Княжества Литовского, а также Ливонии, которые вступили бы в переговоры с вашим светлейшим высочеством, и я с ними [вел бы переговоры] ради чести и пользы мира для всех сторон.

Здесь представляется случай, чтобы достичь успешного сбора великих послов, которые должны поговорить о грядущем королевстве и Литвы.

Если вы увидите, господин Сигизмунд, что ваша деятельность располагает к миру:

Мы напомним, что есть обычай говорить по поводу такого дела, касающегося всего христианского мира, в то время, когда заключаются мир и согласие, между какими то ни было людьми, всегда был возврат похищенного. Отсюда и я, пусть я и знаю, что должны вестись переговоры о возврате всего, также я, как воин, которому сопутствовала удача у этих неверных турок, в том, что турецкий султан моими просьбами даровал свободу многим скованным им христианам, также я прошу ваше светлейшее высочество, чтобы вы соизволили отпустить благородных литовских господ. Я нисколько не сомневаюсь, что мы согласуем все прочие противоречия.

Если все со стороны легата будет иметь меньший вес, то еще должно быть сказано от его имени:

Какое он сделал свое посольство у милостивейшего господина легата, сделает у вашего светлейшего величества. Охотно, пусть он засвидетельствует свое приветствие. Наконец, чтобы на вашего светлейшего величества сама по себе не распространилась вражда всех христианских князей, которые без сомнения (что подтверждает господин кардинал) помогают этим королям, также пусть он любезно засвидетельствует, что его святейшество господин наш папа не имеет повода неприязни к вашему светлейшему высочеству, но если ваше светлейшее высочество не последует убеждениям и ободрениям господина кардинала легата, господин легат вернет дело верховному понтифику, однако, верховный понтифик чтобы ни поручил, так именно посол и сделает, а именно, как должно быть сделано против тех, кто мешает святому походу.

Если аргументы от короля Венгрии будут менее весомыми, то следует добавить:

Светлейший господин мой, король Венгрии, поневоле печалится, что его обращение к вашему светлейшему высочеству недостаточны, и он печалится не меньше, потому что в противном случае добивался бы помощи против других

монархов, если возникла бы необходимость, и потребует помощи вашего светлейшего высочества, как брата и своего родственника. Уже такая помощь против вашего светлейшего высочества должна обсуждаться. Он надеется, однако, на ваше благоразумие, и на то, что вы лучше все взвесите, и из родственников и других таких родичей, к которым весь земной мир имеет уважение, не сделаете себе врагов и против чести не породите общее порицание. Конечно, оно [это порицание] будет считаться общим, пока будет существовать война или напряжение между родственниками и кровными друзьями.

2. Liber legationum, I. fol. 61a – 61r.

Послу венгерскому (который будет во главе посольства), который должен
будет отправиться в Москву, написано из войска

Александр, милостью Божьей, и т.д. Высокородный, милостивый, любимый нами! Наш секретарь, благородный Анджей Мрошек, возвращающийся из войска к нам, сообщил нам о твоих словах, какое по этому твое мнение, чтобы ты проложил свой путь к князю Московскому, не дожидаясь возвращения того посла, которого ты послал вперед ради благополучного прибытия. Если прежде у нас не было недостатка в намерениях, и если после этого мы посылали с тобой нашего посла, который также имел специальное посольское поручение. Мы же со своей стороны хотели бы, прежде чем ты уехал бы от нас из Минска, чтобы ты проложил бы этот свой путь не высылая вперед посла, ради благополучного прибытия, ибо ради тебя сделано это удобно и безопасно. Но уже по твоей собственной воле, он [сопровождающий посол] имеет список необходимого для государственных интересов, наших господ, и соглашаемся, что прежде чем ты поедешь, мы подтвердим, что нам приятно это твое стремление расположенное идти нам на уступки. Итак, как ты пожелал, чтобы мы послали кого-нибудь к тебе, кто снарядился бы с тобой в этот путь,

мы посылаем этого нашего придворного, знатного Якоба, который имеет специальное посольство от имени наших советников Великого Княжества Литовского, с той же целью, к которой движется и твое посольство к советникам князя Московского. Итак, когда ты откажешься от наших послов, когда [будет] необходимость с помощью удачного сближения, как только Якоб вернется к нам из Московии от тебя, наши послы прибудут из королевства, и из нашего Великого Княжества, которые только с тобой в итоге завершат те дела, которые ты начал. Тогда пусть твоя милость немедленно продолжит этот свой путь в Московию, и советуясь с благородным Георгием и почтенным нашим секретарем Теодором (Тадеушем), присоединенными нами к твоей милости, и твоя милость пусть усердно делает то, что будет поручено твоей милости, чтобы дело по желанию быстрее могло бы быть сделано, и пусть не будет сомнения, что все его труды будут вознаграждены, как его величеством братом королем и нами. Дано, Вильно, шестой день празднования, в праздник Святого Мартина, год от рождества Христова тысяча пятьсот второй.

Георгию капитану Colensi

Благородный, верный и любезный нам! Высокородный Сигизмунд Сантай, посол светлейшего брата нашего, господина короля Венгрии, сообщил нам через нашего секретаря благородного Анджея Мрошека, что он хотел бы продолжать свой путь в Московию, не дожидаясь посла, которого он послал ранее ради благополучного устройства; сейчас есть наша воля, что если мы посылаем кого-нибудь к нему, он должен с ним поехать. Итак мы посылаем этого нашего дворянина Якоба Литовского, предъявителя настоящего документа, который имеет специальное поручение от имени наших советников Великого Княжества Литовского к советникам князя Московского, и чтобы он обеспечил благополучную подготовку нашим послам для грядущего заключения мира. Мы поручаем итак тебе, чтобы ты побеспокоил вышеназванного посла, чтобы сразу после прибытия этого Якоба, он

приготовился в путь, и ты делал и уговаривал аккуратно этого посла господина короля Венгрии [Сигизмунда Сантая], согласовываясь с нашим секретарем славным Теодором Пшибрановским, чтобы он сделал так, как того требует наше дело. И ты приложи усилия, чтобы дела были сделаны хорошо и надежно, как поручено и тебе и, в особенности, секретарю Теодору.

Секретарю Теодору

Славный, верный и любезный нам! Сообщил, и т.д. как выше. Итак мы поручаем тебе, чтобы ты, согласовав с благородным Георгием ... Colensi, уговорил бы вышеназванного посла, чтобы он приготовился в путь вскоре после прибытия этого Якоба. Ты же постоянно рассматривай с ним посольство, и совершай дела, чтобы, во-первых, все, что предписано, было обсуждено обстоятельно и соответствующе понималось князем Московским, и, наконец, самим Сигизмундом Сантаем было сделано, как есть и как выражено в самом посольстве и в пунктах инструкций, а также, чтобы этот Якоб был бы к нам быстрее отпущен, когда обеспечит необходимое нашим послам, которых мы отправим. И вы будете ожидать возвращения тех и наших послов и наших соотечественников как из королевства, так и из Великого княжества, поскольку, которые послы придут, благодаря власти посольства, а еще более именем его величества брата короля Венгрии, легче обсудят и усмирят то, что крайне необходимо делам христианских государств. Итак, уважай пункты посольства и инструкций, и таким образом ты выполнишь наше поручение. Дано в Вильно, в шестой день праздника Святого Мартина, год, и т.д.

3. Liber legationum, I. fol. 125a – 134r.

Доложено нотарием Теодором из Московии, когда он возвратился от венгерского посла Сигизмунда и сообщит о благополучном сближении послов.

В воскресенье Обрезания Господня [1 января] была дана аудиенция перед князем Московским господину Сигизмунду, послу венгерского короля, на которой самим господином Сигизмундом были переданы приветствия, переведенные господином Георгием, после чего заключительную часть посольства переводил я, Теодор. Сам князь с усердием слушал то, что со всей очевидностью относилось к миру и согласию. Так как было довольно поздно, то он приказал, чтобы содержание этих посольств было передано ему в посменном виде. Итак, господин Сигизмунд изложил папское посольство самому князю, но не имел с собой королевского поручения, которое было обещано подробно изложить в другой день. И тот же день мы были приглашены на обед, где с нами обращались по их обычаю с должным почетом. На следующий же день был призван господин Сигизмунд для подробного обсуждения поручения его величества короля, но из-за причины, которую он испытал в день Обрезания Господня, сам он не мог прийти, но он передал это поручение в письменном виде через господина Георгия и меня, которое [мы приняли] довольно охотно и с нашей большой радостью, что он прежде брал на себя, и вы дали ... через бояр, и он [князь Московский] сообщил нам обо всем, что хотел ответить господину Сигизмунду, и в конце он отослал нас на постоянный двор. В тот же день секретари князя Видеш Данила Хиталут и Бохдир прислали за мной, чтобы я пришел в крепость, где была [посольская] изба, для изложения поручения. Что и было сделано и передано самым старательным образом, и никакой пункт не был упущен. Также после этого, мы были призваны к князю в восьмой [день] после Эпифании [13 января], где господин Сигизмунд сказал, предлагая свою службу, на латыни следующие слова:

«Светлейший князь! Из-за причины, которую я принял по воле Господа, а также милости и благосклонности вашего светлейшего величества, но я не мог прийти один к Вашему светлейшему величеству и к подробному изложению посольства светлейшего господина короля Венгрии, и пересказу других дел, но с этим делом я послал переводчика господина Гжегоша и моего нотариуса, чтобы

они представили эти дела Вашему светлейшему величеству и представили другие поручения.

Итак, когда я по воле Господа уже пришел в себя и теперь предстал перед вашим светлейшим величеством, чтобы представить перед этим вашим светлейшим величеством, таким образом я повторяю то, что я сообщил через господина Гжегоша, и другое, что было мне поручено, но прежде необходимо услышать ответ относительно поручения его святейшества нашего папы и светлейшего господина короля Венгрии.

Я не сомневаюсь, что ваше светлейшее величество понял за эти дни самым лучшим образом эти поручения, на которые, как только ваше светлейшее величество соизволит мне ответить, я скажу то, что мне было поручено светлейшим величеством моим королем Венгрии и кардиналом.

Мне поручено то, чтобы, когда ваше светлейшее величество согласится на мирные переговоры, я послал бы за другими господами послами светлейшего господина короля Польши, чтобы действовать и вести переговоры о мире между вашими величествами.

Его величество [король Польши] наконец-то поддается моим уговорам, которые я предпринимал от имени апостольского престола и господина кардинала, и согласился на переговоры о мирном соглашении по поводу большого ущерба, причиненного его величеству [польскому королю] вашим светлейшим величеством, желая внять голосу его святейшества папы, и всеми силами желая защитить христианскую веру, и уже сам он согласился на достижение согласия с вашим светлейшим величеством».

И после этого он направил нас в другую избу, обещав дать на все ответ через своих советников, что и было сделано, как следует далее.

После нас в вышеназванную избу вошло четыре советника, два нотариуса и три переводчика латыни с ними, на первую статью святейшего господина, один из них, который звался Василий Грегорович, ответил следующими словами:

«Господин мой приказал сказать тебе следующее. Господин наш как раньше, так и теперь и постоянно хочет выставить свои силы всегда против неверных врагов имени христианского, и не прекратит умолять Господа, чтобы

христианская рука при помощи самого Бога одержала бы победу над неверными». И такой ответ был дан, после чего были показаны короткие письма верховного понтифика, и другие письма короля Венгрии и господина кардинала легата. Где было изложено каждым из них в отдельности многое, о чем я умалчиваю. Но то, что является важным, то я записал, и на это нотариус Богудир по написанному верховному понтифику, сообщая основную причину войны.

«Господин наш приказал сказать тебе. Что причина этой войны произошла не от нас, а от зятя нашего Великого князя Александра из-за того, что он причинил нам большой вред тем, действуя против союза подкрепленного между нами через наших советников письмами с обеих сторон и целованием святого креста.

Прежде всего, когда он [Польский король] отправил к нам дражайшего посла ... Петра Яновича и Станислава капитана Samogithiensem, чтобы мы заключили с ним мир и согласие, и отдали ему [Александру] в жены свою дочь. Итак, пожелав иметь с ним мир и взаимное расположение, мы поручили своим боярам, чтобы они предприняли переговоры о мире с советниками вышеназванного Великого князя Александра, в этом стремлении, обещав сверх того, отдать в жены нашу дочь Великому князю Александру, на таких условиях, что сама наша дочь, живя с ним в браке, не будет принуждена к римскому обряду, останется же в своем греческом обряде и врожденном обычае, он должен был стремиться сохранять и боярам и госпоже жене греческую религию, а не римскую, он передал через своих вышеназванных советников, что построит также церковь Господню греческой религии во дворце этой нашей дочери.

Господин приказал сказать тебе. Что после того, как был утвержден через вышеназванных советников такой союз к миру, Великий князь Александр не оправдал наше доверие. Ибо, когда приехала дочь наша, он не построил церковь в своем дворце, и всех бояр и господ греческой веры и религии, которых мы послали туда с нашей дочерью, он отправил назад, и других, кто там остался, всех от нее отогнал. И если наша дочь принимала у себя каких-либо княжон или

других знатных дев русских, то сам Великий князь Александр принуждал их к латинству».

На что был дан ответ господином Сигизмундом

«Я не знаю ничего, что сказать по поводу строительства церкви в Вильно, которую не ... Но о том, каким образом ее светлейшее высочество может быть сохранена в своем врожденном обычае, я сказал в своем посольском поручении. Итак, в действительности мне поручено господином кардиналом и его величеством королем, чтобы я увидел ее светлейшее высочество, к которой я имел специальное поручение от королевского величества. К ее королевскому величеству, когда я пришел во дворец подробно изложить само поручение, тогда ее высочество находилась в православной церкви, где я видел и слышал в вышеназванной церкви божественную службу по греческому обычаю со всеми торжествами и возвещением ударом колокола, что я здесь [в Вильно] и не видел и не слышал.

Наконец, после божественной службы ее королевское величество последовала во дворец, впереди шествовали многие придворные [церковные служащие, православные], которые с ней находились в церкви, и далее следовали многие господа и дамы».

«Господин приказал сказать тебе. Что Владислав король Венгрии и умерший король Польши Ян Ольбрахт посылали к нам своих послов, чтобы мы заключили перемирие с нашим зятем Великим князем Александром, и чтобы мы дали через послов наших великих господ удачное приготовление нашего союза (верительные грамоты = *salvum conductum*? верительные грамоты для нашего союза), что мы и сделали. Великий князь Александр также послал к нам Станислава Наребутова (Narebuthow), через которого призывал, чтобы мы сдерживали наших князей, капитанов и глав, которые находятся в пограничной зоне, и чтобы они не наносили никакого ущерба границам Великого княжества Литовского, в то же время нам было обещано относительно наших границ от имени Великого князя Александра, что если мы сделаем и допустим причинение хоть какого-то ущерба границам Великого княжества Литовского, то со стороны рубежей Великого княжества Литовского будет причинено много

ущерба нашим границам. Он собрал над владениями нашими отеческими даже имперские отряды, когда заключил с ливонцами тайное соглашение против нас, [причинив] имуществу нашему много зла, давая и оказывая им помощь».

Ответ посла был дан следующими словами

«Я венгр, и прибыл не для того, чтобы слушать эти разногласия и обиды, о которых мне ничего не известно. Но когда ваш господин князь соизволит согласиться на мир, и придут послы, господа советники из королевства Польши и Великого княжества Литовского, чтобы подписать сам мир, которые также приведут многое самому вашему господину князю, что он сделал против светлейшего господина короля Польши, что, возможно, не должно было совершать».

«Господин наш приказал сказать тебе. Что король Венгрии Владислав посылал к нам своего человека Матвея Тшесельского (Czessyelsky), страстно желая, чтобы мы имели мир с нашим зятем. И сам Тшесельский при личной встрече сказал нам, что Великий князь Александр должен послать к нам послов, своих великих господ из совета, чтобы подписать с нами соглашение о мире и согласии, но до сих пор он их так и не прислал».

Дан ответ

Что тогда произошла смерть некогда короля Ольбрахта.

«Господин наш приказал сказать тебе. Ты говоришь нам именем папы, чтобы мы заключили с зятем нашим Великим князем Александром мир и согласие по условиям боевых действий, и чтобы возвратили крепости, области и земли, а также литовских господ отступавших и плененных. Были ли названы эти крепости, области и земли королевства нашей отчины, когда их князья и другие знатные русские шли служить, или если эти крепости королевства сами

назвали себя нашей отчиной, люди которых, когда началась война между нами, заняли и вновь обрели [эти крепости], эти в итоге наши крепости, области и земли, и мы признаем в итоге по взаимной доброй воле дело мира. Но когда зять наш Великий князь Александр начал нарушать мир и соглашение относительно нашей дочери и [сеять] многие другие несправедливости, которыми мы должны были пренебрегать в наших отеческих владениях, папа обратил внимание, также как и сами короли должны были узнать от своих предшественников, что является действительным и законным имуществом.

Господин наш приказал сказать тебе. Что ты говоришь нам именем папы, насколько сами короли Венгрии и Польши, о чем свидетельствуют их титулы, что есть их отчина, так сравнить с нами, и своих мужей они желают выставить против нас, и папа обратил внимание, что если короли сами хотят благого дела, что обещано и делается через других, а не через своих добрых воинов, и уверенные перед Богом мы не желаем отказываться от наших беззащитных отеческих владений, и также мы желаем оставаться судимыми перед Богом и нашим судом, Господь есть наш слушатель и наш суд.

Многие также с званьями бояр стремятся каждый в отдельности, разумеется, к титулу, который был бы прописан не только письмом, но и союзом в письме лично от самого князя, как имеется обыкновение, и таким же образом в недавно прошедшем году король Польши Александр [отправил] свои письма императору Пресоренсем и заключил своими письмами против нас [союз]» (эти письма были показаны нам, в оригинале). На этом в итоге прекратились слова.

«Господин наш приказал сказать тебе. И теперь, когда зять наш Александр, король Польши и Великий князь Литовский, пожелал преступить к миру и доброму согласию с нами, мы со своей стороны желаем мира и согласия, в зависимости от того, что он предложит, иначе... *Budeth przyhozho*».

На все это послом был дан такой ответ

«Все это, что, видимо, касается разногласия и большой борьбы по поводу мира, я ранее говорил, и ничего отмечать не хочу, ибо я прибыл не для разногласий, но для установления самого мира.

Но что было сказано от имени вашего князя, что он охотно желает заключить и подписать мир с светлейшим господином королем Польши, своим зятем, на это я намерен ответить. И когда, наконец, ваш князь согласится на подписание мира, что я понимаю от вас, я сам желаю подписание мира с Божьей помощью».

Наконец, посол господин Сигизмунд был спрошен, имеет ли он какие-либо полномочия, чтобы подписать мир, и он ответил. «Со своей стороны я имею, но как я уже не раз говорил, я, как венгр, ничего не знаю об обидах ваших обоих величеств. Но когда ваш светлейший князь охотно пожелает заключить мир и согласие со светлейшим господином королем Польши, что я понял из его ответа, переданного через вас, я также отправлю за послами королевства Польского и Великого княжества Литовского, которые подпишут один ... [договор] с вашим светлейшим величеством, соглашение к чести и пользе для обеих сторон, или, по крайней мере, составят тройной союз, чтобы голоса этих королей и ободрения его святейшества господина нашего папы могли быть очевидными, и чтобы они [король Польши и князь Московский] с другими королями и князьями христианскими совершили бы такое достойное деяние для объединения и защиты всеобщей веры христианской и возвращения императорского христианского престола».

Наконец, бояре и секретари удалились в остальные палаты (*in stuba relictis*). И затем, по прошествии примерно получаса, пришел один Дмитрий Владимирович с двумя секретарями Данилой и Богудиром (может, Богданом?) (*Bohudir*) со следующими ответами от князя.

«Господин наш приказал сказать тебе. Ты сказал, что понял наши ответы, которые мы дали тебе в ответ на слова папы и твоего господина короля Владислава, что мы хотим мира и доброго согласия с зятем нашим. И мы хотели бы мира с зятем нашим, господин ваш, король Венгрии Владислав приказал сказать тебе, чтобы ты просил нас, чтобы мы разрешили приготовления для

послов великих господ советников королевства Польского и Великого княжества Литовского, чтобы в середине месяца (mediante) вышеназванные послы прибыли к нам, и он вторично предлагает вновь говорить исключая владения Александра короля Польши. Принимая это приготовление для короля Польши Александра от нас, ты должен отправить с помощью посланцев, и должен будешь ожидать ваших вышеназванных послов этого нашего зятя. Мы даем наше разрешение на приготовления (разрешение на благополучный приезд) зятю нашему Александру королю Польши и Великому князю Литовскому для его послов великих господ королевства Польского и Великого княжества Литовского, и вот, вам эти приготовления для прибытия (опасные грамоты), и ты хочешь здесь ждать этих послов зятя нашего, и ты здесь этих послов ожидая, и мы приказываем дать тебе и твоим людям срок (dieria) из-за господина твоего короля Венгрии Владислава».

Ответ князя Руси данный господину Сигизмунду, послу святейшества Венгерского величества и переведенный с русского на латинский как для посольств верховного понтифика, так его королевского величества и дражайшего господина легата (имеется в виду кардинал Реджио)

Иоанн, иначе Иван, Божьей милостью господин всея Руси, Великий князь приказал сказать тебе. Ты принес нам поручение папы Александра, которое он послал нам с кардиналом Реджио, и ты лично сказал нам слова, которые папа передал нам с кардиналом, и ты доставил нам два поручения, первое от кардинала Реджио, другое от папы, и оба в письменном виде. Так же ты принес и отдал нам написанные верительные грамоты (credentias) от них. И в письмах папы написано, насколько дерзко и мощно неверные турки не медлят вторгаться и захватывать христианство. Действительно, совсем недавно имущество Венеции, две крепости и города, а именно Модон (Modon) и Корфон (Corffon) были заняты, и сейчас они опираются на другие внутренние города и завоевывают всю Италию. И потому сам папа послал к нам и всем королям

своего кардинала Реджио, чтобы призвать всех к союзу и согласию и защите православной (христианской, но здесь orthodoxae) веры.

Господин наш приказал сказать тебе. Что ты сказал нам то, что нам сообщил папа Александр, что уже долгое время, не исключая и сегодняшнего дня, и непрерывно он решил и страстно хотел, чтобы город Константинополь был взят и вырван из рук варварских и неверных турок, и из-за этого он послал своего кардинала к нам и ко всем королям, чтобы призвать их к союзу против варваров и неверных турок для защиты православной веры, господин Владислав же, король Венгрии и Богемии, и Александр, король Польши и Великий князь Литовский, не захотели быть в этом союзе и не согласны из-за того, что между нами и зятем нашим господином Александром, королем Польши и Великим князем Литовским, начались разногласия и война, и нас убеждали, чтобы мы заключили мир с зятем нашим, и чтобы стояли против турок для защиты христианства.

Господин наш приказал сказать тебе. Что мы и в прежние времена точно также всегда стояли на защите христианства, так и теперь мы желаем стоять, имея надежду на Бога, и как Господь услышит нас, и мы спросим у Творца, что сделал Господь, чтобы рука христиан возвышалась над язычниками.

Господин наш приказал сказать тебе. Каким образом появилось разногласие и война между нами и господином Александром, королем Польши и Великим князем Литовским, зятем нашим, ибо это не является для нас приятным, что это дело существует между нами, ведь это разногласие и война берут начало свое не от нас, но от зятя нашего. И если папа Александр не знаком с тем, из-за какого случая имеет место война, то мы ему опишем и сообщим, вследствие чего явилась эта война между нами. А именно, прежде всего, перед всем этим господин Великий князь Александр отправил к нам своих послов, добиваясь нас не единожды, дабы мы продолжали быть с ним в союзе и мирном договоре, и чтобы мы отдали ему [в жены] свою дочь. И после этого он послал к нам своих послов, господина Петра, палатина Трошенского (Troczensem) и маршалка Великого княжества Литовского, и господина Станислава, капитана Семотигенстского (Semothigensem), и предложил нам,

чтобы мы вступили с ним в мирный союз и братскую любовь, и отдали бы ему [в жены] свою дочь. И мы приказали, чтобы наши бояре говорили с этими господами послами о нашей дочери, и чтобы сама она, пребывая в браке, должна соблюдать свой греческий закон, и его господа с нашими боярами на этом установились и договором закрепили. Потому что дочь наша, состоя с ним в браке, должна была бы во всем держаться своего греческого закона, и сам он не должен был ее побуждать к римскому обряду или каким-либо образом заставлять. И дочь наша с Божьей помощью устроится с ним в Вильно, в тот момент он [король Александр] отказался заново строить в своем дворце церковь греческого закона, но он должен был закреплять господ, знатных жен и дев в греческом, а не в римском законе. Таким образом, по воле Господа мы также вошли с ним в мир и согласие, и ... наш господин Великий князь Александр является, что доподлинно известно, и он дал нам свои письма о нашей дочери, подкрепленные своей печатью, что он должен давать свободу нашей дочери соблюдать греческий закон, и сам не должен никаким образом принуждать ее к обряду римского закона. Итак, после этого мы отдали ему в жены нашу дочь. Когда наша дочь в действительности прибыла к нему в Вильно, с тех пор он не построил в своем дворце церковь греческого закона, что он клятвенно обещал, и укреплял господ, знатных жен и дев в римском законе, а не в греческом. И каких бы наших людей с нашими девами мы к нему не отправили, чтобы эти люди, не великие, и не в большом числе, оставались при ней, он разделял их по одному и разводил, и наша дочь отсылала обратно от себя каждую княжну или деву, которые были в греческом законе, и с этих пор она хотела только своих людей и решила повернуться к латинству и креститься.

Кроме того, он писал наш титул не так, как записано и закреплено между нами в договорных и союзных письмах. И, находясь с нами в состоянии мира и дружбы, он посылал к хану Волжских татар (Tanatanae), другим ордам Заволжским (Zawolhensis) и прочим врагам нашим и побуждал их ко злу против нас. И начал захватывать наши земли и воды. И откуда бы не направлялись к нам господа послы или купцы через его земли, с тех пор он не разрешал этим послам и купцам [проезжать], и нашим купцам чинились в его землях многие

несправедливости, убытки и жестокости. Вот, после взаимного договора он совершал и многие другие дела, и ... клятве [данной] нам не следовал, той, которой обещал и должен был держаться. Поэтому мы ни единожды посылали к нему наших послов, и сверх этого через своих послов призывали, чтобы дочь наша держалась всего того, что обещала в договорных письмах и своей клятве. Сам же он не держался по отношению к нам и к дочери нашей того, что обещал и письменным договором и клятвой.

Господин наш приказал сказать тебе. Что после всего того, чего он не хотел держаться, он (quinuto) начал творить бесчестье, а именно, он отправил к нашей дочери русского прелата греческого закона из города Смоленска, других владык и епископов Виленских и братьев Бернардинцев вместе с ними для того, чтобы она отступила от своего греческого закона и приняла закон и послушание римское и латинское. Затем также он послал владык и епископов Виленских к другим русским князьям и господам и всем прочим русским, кто держится греческого закона, и сказали им от него, чтобы русские приняли римскую церковь. Вот почему эти русские князья, которых наш зять хотел принудить к римскому закону, бежали от него и к нам со своим наследством, которое имели в его землях, бежали и вдобавок присоединились к нам. По этой причине началась и существует между нами война, хотя мы вступили в это положение дружбы, мирного договора и согласия и Великим князем Александром, зятем нашим, для того, чтобы жить с ним в вечном мире, дружбе, братской любви и согласии.

Господин наш приказал сказать тебе. Что этот зять наш, господин Великий князь Александр посылал к нам своего придворного Матвея Купгевича (Кунцевича, Cungewycz) по тому делу, что он хочет послать к нам своих больших послов, и чтобы мы дали наши опасные грамоты (для проезда, опять *salvi conductus*) для этих его послов. И сам он отправил к нам своего посла Станислава Тарбутовича (Tharbuthowycz) и его братьев, очевидно, Владислав, король Венгии и Чехии, и Ян Ольбрахт Польский король отправили к нам своих послов с тем делом, чтобы мы вступили в мир и согласие с нашим зятем, Великим князем Александром, так, что сам господин Александр должен был

послать к нам своих послов для этого мира, ни о чем не заботившихся своих великих господ советников, давно ли эти вышеназванные послы, великие господа советники, медлили перед нами с подписанием мира и согласия.

Также мы должны были приказать всем нашим соседствующим князьям, и притом всем (*tenutariis*) и капитанам, и, наконец, жителям, проживающим в соседних с Литвой территориях, чтобы они сами в это время не причиняли никакого ущерба и не нападали на людей Великого князя Литовского. И точно также посол как Великого князя Литовского, так и самого Яна Ольбрахта короля Польши сказал нам лично, что Великий князь Александр должен в это время, пока его послы задерживаются [прибыть] к нам, приказать всем своим князьям, капитанам и (*tenutariis*) и каким бы то ни было другим своим подданным, чтобы они не осмеливались входить в соседние и пограничные земли наших людей или совершать набеги. Поэтому тогда мы отвечали их послам, одному Великого князя Александра и другому от Яна Ольбрахта, и уведомляли их о нашей воле, что, разумеется, Великий князь Александр отправляет к нам своих высоких господ советников послов, и когда он их отправит, мы желаем заключить с ним мир, и тогда также мы приказали нашим пограничным князьям, а именно князю Семену Ивановичу Стародубскому, князю Василию Земачичу и князю Семену Ивановичу Бельскому и другим нашим князьям, капитанам, (*tenutoriis*) и вообще всем нашим подданным, живущим около и вокруг границы, чтобы никто не применял никакой силы и не доставлял неприятности четырем людям Великого князя Александра.

Господин наш приказал сказать тебе. Что тогда наши приграничные подданные не причиняли никаких несправедливостей людям Великого князя Александра в своих пограничных землях, но, однако, пограничные люди Великого князя Александра совершили в наших землях много зла. И тех, кого в действительности должен был послать Великий князь Александр, то есть своих послов великих господ советников для подписания мира и согласия, он до сих пор к нам не отправил.

Господин наш приказал сказать тебе. Что в это время господин Великий князь Александр своим призывом к султану Волжских татар (*Tanatanae*), и к

другим Zihachanatha Заволжским ордам, навел их на наши наследственные территории и владения, и натравил немецких Ливонских крестоносцев на наши земли, и отправил с немцами своих вооруженных людей в земли наши, и принес своим подстрекательством много зла нашим владениям.

Господин наш приказал сказать тебе. Что в этом году, этим летом совет, а именно епископ Виленский Альберт, паллатины, князя и господ, точнее общий совет Великого княжества Литовского направил к нашим боярам человека епископа Альберта, Ивана Выдру, для того, чтобы мы пожелали прийти к миру и согласию с нашим зятем, королем Польши и Великим князем Литовским, и если бы мы захотели сделать Божьей помощью, чтобы послам господина Александра короля Польши и Великого князя Литовского были даны наши опасные грамоты, чтобы под их защитой его послы могли прибыть к нам и вновь говорить об этом деле. Мы дали его послам наши опасные грамоты для того, чтобы сами послы могли прибыть к нам и свободно вновь говорить об этом деле, но в действительности он до сих пор не отправил к нам своих послов.

Господин наш приказал сказать тебе. Что ты сказал нам от папы, что Владислав, король Венгрии и Чехии, и Александр, король Польши и Великий князь Литовский, сообщили, что хотят биться и стоять против нас за свое наследство и отеческие земли, и, возможно, сами вышеназванные короли называют это наследство и земли своим имуществом, но они не хотят воевать с нами за то, что вместе с тем добавили нам русские князья, бояре и другие люди, и за те крепости, территории и наследства наших людей, которые во время войны и нашего разногласия подпали под зятя нашего.

Господин наш приказал сказать тебе. Что мы размышляли, что это папе известно, что не все есть или может быть наследственным владением Владислава и Александра, что принадлежит Литве от их предшественников, подобно тому как не все то наше, что дошло от наших предшественников, что земли Русские, и с древних времен являлось нашей отчиной, и мы вступили в мир и согласие с нашим зятем Великим князем Александром. Тогда мы допускали для себя держаться дружбы и взаимного благоволения. Когда же в

действительности зять наш, Великий князь Литовский Александр не захотел соблюдать нашу веру, как было ранее решено, по какой причине мы не должны забрать обратно нашу отчину с Божьей помощью. И папа это понимает, если эти короли сделали так, что они хотят бороться с нами не за свои наследственные владения, и когда сами короли желают сражаться снами, мы хотим, уповая на Господа Бога, стоять за наше наследство, так как Господь помогает нам, и Творец является нашим помощником и нашей правдой.

Господин наш приказал сказать тебе. Что и сейчас зять наш, Александр, король Польши и Великий князь Литовский, (хочет) мира и доброго согласия, и мы желаем иметь с ним мир и доброе согласие, как он предлагает и соглашается.

[Отчет о втором польско-литовском посольстве, которое приехало в
Москву для заключения мира]

Эти московские записи были сделаны секретарем Горецким, что было
сказано после прибытия послов через Сигизмунда Сантая лично князю
Московскому. И вначале Сигизмунд сказал следующее.

Светлейший государь! Те, кого я представлял именем короля вашему светлейшему величеству, его святейшеству господину нашему папе и светлейшему господину нашему, господину Венгрии и Чехии, кто придерживается добра и прочного мира Христианского государства, я надеюсь на благоволение Господа в желаемом окончании приезда, и как я обещал вашему светлейшему величеству, и я подкрепил, исходя из своего опыта, это прибывшие господа послы светлейшего господина короля Польши, Великого князя Литовского. Ваше светлейшее величество уже знает об их прибытие, тех, я не сомневаюсь, направлявшихся с тем, чтобы появилась возможность к миру и

доброму возобновлению дружбы между вашими величествами, светлейшими господами, чтобы, во-первых, восстановленная между вами дружба могла оказать помощь Христианскому государству, и даже всем монархам. Итак, я коленопреклоненно прошу ваше светлейшее величество, чтобы вы, во-первых, любезно соблаговолили выслушать этих господ послов его светлейшего величества короля Польши, и, наконец, склониться к тому, что покажется соразмерным. Но есть еще одно, светлейший господин, что касается меня уже после прибытия вышеназванных послов его величества, и некоторым образом беспокоит. Ибо эти же послы сообщили мне, что после их выезда из Смоленска по направлению к границам земель послов, они увидели, как огромное войско вашего светлейшего величества вторглось в земли Великого княжества Литовского, и опустошало все вдоль и поперек огнем и мечем, и в отношении этого я верю, что это произошло без ведома и воли вашего светлейшего величества. И я думаю, что ведь ваше светлейшее величество не может не знать об этом предлагавшемся договоре, ибо ведь я отправил опасные грамоты господам послам его величества, и я написал, прося, чтобы его величество предупредил войско из крепостей, и когда по призыву апостольского престола, а также моего светлейшего господина, господина короля Венгрии и Чехии, он успокоился, чтобы вернуться к взаимному согласию с вашим светлейшим величеством и на благо христианского похода против неверных, поскольку подчиняется воле его святейшества и своего брата, господина короля Венгрии, что, я полагаю, уже свершилось.

После этого, в действительности, произошло это нападение из земель вашего светлейшего величества на земли его королевского величества, откуда войско вашего величества было он легко смог отбить, если только не мой совет двинул ваше величество в эти земли. Эти дела были решены с чрезвычайной быстротой его святейшеством господином нашим папой, моим светлейшим господином королем Венгрии и лично мною, поэтому я представляю перед вашим светлейшим величеством как апостольский престол, так и его королевское величество. Итак, я смиренно прошу, чтобы ваше светлейшее величество соизволил приказать своим, чтобы вышеназванное войско быстро

вышло из земель Великого княжества Литовского, и никакого ущерба далее не приносило, и также награбленное за то время, когда сейчас ваше светлейшее величество дал опасные грамоты господам послам, и взятое он повелел бы вернуть. Действительно, во многих самых древних греческих и латинских историях показывается, что в тех войнах, где начаты действия к миру, было такое обыкновение, чтобы одна сторона призывала другую к прекращению борьбы и прочего, когда будут отправлены послы для подписания мира и дружбы.

Ответы послов противоположные аргументы от князя Московского

Что сказано, было заключено и предписано, что его королевское величество не должен принуждать свою жену к римской вере, и что ее величество должна оставаться в своей греческой вере, и прочие принуждались принять римский обряд: что его величество никогда не делал, и никоим образом не делает, и никого по этому делу к его светлейшеству не посылал, так как от нунциев его светлейшество все происходящее знает, и по-прежнему также его величество имеет уважение к этим предписаниям, которые ваше светлейшее величество не исполняет, какими бы обязательствами он не связывался, не обращая внимание на эти будущие противоположные дела апостольского престола, к которым сам апостольский престол не раз призывал через письма, и кроме того его величество был выбран королем, чтобы он привел жену свою к покорности. Его величество же, учитывая предписания и союзы, и не желая никого обижать, не раз отправлял своих послов к апостольскому престолу, чтобы иметь возможность и способ, чтобы полностью соблюсти и фактические условия с вашим светлейшим величеством и обязательства перед апостольским престолом. Наконец, после коронации его величества сам апостольский престол отправил [послов] к его величеству, чтобы привести его жену к послушанию римской церкви, а также по просьбе его величества апостольский престол совещался с собранием кардиналов, каким образом возможно, чтобы ее величество осталась в обряде греческой церкви.

Итак, после многих [переговоров] появилось соглашение и (апостольский престол) решил с кардиналами и с общим советом с одобрения его королевского величества, что дело о вторичном крещении (касается) не только ее величества, но и всех русских, по крайней мере следует сделать так, чтобы было принято послушание апостольского престола, жили в греческом обряде и имели греческих слугителей под послушанием и статусом Флорентийской унии.

Точно также его королевское величество никого не принуждал к римской вере, и даже девушек, которые живут при дворе ее величества, и других ее подданных, но его величество своих подданных ... от отца ее величества, и все верили и открыто следовали той вере, которой хотели. И он построил новые церкви для обоих обрядов, которые они хотели, кто бы из русских это ни был, что он не должен был делать. Так его величество разрешил, и на самом деле его величество не заботился, каким образом ваше светлейшее величество сохраняет своих подданных, кто в вере, также, видимо, его величество не должен заботиться, кто [состоит] в договоре, его величество сохраняет свое.

Что касается постройки русской церкви в резиденции, и главы церкви, и других придворных ее светлейшего королевского величества, а также знатных дам служащих ее величеству, я скажу, что нет права делать разницу, какая церковь должна быть построена, или что те придворные, которые придерживаются греческой веры, должны служить при ее королевском величестве. Если же такое ограничение было бы в его постановление, также бы была статья об этом в предписании о союзе ..., но ваш светлейший господин принимал предписания без такой статьи, если так было бы заключение. Он, однако, принял ответные письма, в которых по этому делу ничего не было установлено.

Что же касается девушек и знатных дам служащих ее величеству, и других придворных, то ее величество ничего не знает о том, придерживаются ли они греческого или латинского обряда, но, видимо, они достойны чести и красе ее величества, и она сохраняет их при дворе своего светлейшего величества.

Что касается титула всея Руси, то я говорю, что в то время, когда были эти предписания между нашим светлейшим величеством и вашим светлейшим величеством, и между вами была добрая дружба и его величество утвердил то, что ваш светлейший господин насал в союзных предписаниях господин всея Руси, потому, что чтит вас во всем, как тестя, брата и друга, и дал вам ответные письма слово в слово, по обычаю с титулом всея Руси.

Кроме того, его величество был в то время князем Литовским, никто не надеялся, что он будет добиваться королевства, во владениях которого находится большая часть русских земель. Итак, его величеству нельзя в ущерб королевству называть ваше светлейшее величество этим титулом.

Кроме того, если бы об этом титуле было бы решение или заключение, которое ваше величество должен был бы записать господин всея Руси, об этом осмотрительно должна была бы быть отдельная статья в предписаниях, но об этом нет упоминания в вышеназванных предписаниях.

Что касается татар, которых его величество натравил на ваши земли, то я скажу, что не его величество сделал ..., но ваше величество, который перед этим отправил к татарам ... Рамадановича, чтобы опустошить земли его королевского величества, и сам вдобавок нанес большой ущерб землям его величества.

Кроме того, его величество был в таком состоянии, и просил помощи против них, узнавая о мире и возможности переломить союз, такой же враждебный и неприятельский со стороны вашего величества, откуда надеялся на большую дружбу.

Третий день после праздника *Reminiscere* (напоминание) снова господин Сигизмунд держал следующие слова перед князем

Светлейший господин! Я недавно слушал эти разговоры, которые имели место в шестой день праздника между советниками вашего светлейшего величества и советниками его величества короля Польши и Великого князя Литовского, эти послы вчера пришли ко мне и поведали, как советники вашего

светлейшего величества (держались) с ними, как шли разговоры в шестой день праздника ... через эти переговоры со стороны вашего светлейшего величества ничего не было (достигнуто) или отклонено (многое) из того, чтобы мог быть мир и добрая дружба между вашими величествами, и также мне были даны заверения, что запишут во всех союзных предписаниях, как я сам лично слышал, чтобы если его королевское величество выступит против этих предписаний, что изменит, то и в ответ ваше светлейшее величество также выступит против этих предписаний, чтобы равным образом (их) изменить.

Мне также сообщили, что его королевское величество господин ничего не выставял против предписаний, но все во всех статьях твердо и честно сохранил, как содержание этих предписаний и было мне передано, что я отдам нашему святейшеству и моему светлейшему господину, и сказано, что в этих предписаниях ничего этого не сохранено, в чем повинен ваше светлейшее величество обвинял его королевское величество.

С другой стороны ваше светлейшее величество ничего не желает знать об этих предписаниях и отвергает их, что является невозможным и не подходящим. В самом деле то, что занимает ваше светлейшее величество, и не желает возвращать, и, сверх того, претендует на прежнюю часть России, из-за которой он не желает признавать предписания со своей стороны, что принято во всем мире, что было подписано и решено между какими-либо правителями, имеется обыкновение подкреплять письмами и печатями на долгую память, и также обычно перечитывается, какое принято решение и соглашение, и что не принято, и если какая-либо из сторон виновата в несоблюдении того, что было предписано, тогда обычно эти дела или отправляются в суд или рассматриваются в дружеском порядке и состоянии. По этой причине, я, как посол вашего светлейшего величества, спрашиваю, не будет ли достойным иначе поразмыслить об этом деле, чтобы не явилось препятствий этому святому походу против неверных из-за разногласия между вашими величествами. Ибо при его королевском величестве в Вильно есть посол турецкого султана, но его величество не принимает с ним никаких окончательных решений, до тех пор, пока господа послы в настоящее время не вернуться к его величеству, и если

мир не будет разделен (потому что Господь [от нас] отвернется), тогда его величество будет вынужден заключить мир с турецким султаном.

Итак, мне кажется лучше и полезнее, чтобы ваше светлейшее величество пришел к согласию и примирился с его королевским величеством, братом и зятем вашим, и чтобы скорее вы обратили ваши с ним силы против турок и любых других врагов ваших величеств, которые [используют] разногласие, которое сейчас он (король Александр) имеет с вашим светлейшим величеством, и должен будет упустить христианское государство и не предоставить помощь всему Христианству против неверных.

Если все будет легко воспринято, что было сказано со стороны послов, и будет дан ответ этим послам от имени, то будет положено полное начало их посольствам, и что дражайший господин легат (кардинал Реджио) делает при вашем светлейшем величестве, ибо с удовольствием он узрит пользу от них, и наконец то, что не вражда сама по себе движет всеми христианскими правителями, и что без сомнения, что господин кардинал принимает, чтобы им помогали.

Также с удовольствием господин кардинал увидит, что наш святейший господин папа не имеет причин для недовольства личностью вашего светлейшего величества, и что ваше светлейшее величество прислушивается к побуждениям и просьбам господина кардинала легата.

Ибо господин кардинал не имеет дела верховного понтифика, и чтобы ни приказал верховный понтифик, так именно и сделает господин легат и особенно, что касается препятствий всеобщему святому походу.

Если будут легко поняты увещевания короля Венгрии, говорят, что поневоле господин мой, король Венгрии, печалится, что будет ли его призыв к вашему светлейшему величеству легко принят, и печалится не меньше, чем другие правители, которые, если потребовала бы какая-либо необходимость в помощи вашему светлейшему величеству, также брату и родственнику, он желает ее, он же уже должен собирать их помощь против вашего светлейшего величества. Он, однако, твердо надеется, в благоразумие вашего светлейшего величества, что вы лучшее все обдумаете, и из родственников и зятя, которые во

всем земном мире пользуются почетом, не сделаете себе врагов, и против чести не посеее порицание.

Ответ Великого князя Московского господину Сигизмунду

Господин Сигизмунд! То, что ты дал нам в письменном виде, мы пересказали нашему господину, и господин наш приказал сказать тебе. Скажите, что те крепости и земли, которые Господь дал нам как наше наследство, хотя мы половину их спустили бы Великому князю Александру, и заключили бы с ним перемирие, пока папа и король Венгрии и Чехии Владислав не отправят к нам своих послов, кто соберется эти земли взять, хотя он и владел ими.

Господин наш велел сказать. И мы тебе, и польским и литовским послам не единожды через наших бояр давали знать, что не только те крепости и земли русские, что теперь нам принадлежат, являются нашей отчиной, но и все земли русские, по воле Божьей, более древние из прежних, тогда есть отчина наша.

Господин наш приказал сказать тебе. И мы передавали тебе наши слова, в какой союз и дружбу мы вступали с Великим князем Александром, и отдали ему в жены дочь нашу, и с тех пор доверяли эту нашу отчину, русские земли, дружбе, и Великий князь Александр ничего не совершал с нами в соответствии с предписаниями, и стал нам врагом, и поэтому делу мы должны ему половину нашей отчины, которую Господь дал нам, отдать и заключить с ним перемирие, и почему мы не должны желать всю нашу отчину, иметь в русских землях.

Господин наш приказал сказать тебе. Когда король Александр и Великий князь захочет с нами мир и доброе согласие, оставит нам нашу отчину, тогда мы заключим с ним мир и доброе согласие.

Снова господин Сигизмунд держал перед князем следующие слова

Светлейший правитель! Я вижу, что ваше светлейшее величество держится в своем деле все тяжелее и упорнее. Однако я как бы то ни было

делаю вывод, что ваше светлейшее величество не начал быть недовольным верховным понтификом и всеми королями и правителями христианскими, и что также ваше светлейшее величество не познал себя во всей жадности перед братом и зятем своим, что ваше светлейшее величество принял после совершения союза, но не хочет восстанавливать. Я думаю об этом, Бог свидетель, как для блага вашего светлейшего величества, так и для блага его величества короля Польши, и более всего из-за государства христианского, чтобы в этом деле была найдена середина, если я могу привести к этому господ послон его королевского величества, после чего я вижу, что вашему светлейшему величеству тяжело, что он получил, вернуть, что ваше светлейшее величество должен сделать по праву и по справедливости, чтобы каждый имел то, что по крайней мере является половиной того, что он получил, он вернет и свободно отпустит пленников, и оставшихся же, чтобы наше святейшество или светлейший господин мой отправили послон, которые будут искать и принимать решение между вашими величествами, которые должны будут уступить им, и конечно же, что теперь ваше светлейшее величество вернет, и также, что до сих пор занимает, чтобы каждый имел свое. Однако я делю пополам время, чтобы между вашими величествами было перемирие, пока вышеназванные послы могут прибыть для обсуждения и оценки дел между вашими величествами.

Снова господин Сигизмунд говорил так

Светлейший правитель! Я слышал недавно начало о будущем мире и согласии между его величеством королем Польши и вашим светлейшим величеством, но однако это дело не дошло до конца. Говорят, о господах послах вашего светлейшего величества и советниках его королевского величества, что они хотели написать, и должны были изготовить документ статей будущего мира между вашими величествами.

Но я не знаю, примут ли их вышеназванные господа послы? Возможно, они не пожелают этого, и поэтому я не вижу, что это дело склонится к завершению. Время же не терпит, чтобы мы в этом далее медлили и ожидали.

Поэтому я прошу, чтобы ваше светлейшее величество соблаговолил уже без промедления отправить господ послов по этому делу, а также скорее милостиво нас отпустить.

Снова господин Сигизмунд держал следующие слова

Светлейший правитель! Господа послы от брата и зятя вашего светлейшего величества, светлейшего господина короля Александра и Великого князя, и от господина Ливонского магистра в настоящее время светлейшего величества говорят об этих делах, что ваше светлейшее величество выслушала их от них и об этих делах велись переговоры при разговоре с боярами и секретарями вашего светлейшего величества. Я узнал от этих господ послов, что все эти жалобы и все эти дела, которые его королевское величество сообщил через этих господ послов вашему светлейшему величеству, брату и своей теще, были по порядку представлены вашему светлейшему величеству, и многие жалобы и дела, что надлежит совершить и обговорить с вашим светлейшим величеством, так и не были улажены, напротив ваше светлейшее величество до сих пор не дал никаких ответов по этим делам. Ваше светлейшее величество спрашивали, если вашему светлейшему величеству не кажется, и не угодно вступить в мир и дружбу со светлейшим господином королем и Великим князем Александром, и сохранить вечный мир согласно союзным предписаниям и сохранению клятвы, пусть соблаговолит заключить перемирие с его королевским величеством и господином магистром в определенное время, чтобы между вашими величествами не усилилась вражда, и в первую очередь, чтобы росла старинная и добрая дружба, чтобы в это время, в которое укреплялся бы мир между вашими величествами, прибыли бы другие послы как его королевского величества, так и господина магистра к вашему светлейшему величеству с основными делами и довели бы до конца эти дела между вашими величествами. Ибо эти господа послы в настоящее время не договорились ни о каких действиях относительно основных дел кроме того, что было сказано вашему светлейшему величеству. Ваше светлейшее величество хорошо их

слышал, и они в письменном виде мне предоставили, что они более ничего не могут сделать в этих делах.

Если же ваше светлейшее величество не имеет желания сделать так, чтобы принять перемирие с его королевским величеством и господином магистром, то пусть соизволит любезно отпустить нас к нашим господам. Ибо ваше светлейшее величество соизволит знать, что эти господа послы не выполнили основных дел.

Снова господин Сигизмунд сказал так

Светлейший правитель! Уже месяц миновал, как я прибыл с этим посольством, которое хорошо знает ваше светлейшее величество. Итак, послы его королевского величества после прибытия большей частью по моему совету согласились как заключить мир, так и уведомить совет вашего светлейшего величества от совета вашего [думаю, что здесь опечатка — его] светлейшего величества. Как бы то ни было это невозможно, но таково положение, чтобы также ваше светлейшее величество заключил мир с послами господина Ливонского магистра, который тоже отправил своих послов по воле его королевского величества, однако советники вашего светлейшего величества клятвенно обещали им и так решили, что ваше светлейшее величество должен заключить с этими послами господина магистра такой же мир, как и с теми. Итак, вчера они были у меня, рассказывая, что бояре вашего светлейшего величества бросали бесчестные слова против их господина и против них. По этому поводу я сильно удивлен, если это произошло по воле вашего светлейшего величества. Поэтому я прошу, чтобы ваше светлейшее величество соблаговолил положить уже конец тому делу, которое решено, а также заключить с послами господина магистра точно такой же мир, чтобы это дело не мешало борьбе святого похода против неверных. Ибо эти послы его светлейшего величества короля Польши и Великого князя Литовского не имеют никаких дел, кроме как свершить это.

В конце концов князь Московский пожелал заключить мир предписывая это

Господа. Я сообщил через вас брату и зятю моем, королю и Великому князю Александру, по поводу моей дочери, чтобы он не принуждал ее к римской вере никаким образом, и чтобы он держался так, как он обещал нам словом своим через своих господ. И вы говорили нам от брата и зятя нашего, что он не принуждал дочь нашу и свою королеву к римской вере, и никак не принуждает, и отправил к папе римскому, и тогда, когда еще он был Великим князем Литовским, чтобы нашу дочь и свою Великую княжну ввести в послушание римской церкви и папе, и чтобы он приказал ей ходить в римскую церковь, не желая, чтобы мы вступились за дочь нашу, ни однократно отправлял он к папе, спрашивая об этом папу, других ... (непереводимая игра слов – odmawuayasz).

И после принятия Польского королевства снова отправил папа к нему своих нунциев для того, чтобы он привел дочь нашу и его Великую княжну к послушанию римской церкви и папе, и чтобы он приказал ей ходить в римскую церковь, и этот папский нунций и сейчас находится при короле, зяте нашем, чтобы и мы отправили к папе по этому дулу наших послов.

Почему нам по этому делу посылать наших послов к папе, в этом деле у нас нет заботы отправлять к папе наших послов, и вы от нас говорите брату нашему и зятю, чтобы брат и зять наш, король и Великий князь Александр помнил, какие письма он давал нам относительно нашей дочери, какие его слова были нам сказаны через его господ, что он не должен принуждать дочь нашу к римской вере, и что церковь Господа греческой веры должна быть у нее во дворце, и про господ, господ дать и других приставить к ней (вольный перевод от непереводимой игры слов – przystawuch ei) греческой, а не римской веры, и чтобы брат наш с нами так держался, как обещал в своих словах, и не вводил в римскую церковь и послушание папе, и не приказывал им ходить в римскую церковь, чтобы дочь наша во всем знала веру свою римскую [скорее всего опечатка — греческую] и чтобы он приказал построить церковь Господа

греческой веры у нее во дворце, и приставил к ней господ и знатных дам и других (опять игра слов – przystawylby) греческой, а не римской веры, и во всем следовал брат наш и наш зять относительно нашей дочери так, как говорил, чтобы из-за этого не начиналась бы между нами вражда.

Этот разговор был написан в Москве русскими буквами Софьей, русским писцом, в Вильно е переведено на латинский секретарем Ласским

Когда господин Петр Мисковский, палатин Lanc[iciensis?], с остальными поляками и литовскими советниками прибыл в Москву, тогда господа дали некоторое господину Сигизмунду, и том немногом господином Сигизмундом было сказано Великому князю Московскому, и также господину Сигизмунду были даны сведения о других заседаниях, и т.д. Что, во-первых, он сказал.

Светлейший князь! Эти дела, которые [были] еще до прибытия вышеназванных господ послов, и поляков и литовцев к вашему светлейшему величеству от имени его святейшества папы нашего, и также моего светлейшего господина, короля Венгрии и Чехии, и дражайшего господина кардинала легата, которые следят за добрым и непоколебимым миром скрепляющим все христианские государства, на что и я надеюсь, с помощью Господа они придут к хорошему завершению, что я клятвенно обещал вашему величеству, и клялся своей головой, что, разумеется, господа послы светлейшего господина короля Польши и Великого князя Литовского должны прибыть, Котовых уже ваше величество видит прибывшими. Эти послы прибыли не только из-за этого дела, если не для укрепления мира и доброй дружбы между его королевским величеством и Великим князем и вашим светлейшим величеством, чтобы между вами, Великими князьями, а также господами установилась и была приведена в порядок дружба и уважение, которые будут для всех христианских государств абсолютно необходимыми.

Поэтому призываю, пусть ваше величество соблаговолит господ, которые посланы от его величества короля Польши и Великого князя Литовского, во-первых, благосклонно выслушать, наконец, действительно проявить добрую

волю в согласовании дел, чтобы для обеих сторон стала возможным правдивая и настоящая истина, которую проявляет только лично Господь. Действительно, Светлейший господин, великий князь! Когда прибыли эти господа послы его величества короля Польши, один причинил мне сильную досаду, этим послами мне было сказано, что на границах вашего светлейшего величества, когда они уже покинули Смоленск. их разыскал скорый посол, очевидно, Gonyecz [сообщил], что большое и многочисленное военное войско выступило и вторглось в земли его величества короля Польши, огнем и мечем разграбляя вдоль и поперек земли его светлейшего величества. Относительно этого дела я не верю, чтобы это произошло по воле вашего светлейшего величества. Только ты, Великий князь, можешь понять, что такие вещи не соответствуют этому времени, из-за того, что с того времени, как от вашего светлейшего величества были приняты опасные грамоты, я отправил господ послы, потом написал к его величеству королю Польши и Великому князю Литовскому, его милости, чтобы его величество соблаговолил отозвать и отвести свои войска и своих вооруженных людей от крепостей и полей, и заранее готовить на границах к доброму миру, а также распустить. Его королевское величество по просьбе его святейшества нашего папы, а также брата своего, его светлейшего величества короля Венгрии и Чехии, Владислава, также из-за всеобщего союза и общей защиты всех христианских государств и из-за обновления дружбы с вашим светлейшим величеством по этим делам решил, чтобы такая защита была соединена против язычников, и чтобы также его величество пошел навстречу в этом его святейшеству папе, своему брату, королю Венгрии и Чехии, и вам.

Относительно этого дела я хорошо понял, что это событие приближается к своему завершению.

Именно со стороны вашего светлейшего величества так часто вторгались в земли его величества вооруженные люди, и если сопротивление которым от вооруженных людей его королевского величества могло бы быть легким, если его величество не выдвинул бы людей с полей моими просьбами и заверениями. Ввиду этого ваше светлейшее величество, как господин своего разума может взвесить, что эти дела хорошо понимаются его святейшеством папой нашим,

моим господином королем Венгрии и Чехии, господином Владиславом, а также мной, слугой вашей чести.

А также, когда я объявил вашему светлейшему величеству эти поручения его святейшества нашего папы и светлейшего короля Венгрии и Чехии, с этого времени я донес до вашего светлейшего величества слово, что имею и другие поручения к вашему светлейшему величеству, о которых я сказал в свое время. Так как на самом деле, ваше величество, эти поручения таковы, когда же в это время я представил послов светлейшего господина короля Польши и Великого князя Литовского Александра, которых ваше светлейшее величество видел лично. Еще я был вынужден остаться с ними и продолжить [свою миссию], а также я должен слушать о приказе его святейшества нашего папы и господина короля Венгрии и Чехии, господина Владислава, если может быть отмечен случай в том, что брат и зять вашего светлейшего величества, его королевское величество Александр [двинулся] против кого-либо, в том же против вашего светлейшего величества, и отошел от своих тройственных обещаний и своей клятвы, или же если его королевское величество четко соблюдал все предписания вхождения в мир, и твердо придерживался своего братского слова, чтобы я точно знал от вашего светлейшего величества происходящее, о чем полностью доложить его святейшеству нашему папе и моему светлейшему господину, а также всем христианским государям.

Поэтому я призываю выше светлейшее величество именем его святейшества нашего папы Александра и моего светлейшего господина короля, чтобы ваше светлейшее величество, выслушав поручения, о которых сообщают господа послы перед вашим величеством, не пожелал бы превозносить свои дела, но как христианский государь, соблаговолил бы склониться к доброму согласию, который сотворит между вашими величествами вечный мир, а также наступит всеобщий союз всех христиан.

Итак, я умоляю ваше светлейшее величество, чтобы вы приказали как можно быстрее вывести всех людей и эти войска из земель его величества и покинуть их без промедления, и не допустить нанесение большого ущерба землям его величества, и повелели восстановить военную добычу его

святейшества, которая была захвачена во время действия опасных грамот и отправлена соединенная по одной.

Что, Господин Великий князь, говорится во многих как латинских, так и греческих историях, как описывается, что, когда приступили к переговорам во время войны по поводу установления мира, чтобы война была прекращена, и одна сторона в итоге отозвала вооруженных людей из крепостей и полей, а другая же в особенности прекословит, когда уже послы были отправлены для установления мирного союза.

Эти отправленные послы выступили с возражениями, и вначале венгерский посол сказал Великому князю о тройном мире

Светлейший господин, Великий князь! Я слышал в шестой день прошедшего праздника разговор и все происходящее между господами послами совета и сената его светлейшего королевского величества, Великого князя, милостивейшего короля Польши, и боярами твоего величества, что теперь я сам помогаю этим переговорам. Сами же господа послы короля и Великого князя прибыли ко мне и рассказали, что господа вашего светлейшего величества сообщили об успехе этих дел, что в них ничего не изменится, и когда накануне с ними были переговоры, так после этого ваше светлейшее величество не дал слова о взаимных переговорах, и не склонился к ним, чтобы заключить между вами и нашим господином добрый мир и дружбу. И мне сказали, что они во всем проявляли благосклонность, и сами обращались к вашим предписаниям, и я сам слышал, и так выходит, что если и в этом господин король и Великий князь преступает свои предписания и свое слов, так как он их изменил, в таком случае и ваше светлейшее величество преступил свои мирные предписания и братство свое, так как он их меняет. Кроме того, мне рассказывали, что король и Великий князь, сам себе во всем господин, придерживается своих мирных предписаний [данных] брату своему, и таким образом ничего в предписаниях не преступает, и все установления, статьи и положения в том, как они написаны

четко и усердно выполняет, в точно таком же виде как эти принятые его и ваши предписания были даны мне, во всех мельчайших подробностях.

О чем я со своей стороны уведомил его святейшество нашего папу, светлейшего короля моего господина и дражайшего господина кардинала легата. Также послы утверждали то, что здесь нет никакой написанной статьи в предписаниях, чтобы в этом отношении вы могли бы обвинять господина короля. Ваше светлейшее величество не желает уважать предписания и принимать дружеское мнение об том, что там написано. Ибо вы опровергаете и отклоняете эти предписания, которые нельзя отклонять, и те земли, которые вы приняли по этим мирным предписаниям, вы возвращать не желаете, напротив же вы желаете иметь все и полным русские земли.

И так как эти послы его королевского величества четко соблюдают ваши договорные письма, ввиду того, что существует такой обычай во всем мире, что когда укрепляется и устанавливается [мир] между Великими князьями и их землями, таким образом они принимают все предписанное и скрепленное вечной твердой печатью. И отсюда легко понять, кто соблюдает предписания, а кто не соблюдает. И что касается, чтобы кто-то этого не соблюдает, что установлено предписаниями, то следует переносить это дело в суд или должно по-дружески согласоваться, и тогда не надо дело подвергать суду. По этой причине я, как посол вашего светлейшего величества, говорю, что он согласен и хочет иначе свершить это дело, внимая мудрости наихристианнейшего господина так, чтобы этот ваш спор и славное разногласие не были преградой добру и святому объединению всего христианства против неверных, ибо в данный момент при светлейшем короле Польши и Великом князе Литовском есть посол турецкого султана, который прибыл от своего господина с требованием мира. Господин же король и Великий князь не пожелал устанавливать с ним что-либо определенное, до тех пор пока его господа послы, которые сейчас находятся при вашем светлейшем величестве, не вернутся к его светлейшему величеству. Что если эти послы с твоим величеством не приведут дела своих владений к хорошему концу, или не заключит какой-либо мир, если

ничего об этом не сообщат, тогда его королевское величество, пусть и неохотно, все же заключит вынужденный мирный союз с турками.

Светлейший Великий князь! Мне, послу при дворе вашего величества видится это делом идущим к доброму концу, и вам полезен совет и освобождение, чтобы ваше светлейшее величество пришел к согласию с его королевским величеством Александром, братом и зятем вашим, и возвратился бы к прежней дружбе и взаимному согласию, а также крепко придерживался заключенного мира, и вы направите ваши силы против турок и других неверных, общих врагов ваших величеств и всего христианства, что ваше разногласие ставит все христианство в униженное положение, неверным же доставляет веселье и величие.

К этому ваше светлейшее величество своими обращениями призывает дражайший господин кардинал Реджио, посол от его святейшества нашего папы к вашему светлейшему величеству, который по-прежнему с удовольствием увидел бы, что вы желаете, чтобы здравствовали христианские правители, и что ваше величество не вызывает господ всего христианства, живущих под солнцем, против себя, и не возбуждает их всех против себя, кто бы из христианских государей оказывал всеми своими силами помощь против тебя без ведома наших господ. Еще бы дражайший господин кардинал Реджио охотно бы увидел, что его святейшество господин наш папа не признает глупости и грубости вашего величества к его призыву, так как его святейшество господин наш папа всегда держит в своем сердце со всем римским советом [мысль] о вашем христианстве, считая тебя великим защитником и посредником христианства, а также разрушителем неверных. И по этой причине, если ваше светлейшее величество должен пренебрегать призывам его святейшества господина нашего папы и господина кардинала Реджио, то господин кардинал доложит это дело господину папе, и как он это сообщит, так его апостольское величество должен будет действовать против тех, кто разрушает и разъединяет святой союз против неверных язычников, так и сделает дражайший господин легат.

Светлейший Великий князь! Светлейший господин мой, король Венгрии и Чехии, Владислав терпит большую боль, поскольку понимает, что ты, его брат, ни во что не ставишь его призыв к тебе, видя, что его просьбы и слова к тебе уходят в пустоту, он испытывает большое душевное горе, и он предлагает тебе свою дружбу и помощь вместе со своими силами, чтобы ты против своих врагов вывел и поднял их, если будет на то твоя воля, как брату, соседу и родственнику своему, сейчас же эта помощь и силы обращены на защиту своих отеческих владений, хотя он никогда не замышлял делать этого.

Господин мой, его величество король Венгрии и Чехии, Владислав отдает это и возлагает надежду на ваше благоразумие, имеющуюся в вашем разуме, что вы это широко и глубоко исследуете и снова обдумаете, узнав дружбу их светлейших величеств, как благородных родичей, которые вашему величеству, как пожелал Господь, по крови являются ближайшими, он предвидел, чтобы ваше величество не делал себе врагов из таких великих друзей, чье имя по воле Божьей знаменито по всему миру, и чтобы ваше величество на всех христианских государей, живущих под солнцем, братьев, дружественных своему государству, не воспылал бы враждой и ненавистью, чтобы Всемогущий Господь не дал нам, слугам вашим это увидеть или с приветствиями услышать.

Я вижу, что ваше светлейшее величество строго держится и ведет дела, и также сверх того я делаю вывод, что ваше величество не прислушивается каким-либо образом к призыву его святейшества нашего папы, наконец, всех королевств, а также христианских правителей собраться, и что ваше светлейшее величество не открывает в себе жадность по отношению к брату и зятю своему, так как то, что вы приняли по мирным предписаниям, вы не желаете возвращать.

Кроме того, я сделал вывод, Бог свидетель, как ввиду добродушия вашего светлейшего величества, так и из-за выгоды его величества светлейшего короля Польши, и особенно же всех христианских государств, что я мог бы найти какую-то славную и честную середину и меру тем, что я мог бы привести к этому послов его королевского величества, ибо я забочусь, что тяжело вашему светлейшему величеству во всем, что он принимает, брату своему возратить,

что однако не должен вернуть по справедливости, чтобы каждый владел своим, и из-за этого ваше величество середина в том, что он получил вернуть брату и зятю своему, и всех тех, кого держит в плену ваше светлейшее величество, всех князей, господ и простой народ, вы прикажите отпустить, за оставшимися же его святейшество наш папа и светлейший господин король Венгрии и Чехии отправят своих послов к вашему величеству, которые найдут дорогу и средство между вашими величествами, чтобы и та земля, которую теперь возвращает ваше величество, и другая, которую оставил себе, они должны будут придать и привести второму суду, ... это все он соблюдает, и в это время, до тех пор пока сами послы придут к вашему величеству с урегулированием [дел] между вами, нашими господами, к хорошему концу, чтобы сторона вашего величества от обоюдного мира была выработана и соблюдена, чтобы по нему мир ваших земель и ваших владений в их границах был в согласии со всеми частями.

Ответ венгерскому послу от князя Московского и от его господ и бояр

Господин Сигизмунд! Ты говорил нашему господину, что вчера у тебя были послы Польши и Ливонии и сказали тебе, что с нами говорили, с нашими господами советниками, однако ничего с нами не согласовали, чтобы был добрый мир и дружба между нашими господами, и они сказали, что этот господин король никак не переступал в своих предписаниях нашего господина, напротив мы приступаем статьи ... [нами] было узвано, в чем господин король может быть обвинен.

Наш господин приказал сказать тебе. Ты сказал, что польские и литовские послы сообщили тебе, что мы расторгли наши предписания и не соблюдаем их, и что те крепости, земли и княжества русские, которые мы захватили, мы не желаем возвращать королю, и что кроме всего прочего мы желаем иметь все земли русские.

Наш господин приказал сказать тебе. Ты слышал, господин Сигизмунд, что тебе ответил наш господин через своих бояр на поручение, почему Александр король и Великий князь не оправдался после принятия мирных

предписаний, и из-за чего порвались мирные узы, и каким образом он заимел себе врага, и когда бояре нашего господина сказали послам Польши и Литвы о том, что король Александр, Великий князь, не выполняет свои предписания по отношению к нашему господину, и не заботится об их соблюдении, и когда теперь ты здесь и поэтому тебе это еще раз отмечается.

Что же ты сказал, что мы не желаем ему возвращать те крепости и земли русские, наши отеческие владения, которые по Божьей воле мы заняли, напротив же мы желаем иметь под собой все земли русские, на это мы тебе прежде отвечали через наших бояр, и когда мы отправили наших бояр к польским и литовским послам, и где ты также находился, и и что наши бояре от нас говорили, то ты слышал. Очевидно, что те крепости и земли, которые мы заняли, являются нашей отеческой собственностью, и не только те крепости и земли, которые не так давно были под нашей властью, но также все земли русские, которые по воле Бога являются от наших предшественников нашей отчиной, и когда мы приняли дружбу и заключили мир и согласие с Великим князем Александром и отдали ему в жены нашу дочь, с тех пор мы уступили ему нашу отчину по дружбе, и когда Великий князь Александр, зять наш, не пожелал придерживаться своих предписаний, и тогда он обрел себе врага, отчего мы не должны вступать в эту нашу отчину, и почему мы не должны желать всей земли русской, нашей отчины?

Последний ответ венгерскому послу от московских бояр
пятый день праздника после *Oculi, Martii XVI*.

Господин Сигизмунд! Те дела, которые ты дал нам в письменном виде, мы рассказали нашему господину. И господин наш приказал сказать тебе. Ты говоришь, что те крепости и земли нашей отчины, которые дал на Господь, чтобы мы половину этих крепостей и земель отдали Великому князю Александру, и так заключили с ним трехсторонний мир.

Перед этим к нам должны отправить своих послов папа и король Венгрии и Чехии Владислав, и они прибыли бы, чтобы подвергнуть эти земли справедливости и закону.

Господин наш наказывает тебе, что мы отвечали на это не единожды тебе и польским и литовским послам через своих бояр, что не только те крепости, области и территории, которые мы вновь взяли, но также все земли русские, доставшиеся от наших предков, являются нашей отчиной.

Господин наш приказал сказать тебе. Что мы также тебе отвечали, что когда мы [заключили] дружбу и мирные предписания с Великим князем Александром, и отдали ему в жены нашу дочь, с тех пор мы отпустили эту нашу отчину и земли русские на дружеское усмотрение. Когда же наш Великий князь Александр не пожелал придерживаться предписаний, таким образом он обрел себе врага. Почему же мы должны уступить половину нашей отчины, которую дал нам Господь, отчего мы должны заключить этот мирный договор и почему нам не стремиться владеть нашей отчиной, всей землей русской?

Господин наш приказал сказать тебе. Когда король и Великий князь Александр хотел бы иметь с нами мир и доброе согласие, тогда он должен отдать нам нашу отчину, ибо это все земля русская. И тогда мы желаем иметь мир и доброе согласие.

Опять господин Сигизмунд обратился с речью к Великому князю Московскому

Светлейший князь! О том, что это представляется невозможным для дела ваших величеств, о том упоминалось и многократно говорилось вашему величеству, и что было дано в письменном виде, пусть ваше величество соблаговолит отпустить послов его королевского величества, и также соблаговолит заключить с братом и зятем своим, королем Польши, тройной мир в день и праздник святого Петра сразу после прибытия, во всяком случае для того, чтобы наши послы ничего не дорабатывали, и чтобы во-первых между вами, господами, был положен добрый конец, что тем временем, в течении

мирного времени, к вашему величеству придут другие послы его королевского величества с основными делами между вами, господами, чтобы положить добрый конец между вами.

Ибо эти послы от его величества не имеют с собой много дел, за исключением того, что было сказано твоему величеству. Твое величество хорошо это слышал, также и мне в письменном виде было отмечено, что самим им не следует делать более написанных дел, и они сейчас не могут ничего сделать.

Светлейший князь! Господа послы сказали твоему величеству эти поручения от брата и зятя вашего, короля Польши и Великого князя, Александра, также от великого магистра Ливонии, также ваше величество сам хорошо услышал от них, и между ними было широкое обсуждение с господами и секретарями вашего величества. И ты понял от этих послов, что все то, что сообщает король Александр тебе, брату и тестю своему, все твоему величеству было по порядку объявлено и рассказано, и более этого ничего нет в инструкциях к вашему величеству.

Ваше величество до сих пор не проявил уважение к этим делам. Итак, ваше величество (указывает), чтобы ваше величество не желает заключить с братом и зятем своим, королем и Великим князем, дружбу и вечный мир, как было в ваших предписаниях и обещаниях, с тех пор ваше величество, по крайней мере, выработал тройной временный мир с его королевским величеством и господином магистром, другой на определенное время, чтобы между вами, великими господами не возростала вражда, и в первую очередь тем временем были бы добрые дела, договора и посольства.

И чтобы во время тройного мира к вашему величеству прибыли другие послы его королевского величества и господина магистра с более важными делами, которые окончательно решат дела между вами, господами, так, как соответствует закону и чести.

Ибо эти послы не имеют больше инструкций от его королевского величества, и того, что представить лично вашему светлейшему величеству. И если на то не будет воли твоего величества, чтобы ты принял тройной

временный мир с братом и зятем своим и также Ливонским магистром, тогда пусть ваше величество соблаговолит обратно отправить послов к нашему величеству, так как эти послы более ничего не имеют в инструкциях, и т.д.

Приложение 2

